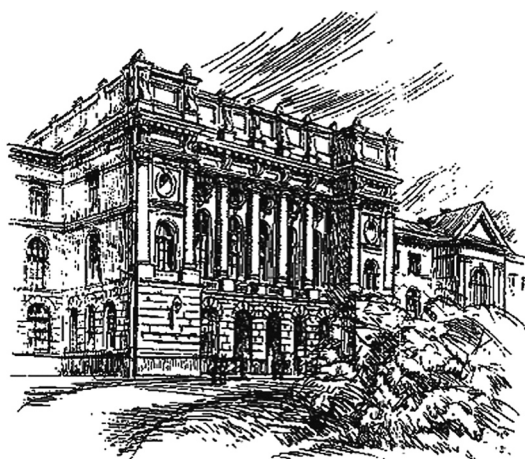

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

Том 8, № 2, 2017

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2017

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагерьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Рудской А.И.*, чл.-кор. РАН;
Тендлер М.Б., ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дестарева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН — председатель;
Бордовская Н.В., академик РАО; *Бордовский Г.А.*, академик РАО;
Дудник С.И., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Поришева О.С.*, д-р ист. наук,
профессор УрФУ (Екатеринбург); *Тряпицына А.П.*, чл.-кор. РАО.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор — главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор — зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор; *Ван Ци*, профессор Университета Цинхуа, PhD (КНР);
Гогоберидзе А.Г., д-р пед. наук, профессор РГПУ; *Даринская Л.А.*, д-р пед. наук, доцент СПбГУ;
Дианова В.М., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Кулик С.В.*, д-р ист. наук, профессор;
Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Михайлов А.А.*, д-р ист. наук, профессор Военной
академии Генерального штаба ВС РФ; *Осокина Е.*, д-р ист. наук, профессор Университета Южной
Каролины (США); *Погодин С.Н.*, д-р ист. наук, профессор; *Попова Н.В.*, д-р пед. наук, профессор;
Порохня В.С., д-р ист. наук, профессор МАИ; *Романенко И.Б.*, д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Савчук В.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Стрельченко В.И.*, д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор; *Ульянова С.Б.*, д-р ист. наук, профессор;
Халыпина Л.П., д-р пед. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал издавался в составе сериального издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ», в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Журнал имеет двуязычное оформление и публикует статьи на русском и английском языках.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59, в ред. приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 г. № 294, от 16.11.2009 г. № 603, от 10.01.2012 г. № 5, от 20.02.2015 г. № 114), по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 — Исторические

науки и археология, 09.00.00 — Философские науки, 13.00.00 — Педагогические науки.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

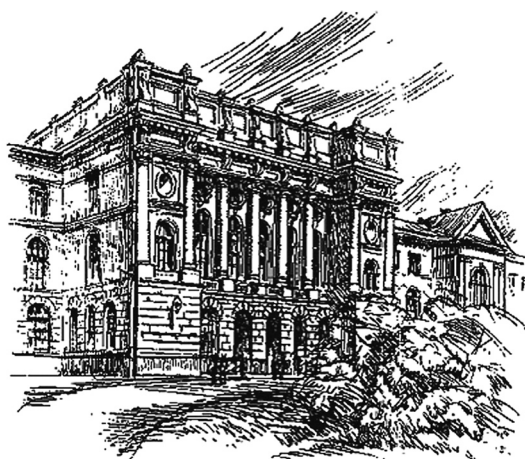
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

**Humanities and Social
Sciences**

Vol. 8, no. 2, 2017

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2017

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc. (tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc. (tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc. (tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc. (phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc. (phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., Dr.Sc. (philol.), academician of the Russian Academy of Sciences – chairman of the board; *Bordovskaya N.V.*, Dr.Sc. (ped.), prof. of the St. Petersburg State University, academician of the Russian Academy of Education; *Bordovsky G.A.*, academician of the Russian Academy of Education; *Dudnik S.I.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Porshneva O.S.*, Dr.Sc. (history), prof. of the Ural Federal University (Ekaterinburg); *Tryapitsyna A.P.*, Dr.Sc. (ped.), prof., corresponding member of the Russian Academy of Education.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., Dr.Sc. (philos.), prof. – editor-in-chief; *Shipunova O.D.*, Dr.Sc. (philos.), prof. – deputy editor-in-chief; *Almazova N.I.*, Dr.Sc. (ped.), prof. of the SPbPU; *Darinskaya L.A.*, Dr.Sc. (ped.), associate prof. of the St. Petersburg State University; *Dianova V.M.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Gogoberidze A.G.*, Dr.Sc. (ped.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia; *Khalyapina L.P.*, Dr.Sc. (ped.), prof.; *Kulik S.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Markov B.V.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Mikhailov A.A.*, Dr.Sc. (history), prof. at the Military Academy of the Russian Armed Forces General Staff; *Osokina E.*, Dr.Sc. (history), prof. of the University of South Carolina (USA); *Pogodin S.N.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Popova N.V.*, Dr.Sc. (ped.), prof.; *Porokhnya V.S.*, Dr.Sc. (history), prof. of the Moscow Aviation Institute; *Romanenko I.B.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia; *Savchuk V.V.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Strelchenko V.I.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia; *Surygin A.I.*, Dr.Sc. (ped.), prof.; *Ulyanova S.B.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Wang Qi*, prof. of the Tsinghua University, Ph.D. (China).

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

It is a bilingual journal which publishes articles in both Russian and English.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties has been approved by order No. 59 dated 25/02/2009 of the Russian Ministry of Education and Science, and amended by order No. 294 dated 11/08/2009, No. 603 dated 16/11/2009,

No. 5 dated 10/01/2012, and No. 114 dated 20/02/2015: 07.00.00 – historical sciences and archeology, 09.00.00 – Philosophical sciences, 13.00.00 – Pedagogical sciences.

Subscription index **80634** in the “Press of Russia” Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2017

Содержание

Философия

Проблемы XXI века

Поздеева Е.Г. Контуры социального будущего в сингулярной реальности: социологический взгляд на проблему.....	7
Евсеева Л.И., Евсеев В.В. Проблема социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах	20
Бусурина Е.В., Чуйкина Н.В. Компьютерная автономия: языковая личность и языковая игра (на материале виртуальных пространств России и Эстонии)	31

Философские и культурологические исследования

Романенко Ю.М. Событие античной онтологии в исторической перспективе. Такт первый: досократики — софисты — Сократ	41
Медведев В.И. Язык как объект познания: особенности наук о человеке	52
Денисков А.В. Философские предпосылки проектирования взаимодействий в техногенном мире: цивилизационный подход в работах А.В. Солдатова	61
Шадов А.А. Концепция спонтанного воображения в онтологии М. Хайдеггера.....	68
Кузнецов В.В. Философия достоинства и ее предмет	75
Колесниченко Ю.В. Концепция «симфонической личности» в философии Л.П. Карсавина	83

Педагогика

Проблемы высшей школы

Белина Н.В., Киселёва З.А., Божик С.Л. Изучение современных англицизмов на занятиях по иностранному языку в вузе	89
Гаврилова А.В. Формирование у студентов чувства ответственности за добросовестное выполнение тестовых заданий	99

Профессиональное образование

Рубцова А.В., Алмазова Н.И. Стратегия развития профессионально ориентированного иноязычного образования в высшей школе	107
---	-----

Хроника

Шипунова О.Д., Кузнецов Д.И. Творческий путь заслуженного деятеля науки Российской Федерации А.В. Солдатова (К 70-летию со дня рождения)	115
---	-----

Contents

Philosophy

Challenges of the XXI Century

Pozdeeva E.G. The contours of the future of the social in the singular reality: a sociological approach to the problem	7
Evseeva L.I., Evseev V.V. The problem of social adaptation in new communication environments.....	20
Busurina E.V., Chuykina N.V. Computer self-naming: language persona and language game in computer names (based on materials of Russian and Estonian virtual space).....	31

Philosophical and Cultural Studies

Romanenko Yu.M. The event of ancient Greek ontology in the historical perspective. The first stage: pre-socratics – sophists – Socrates	41
Medvedev V.I. Language as an object of knowledge: specific features of humanities	52
Deniskov A.V. Philosophical background of the design of interactions in a man-made world: a civilizational approach in the works of A.V. Soldatov	61
Shadov A.A. The concept of spontaneous imagination in M. Heidegger's ontology	68
Kuznetsov V.V. Philosophy of dignity and its subject	75
Kolesnichenko Yu.V. The concept of a “symphonic personality” in the philosophy of L.P. Karsavin	83

Pedagogy

Problems of Higher School

Belina N.V., Kiseleva Z.A., Bozhik S.L. Study of modern anglicisms in university English classes	89
Gavrilova A.V. Creating the sense of responsibility in students as a means of preventing cheating	99

Professional Education

Rubtsova A.V., Almazova N.I. Strategy for developing professionally oriented foreign languages education in tertiary education.....	107
--	-----

Chronicle

Shipunova O.D., Kuznetsov D.I. The creative path of the honored worker of science of the Russian Federation Alexander V. Soldatov (The 70th anniversary of birth).....	115
---	-----

КОНТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО В СИНГУЛЯРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Е.Г. Поздеева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена социологической проблеме конструирования образов будущего социальной реальности, для которой характерны черты сингулярности. Рассмотрена специфика настоящего этапа развития общества, связанная с затянувшимся пребыванием общественного сознания в ожидании кардинальных позитивных перемен, динамикой трансформаций, потребностью в новой модели общественного развития, складывающейся в условиях непредсказуемости. Анализируются подходы к трактовке сингулярности, характеризуются ее виды применительно к общественным явлениям и процессам, отраженным в общественном сознании в признаках противоречивости, затянувшегося пребывания в мобилизованном состоянии, поиска идейной платформы. Раскрытие сущности сингулярной социальной реальности ведется в контексте коэволюции природы и общества в условиях стремительных технологических сдвигов. Отмечается, что длительное пограничное существование на пределе как характерное состояние социума связано с изменением роли информационной сферы, увлечением игровыми социальными практиками. Сингулярность в социальном мире означает процесс производства непредсказуемых значений, существование и развитие социальной системы, сознания субъекта в интервале неточных данных, развитие в логике, подчиняющейся нонсенсу. Сингулярности сигнализируют о сбое в социальном порядке, в рутине жизни, основанных на конвенциональной реальности. Они означают состояние социума, в котором запущен механизм производства новых значений, что порождает уязвимости и фантомные явления. Это создает распространяющееся ощущение бессилия перед будущим, неясности предстоящего, свободного течения без адекватного вмешательства. Социологический анализ мнений представителей различных социальных групп обнаружил запрос на позитивный образ будущего и выявление движущих сил его строительства. Главный драйвер развития в сценариях будущего формируется на основе потенциала каждого отдельного человека, его вовлеченности в технологичную и инновационную экономику. Материалы статьи могут быть использованы для проективных исследований, разработки моделей и сценариев будущего социальной системы и ее элементов, определения движущих сил инновационного развития.

Ключевые слова: социальное пространство; образ будущего; сингулярность; горизонт событий; модель; фантом; уязвимость; жизненные стратегии; смысл; знак; нонсенс; семиосфера; прекариат; информалиат

Ссылка при цитировании: Поздеева Е.Г. Контуры социального будущего в сингулярной реальности: социологический взгляд на проблему // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 7–19. DOI: 10.18721/JHSS.8201

THE CONTOURS OF THE FUTURE OF THE SOCIAL IN THE SINGULAR REALITY: A SOCIOLOGICAL APPROACH TO THE PROBLEM

E.G. Pozdeeva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to the sociological problem of designing images of the future social reality, which is characterized by features of singularity. The specifics of the present stage of the development of society are considered, connected with the prolonged stay of the public consciousness in anticipation of cardinal positive changes, the dynamics of transformations, the need for a new model of social development that evolves in the conditions of unpredictability. The approach to the treatment of singularity is analyzed in the article, its types are described with reference to social phenomena and processes reflected in the public consciousness in the signs of contradiction, protracted stay in a mobilized state, and search for an ideological platform. The essence of the singular social reality is revealed in the context of co-evolution of nature and society in the conditions of rapid technological shifts. It is noted that a long borderline existence at the limit as a characteristic state of society is associated with a change in the role of the information sphere, enthusiasm for game practices. Singularity in the social world means the process of producing unpredictable meanings, the existence and development of the social system, the subject's consciousness in the interval of inaccurate data, development in logic governed by nonsense. Singularities signal a failure in the social order, in the routines of life based on conventional reality. They mean the state of the society in which the mechanism of producing new values is launched, which generates vulnerabilities and phantom phenomena. This creates a pervasive sense of impotence before the future, the uncertainty of the forthcoming, free flow without adequate intervention. A sociological analysis of the opinions of representatives of various social groups reveals a request for a positive image of the future and the identification of the driving forces of its construction. The main driver of development in the future scenarios is formed on the basis of the potential of each individual person and their involvement in the technological and innovative economy. The materials of the article can be used for projective research, development of models and scenarios of the future social system and its elements, determination of the driving forces of innovative development.

Keywords: social space; image of future; singularity; event horizon; a model; a phantom; a vulnerability; life strategies; meaning; sign; nonsense; semiosphere; precariat; informalit

Citation: E.G. Pozdeeva, The contours of the future of the social in the singular reality: a sociological approach to the problem, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 7–19. DOI: 10.18721/JHSS.8201

Введение. Для современного общества всё более актуальными становятся осознание своего «текущего» состояния (З. Бауман), создание образа пластичного мира и определение места в нем многогранной личности, способной с высокой скоростью адаптироваться к переменам. Формирование образа реальности на основе осознания настоящего происходит в контексте проектирования будущего, ведущим фактором которого выступает вектор социального развития. Образ будущего всегда определял направление научного поиска проектов социальных изменений. Стремление сделать завтра лучше, чем сегодня, не только формирует фокус, точно концентрирующийся в жизненном плане, но и оставляет следы, выстраивает шлейфы в ткани социальной реальности, в которых просвечивают мечты о гармонии и счастье. Новую волну интереса вызывает как сама модель социальной жизни в будущем, так и субъектные характеристики этой модели. Специфика настоящего, в котором созревают предпосылки коренных изменений и новые процессы, не укладывающиеся в обоснованные модели и формулы, раскрывается с помощью понятия «сингулярность».

Будущее как проблема российского общества. Именно будущее стало главным предметом обсуждения на состоявшемся в 2016 г. III форуме Международной социологической ассоциации (ISA), который был посвящен вопросам глобальной социологии и образу лучшего мира. Уже в названии форума — «Будущее, которое мы хотим: глобальная социология и сражения за лучший мир» — прозвучало желание прояснить конструкт желаемого будущего и наметить пути его реализации. По мнению Д.В. Иванова и Ю.В. Асочакова, обращение к теме будущего можно рассматривать как концептуальный поворот и обновление исследовательской повестки в социальной науке [1]. Нельзя не признать, что социальная наука всегда брала на себя построение универсальной картины будущего и формирование проекта изменения реального мира с позиций достижения желаемых параметров. Новыми аспектами в социальном теоретизировании становятся помещение проблематики конструирования будущего в более широкий полемический контекст, рассмотрение открытого финала, анализ социальных

движений, процессов, проектов акторов, цели которых связаны с совершенствованием социального будущего [2].

Определяя ориентиры будущего, социальная наука сталкивается с проблемами распознавания, соотнесения следов будущего в современной неустойчивой, многоликой, динамично меняющейся социальной ситуации, которую характеризуют на основе признаков сингулярности. Изменчивое социальное пространство сегодня невозможно анализировать, не учитывая контекста, задаваемого интервалом как планируемых, так и непредсказуемых процессов, не включая в рассмотрение фоновые и случайные события. Это особенно важно для анализа современного российского общества, которому свойственны такие черты, как расколлотость, затянувшееся пребывание в мобилизованном состоянии, поиск идейной платформы на фоне непрозрачности действий институтов и сфабрикованных информационных потоков. Контрастность характеристик тенденций общественных настроений обнажает глубокие противоречия в общественном сознании: растет доля тех, кто указывает на осязаемое падение своего реального уровня жизни, охвачен разочарованием, озабочен нестабильностью экономики, затянувшимися кризисами и не планирует свою жизнь на дальнюю перспективу. Однако наряду с этим более чем три четверти населения страны считают себя удовлетворенными жизнью и счастливыми. В течение двух лет уровень счастья россиян не опускается ниже 80 %. Согласно рейтингу, отношение к институтам власти остается на высоком уровне [3]. Несмотря на то что западные авторы уже обосновали неоднозначную связь между экономическим процветанием и уровнем счастья (Р. Истерлин), эта ситуация подчеркивает неустойчивость оценок россиян, стремление приукрасить картину и отвечать бытующему мифу о человеке, который на трудности жизни смотрит свысока. По мнению Л.Д. Гудкова, директора Аналитического центра Юрия Левады, российское общество сегодня демонстрирует неготовность анализировать происходящее. Сложившаяся ситуация противоречива, она есть следствие одновременного протекания процессов, поддерживающих консервативность одних институтов (судебных, правоохранительных, образовательных, воспитательных) и стремительные изменения в дру-

гих институтах и сферах (экономические отношения, система потребления) [4].

Обществу свойственны нечеткость самооценки, допущение противоречивости исполняемых индивидами ролей, одновременность несогласия с ситуацией и принятия перспективы долгого выхода из затянувшихся кризисов. Регулярные опросы, проводимые агентством RBC, показывают: около 46 % россиян не знают, что с ними будет в ближайшие месяцы, еще 36 % планируют свою жизнь максимум на один-два года вперед [5]. Возникает вопрос: не симптом ли это сформировавшейся привычки «жить на пределе», не представляя конечной точки следования, образа будущего?

В такой жизненной ситуации могло бы спасти развитие у людей проективных навыков, способности планировать и прогнозировать будущее. Но основания для развития прогностических подходов в повседневной жизни весьма зыбкие, так как последнее время мы всё больше сталкиваемся с доминирующими управленческими и жизненными стратегиями, которым свойственен малый горизонт планирования (неделя, месяц, год). Согласно методологии Г. Хофштеде, для российского общества более характерны такие черты, как феминность и коллективизм. Они лежат в основе жизненных установок, вызывающих потребность постоянного бега к высокой цели, но и столь же постоянное «недобегание» до нее. Особый русский путь чаще видится в прекрасном обозримом будущем, которое может быть представлено даже в деталях, но пика реализации этой идеи никак не достигнуть. Несмотря на ожидания, даже среди тех, кто обладает всеми инструментами прогнозирования, консенсусного прогноза будущего нет. По мнению заместителя председателя Внешэкономбанка А.Н. Клепача [6], одна из проблем с моделями, которые мы используем для прогнозирования в России, — это то, что они всегда ненадежны.

Для изучения неустойчивых и предельных ситуаций с неясным будущим применимо понятие «сингулярность». Оно задает систему видения настоящего сквозь призму будущего и действует как на уровне индивидуального поведения, так и в рамках развития социальных систем.

Современное общество развивается в трехмерном пространстве: одно измерение управля-

ется быстрыми рыночными процессами; в другом измерении отражается идущая своим ходом эволюция природы и общества, в третьем — господствуют конфликт, конкуренция, агрессия, борьба за выживание. Это пространственное расположение уже попадает в сингулярное пространство, так как в нем постоянно происходят «настройка», сборка, действуют самоорганизующиеся силы, наблюдается саморефлексия. Разнообразные видимые явления, всплески и выходы на поверхность новых комбинаций в виде концепций инновационного развития сосредотачиваются на границах, давая пищу для научного анализа.

Общество, увлеченное симуляционными практиками, приобретает сложную композиционную структуру. По мнению Е.В. Пилюгиной [7], нас окружает мир, в котором живет общество, озабоченное своей социальностью, — общество, сосредоточенное на себе. Одну из причин такого фокусирования общества она видит в победе информационной сферы над социальной, в результате чего информационная среда навязывает обществу нормы, формы и образцы социального поведения. Общество оказывается вовлеченным в игру, а в игровых формах весьма странным образом отражается и трансформируется сама реальность.

В современных системах сложные ветвления, трансформации, сопутствующие скрытые процессы, идущие по своим сценариям, ставят задачу выяснения правил и принципов, с помощью которых устанавливается и поддерживается порядок. В этой связи оказывается релевантным понятие сингулярности. Оно вытекает из подхода, учитывающего нелинейные процессы и возможные траектории разрешения загадок будущего для всего живого.

Считается, что благодаря разрушению симметрии между разными типами физических взаимодействий стали возможными не только возникновение микро- и макрообъектов, но и последующая взаимосвязанная эволюция микро- и макроскопической ветвей развития. Эта идея нашла отражение в коэволюции — гармоническом развитии природы и общества, обеспечивающем стабильное развитие окружающей человека среды. Н.Н. Моисеев [8] под коэволюцией понимает соразвитие (совместное развитие) элементов одной системы, сохраняющей свою целостность и естественный (эволюци-

онный) канал развития. Принятие коэволюционного взгляда важно в том отношении, что позволяет осмысливать развитие метасистемы, выявлять точки противоречия, переходы на новый уровень, взаимовлияние процессов.

Переходы и скачки особенно характерны сегодня для сферы демографического развития. Мыслимая согласно геополитическому взгляду единая мир-система давно вошла в зону фазового перехода и уже выходит из нее. Это вызвало «демографический переход», под которым подразумевается фазовый переход от относительно стабильной демографической системы (с высокой смертностью и высокой рождаемостью) к качественно иной демографической системе — с низкой смертностью и низкой рождаемостью [9]. Фазовые переходы, протекающие долгое время и сопровождающиеся множеством динамичных последствий, становятся характерной ситуацией развития социальной системы. Объяснение и предвидение тенденций в будущем не подчиняются известным формулам, что подтверждают исследования роста народонаселения планеты, проведенные С.П. Капицей. Формула роста народонаселения уже в 2007 г. оказалась несостоятельной. Сингулярный процесс поставил вопрос о смене закономерности, выявил изменение реальности. Таким образом, сингулярная ситуация свидетельствовала об изменении реальности, а не о гибели или исчезновении ее. Это подчеркивает следующий принципиальный момент: сингулярность показывает, что в реальности должно возникнуть что-то новое (явление, феномен, процесс, взаимосвязь), а значит, понадобится новая логика объяснения.

Сингулярные переходы (или скачки) характерны для жизни и человека, и социобиосистемы. Переходы на новый уровень демонстрируют не разрушение и начало формирования заново, а возникновение нового уровня сочетания имеющихся элементов. Поэтому можно говорить о сингулярности как о закономерном событии в жизни социальной системы. Однако предсказывать новое обличье (новые образы и формы) — это очень сложная задача.

Сингулярность и ее виды. Сингулярность получила особую популярность в научной сфере благодаря развитию космологии и математики. Более разработанными являются

понятия космологической и технологической сингулярности.

Космологическая сингулярность — особое состояние Вселенной в определенный момент времени в прошлом, когда плотность энергии (материи) и кривизна пространства-времени были очень велики. Исследование этого понятия было связано прежде всего с проблемами возникновения Вселенной. Сингулярность в космологии понимается как клубок материи такой высокой плотности, что для его описания необходимы новые законы физики. Исследования и эксперименты в этой области привели к выделению двух ипостасей сингулярности: проявляющейся в виде «черной дыры» и обнаженной («голой») сингулярности [10]. По сценарию развития «черной дыры» происходит сжатие материи до песчинки и возникновение горизонта событий. Так, сингулярность оказывается окруженной виртуальной граничной поверхностью (*горизонтом событий*), которая скрывает ее от внешнего наблюдателя. Всё, что проникнет под эту поверхность, никогда не сможет вернуться назад. Обнаженная («голая») сингулярность не окружена граничной поверхностью, она видна внешнему наблюдателю, и объекты, движущиеся по направлению к ней, могут, в принципе, развернуться вплоть до момента достижения самой сингулярности. При «голой» сингулярности возникает форма веретена, так как нет горизонта событий, всё видимо, происходит сжатие по краям, растягивание, возникает концентрация силы на полюсах, что позволяет совершать броски.

Технологическая сингулярность характеризует состояние материального мира, которому свойственно ускорение эволюции, имеющей в своей основе научно-технический прогресс, вызвавший создание искусственного интеллекта, новых форм интеграции человека с информационно-коммуникационными средствами, увеличение возможностей человеческого мозга за счет биотехнологий. По мнению В. Винджа, переход к сингулярности связан с формированием сверхчеловеческого интеллекта. Пути к нему лежат через искусственный интеллект, увеличение биологических возможностей человека, человеко-компьютерные системы [См.: 11].

Совокупность видов сингулярности — математической, гравитационной, космологической, технологической, биологической —

подчеркивает, что сингулярная ситуация анализируется в разных плоскостях и с помощью различных методов науки. Во всех ракурсах сущность сингулярности отражает состояние неопределенности, наличие неожиданных отклонений в поведении объекта, существование границ, в пределах которых работает закономерность.

Математический подход к сингулярности выявляет ее главную особенность: процесс сингулярности запускается, когда система начинает проявлять нерегулярность в своем поведении. В математике используется понятие «точка сингулярности». В этой точке система начинает вести себя иначе, чем прежде. Она сталкивается с ограничениями, которые начинают тормозить ее динамику. Считается, что переход через точку сингулярности предвидеть невозможно, так как развитие событий в системе (объекте) определяется влиянием множества случайных факторов и потенциальными возможностями Природы, которые нам до конца не известны. Поэтому сингулярность связывают с ситуацией или процессом.

Экономическая сингулярность во всех ее кризисных проявлениях показывает момент созревания, складывания новой формы сочетания и согласования процессов производства и потребления. Политическая сторона постсингулярной действительности связана со всеми объективными и субъективными моментами изменения ситуации разрыва между принятием решения и его реализацией. Культурологический аспект актуализирует проблему параллельного развития множества разнообразных культурных форм, что возможно благодаря сетевым и цифровым технологиям. Понятие сингулярности разрабатывается и в современной социологии. Применительно к нему акцент делается на обнаружении связи между природными и социальными явлениями, подчеркиваются синхронистические аспекты эволюционных изменений.

В отечественной социологии сформировалось неоднозначное отношение к сингулярности. Понимаемая как единичность, сингулярность не сразу находит место в социологической теории и практике. Согласно Г.С. Батыгину, «сингулярности молчат», т. е. единичные события не дают информации о конфигурации социального пространства, а остаются как метки

новых моментов социальной жизни [12, с. 65]. Но сегодня особенно актуализовалась проблема проецирования желаемого будущего в реальную практику жизни, поэтому сингулярность как совокупность процессов, сопровождающих неустойчивое развитие системы под влиянием рациональных и случайных факторов, представляет большой интерес.

Сингулярность в социальном пространстве.

Современные структурные и агентностные парадигмы в социологии сместили исследовательский фокус на наблюдаемое настоящее [13]. Структурно-функциональный ракурс с помощью линейности формирует будущее как продолжение уже сложившихся социальных процессов, структурированных и в комплексе стремящихся к воспроизводству и развитию. Здесь герой-будущее действует в рамках ожиданий и моделей регуляции поведения. Агентностная позиция сосредотачивается на ситуации взаимодействия, уходит в глубь рациональных аспектов интерпретации и складывающегося вслед за этим взаимодействия. Здесь будущее проецируется и отражается в смыслах и действиях акторов, связанных интеракцией в сети, замкнутые поля.

Применение историко-критического подхода позволяет выделить в современной ситуации точки неустойчивости, всплески контрастирующих явлений и процессов, не встраивающихся в сложившиеся структурно-логические схемы. Эти моменты демонстрируют разрывы сложившейся ткани социальной жизни. Они обнажают точки несогласия, маркируют следы будущего, так как притягивают энергию и креатив социальных сил.

Включение культурно-антропологического подхода, в рамках которого рассматривается социальная действительность в двух плоскостях — идеальной (смысловой) и реальной (предметной), — подчеркивает вечную борьбу чувств и рациональности, нового и старого в мыслях и действиях людей, позволяет включить сингулярность как инструментальное понятие, применимое при анализе личностных и системных характеристик социальной жизни.

Сингулярность в социальном мире означает процесс производства непредсказуемых значений, существование и развитие социальной системы, сознания индивида в интервале по-

луточных данных, развитие в логике, подчиняющейся нонсенсу. Ж.Л. Нанси рассматривает сингулярность как состояние «на пределе». Он обозначает это как «непрерывное прерывание» [14]. Анализируя понятие «со-бытие», исследователь говорит о логике, которая определяет существование вместе и как бы на границе. По его мнению, на границе и возникают сингулярности, которые отличаются от самого субъекта хотя бы потому, что субъектом является достаточно устойчивая, замкнутая в себе единица. Сингулярностью может быть целая группа и даже дискурсы, как полагает Нанси. Сингулярность объясняется как *случайное, подвижное и уникальное образование, пребывающее на указанной границе*. Со-бытие подразумевает со-присутствие, т. е. присутствие другого. Пребывание на пределе раскрывает такой способ существования, когда внутреннее и внешнее даны в своей одновременности или когда то, что кажется самым сокровенным и внутренним, пришло к нам извне.

В существовании на границе действуют временные силы, удерживающие совместность до определенного момента, причем этот момент невозможно до конца рассчитать. Исходя из рыночной сути современности, нельзя не заметить, что в такой ситуации особенно актуализируются стратегии, ориентированные на ценность момента, технологии извлечения из данной ситуации максимальной пользы.

Освоение внешнего внутренним, многократные переводы во внутреннее из внешнего обуславливают переходы, перескоки, броски внутри системы. О существовании на границе в пространстве семиосферы писал Ю. Лотман [15]. Он отмечал, что граница есть механизм перевода текстов чужой семиотики на язык своей, место трансформации внешнего во внутреннее как фильтрующая мембрана, когда «чужое» встраивается в «свое», оставаясь инородным. В информационном обществе ситуация многократных переводов продуцирует поток новой информации. А фильтрация информации способствует структуризации пространства. Работа с информацией имеет сходство с взаимодействием космоса и хаоса: внутренний мир (выстроенный как космос, основанный на нормах) соотносится с внешним, существующим по ту сторону границы (воспринимаемым как хаос). Происходит перевод хаоса в порядок и далее — в

космос. И эта работа ведется на границе. Сама граница билингвальна, в ее ореоле постоянно присутствуют «мы» и «они», которые не существуют друг без друга. Таким образом, на границе всегда создается поле сингулярности. Так, центр и периферия взаимопроникают друг в друга: периферия «обесцвечивается» (очищается от «вызовов-красок»), центр принимает новые краски — маркированные области.

Геометрической точке и линии посвятил свои сочинения выдающийся художник В. Кандинский. Он писал: «Геометрическая точка является теснейшей и единственной в своем роде связью молчания и речи... В живой речи точка является символом разрыва, небытия (негативный элемент), и в то же время она становится мостом между одним бытием и другим (позитивный момент). Это определяет ее внутренний смысл в письменном тексте» [16, с. 47]. Кандинский доказывал, что точка заключает в себе внутренние силы, энергию, таит напряжение сил, излучаемых на поверхности. Эти и другие положения в искусстве позволили ему сказать совершенно новое слово в искусстве.

По утверждению Ж. Делеза [17], то, что не выступает ни как индивидуальное, ни как личное, является источником сингулярностей. Делез, так же как Ж.Л. Нанси, подчеркнул в сингулярности процессную природу. Разведя индивидуальное и личное, он отмечает, что сингулярность есть процесс непрерывного производства непредсказуемых значений, подчиняющийся правилам нонсенса. Только теория сингулярных точек позволяет выйти за пределы синтеза личности и индивида, бытующего в сознании. Сингулярность выводит в поле трансцендентного, скрытого и ненаблюдаемого в своей явности.

Сингулярности сигнализируют о сбое в социальном порядке, в рутинах жизни, имеющих в качестве основы конвенциональную реальность. Появление сбоев показывает динамику заданных границ. Происходят постоянные переходы из одного уровня в другой. Сингулярность воплощается в трансгрессии, когда имеет место неконвенциональное нарушение социально значимых границ, отделяющих сакральные области жизни от профанных, и ее эффекты позволяют обнаружить скрытые и ненаблюдаемые структуры и границы [18]. Так, неявное становится наблюдаемым, мыслимое

воплощается. Трансгрессия возможна в результате возникновения единичных событий, которые являются результатом изменения рутин. На границе, где происходят переработка внешнего во внутреннее и воплощение внутреннего в новые внешние формы, осуществляется серия переходов, сдвигов, что порождает ситуацию подвижности, динамичного процесса, по сути — порождает сингулярность. Таким образом, сингулярность отражает действие энергии подвижности.

Сингулярность означает состояние социума, в котором запущен механизм производства новых значений, никогда не останавливающийся. Делез называл это «смыслорождающей машиной». Такое состояние вызывает сохраняющуюся напряженность в системе, сила которой не иссякает, так как присутствуют и воспроизводятся питающие ее ресурсы. Смыслорождение происходит в процессе соприкосновения нонсенса и смысла, противоречащих друг другу и создающих динамическое поле. Это и есть два фактора, противостояние которых побуждает к поиску новых значений. Делез выделил несколько релевантных свойств сингулярности: проявление и воплощение в событиях, вызванных наличием потенциала энергии; серийную природу распространения, осуществление каждого явления в виде бросков, перескоков из одной точки в другую; способность сингулярностей к самовоссоединению, к сворачиванию в одной точке; блуждание у границ, существование на пределах; нахождение на поверхности — на месте смысла, который резонирует с другими смыслами; свойство проблематичности, возникающее из-за топологических событий [17, с. 139–141].

Между сингулярностями не существует иерархии. Они действуют и на личностном, и на системном уровне. Поскольку способом существования сингулярности является резонансная связь, исследователи не обходят вниманием и изучение связи, взаимодействия между сингулярностями. Сингулярности имеют волновой (серийный), а не корпускулярный характер, они существуют до тех пор, пока развиваются. В сингулярности проявляется специфика трансцендентного поля, в котором сосредоточены: энергия, резонанс серий, проявление на пределах (границах), организация смысла, проблематичность. Сингулярность может вы-

глядеть как точка в пространстве, а также как вытянутый конус (веретено), где видимые проявления имеются на верхних и нижних концах. Такая модель в социальной науке используется для моделирования инновационного развития социальной системы, например организации.

Всплески и скопление сил, идущих «не в ногу» с системой, по-разному фиксируются социологами. Так, С.А. Кравченко рассматривает уязвимости, Ж.Т. Тощенко обращается к описанию и анализу современных фантомов, А.И. Пригожин в организационно-управленческой плоскости раскрывает источники дезорганизации, особенности действия конфликта синергетических и энтропийных сил в организации.

Уязвимости как атрибут сложных систем предполагают нелинейность связи между возможными причинами потенциальных катастроф и губительными последствиями для жизнедеятельности больших и малых сообществ людей. Характеризуя черты сложных систем, С.А. Кравченко отмечает, что аномия, квинтэссенцией которой является безнормность, сама стала нормой современной жизни [19, с. 6]. Учитывая современную динамику общественных процессов, можно говорить и о том, что сами уязвимости усложняются, так как возникающие комбинации сложных систем, скрытых областей виртуального пространства вызывают поля, которые накладываются и образуют шлейфы. В этой связи очевидно созвучие идеи о том, что становление можно рассматривать как результат динамики, придающей социуму черту незавершенности развития, и подхода с позиций сингулярности.

Незавершенность создает поле разнообразия потенциальных путей развития, отражения социальных образов реальной жизни, течение которой сопровождается культурными травмами и социальными разрывами. Парадоксальные явления общественного сознания и поведения в российском обществе на этапе продолжающегося реформирования были исследованы в работах Ж.Т. Тощенко [См., например: 20]. Он обратился к сущности специфического феномена — фантомам. Под фантомами исследователь понимает явления, олицетворяющие специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие непредвиденное

воздействие на политические, экономические и социальные процессы. Фантомные явления в латентном виде существуют в любом обществе всегда, но в период ломки устоев общественной жизни фантомы обнаруживаются как социальные явления, оказывающие ощутимое влияние на происходящие в обществе процессы. К фантомам российского общества Тощенко причислил: необычные и аномальные явления, деструктивные процессы, противоречия между желаемой и реальной жизнью, когда субъективные устремления противостоят объективным тенденциям общественного развития. Также им были выделены фантомные типы личности, которым свойственны патологическое стремление к власти, богатству, жажда славы, неоправданные амбиции и которые владеют технологиями манипулирования. Возникновение фантомов и меняющаяся сила их воздействия позволяют говорить о сингулярности пространства, где наблюдаемые явления подчас ускользают, как миражи, но оставляют следы и меняют восприятие реальности жизни.

Контуры будущего и сингулярное настоящее.

Какие стороны жизни современного общества отражают выход на поверхность сил, свидетельствующих о состоянии сингулярности? Одним из признаков нахождения общества в состоянии сингулярности является сформировавшийся класс прекариата (Г. Стендинг). Прекариат представляет собой сложный по составу социальный класс, многочисленный, с размытыми границами, отличающийся нестабильностью своего социального положения, затрудненной идентичностью и нечеткими перспективами в будущем. Возникновение и воспроизводство прекариата, по мнению З. Баумана [21], вызваны виртуализацией социальных связей между работодателями и работниками, воплощение которых способствует продлеванию господства одних и маргинального положения других.

Сингулярность предполагает поле значений, содержащее смыслы, знаки, дискурсы, конфликты, культурные и социальные события, участников-героев, представляющих собой индивидов, группы, сообщества. Среди условий, обеспечивающих развитие сингулярной ситуации и сопровождающих ее процессов, следует особо выделить свободу союзов, композиций, снятие ограничений, диффузные процессы в

системе ценностей. Сингулярность проявляется в виде неопределенности и незавершенности социальных субъектов, перетекания статусов, возникновения новых временных комбинаций. В такой ситуации продуцируются интерпретации, основанные на симулировании и мистификации реальности. Подчас они начинают доминировать и перерастают в господство мифов и мифологем. Это создает ощущение бессилия перед будущим, неясности предстоящего, свободного течения без адекватного вмешательства. Типичной ситуацией, разделяемой в восприятии большинством, становится отсутствие внятной идеи будущего.

По мнению А.В. Яковенко [22], мы должны в который раз признать отсутствие прецедентной модели более гуманно сконфигурированных социальных отношений, способных привлечь общественное внимание и дать инициативную, а не фиктивную перспективу социальному развитию. Заглядывая в ближайшее и отдаленное будущее, нельзя не учитывать постоянно звучащие прогнозы о предстоящих «неизбежных» развалах, распадах, об ожидаемых крахах в различных государствах и межгосударственных образованиях, институтах и сферах. Это создает поле неуверенности и ожидание грядущих страшных перемен, насыщающее общественное сознание установками на сиюминутные выгоды и короткий горизонт жизненных стратегий.

С октября 2016 г. Центр стратегических разработок в рамках проекта «Россия будущего: позитивная повестка» провел серию рабочих сессий под названием «Вглядываясь в будущее: Россия через десять лет» [23]. Продолжаются интервью и дискуссии о будущем, в которых находят отражение понимание необходимости и неотвратимости грядущих перемен, спрос на четкие цели и образ будущего, желание видеть четкую программу действий по достижению этого будущего. Общество заметно устало от неопределенности, очевиден запрос на позитивный образ будущего и выявление движущих сил его строительства. Главный драйвер развития в сценариях будущего формируется на основе потенциала каждого отдельного человека, его вовлеченности в технологичную и инновационную экономику. Но чтобы совершить такой разворот, необходимо сложить вместе составляющие успеха: опреде-

лить вектор перемен, дать композицию приемлемых векторов для основных социальных групп и найти разделяемый большинством образ будущего.

Один из принципиальных вопросов в выявлении контуров будущего — это вопрос о главных акторах. Согласно Национальной технологической инициативе (НТИ), Россия сегодня стоит перед лицом «вызова развития», определяющего необходимость перехода к прорывному научно-технологическому развитию как важнейшей стратегической задаче на перспективу. Переход на новый уровень невозможен без формирования «нового лидирующего инновационного класса», т. е. достаточно широкой социальной группы, деятельность которой была бы связана с научно-технологическим развитием. Речь идет о создании некоего социального «гена НТИ». Нести его и передавать другим призваны инновационные предприниматели, инженеры, ученые и эксперты, участвующие в реализации прорывных научно-технологических проектов [24].

Идея формирующегося нового класса информационного общества приносит и новые термины, например «информалиат». А.В. Шубин [25] считает, что складывается новый класс с характерными чертами авангарда для формирующегося общества. В нем специализация будет заменяться многофункциональностью, воспроизводство по шаблонам — креативностью, вертикальные формы отношений всё больше горизонтальными, бюрократия — самоуправлением и манипуляцией. Важнейшая черта нового общества — это преобладание моделирования реальности, поэтому общество можно назвать *моделирующим*. Становление такого общества предполагает развитие всех противоположных тенденций, вытекающих из творчества и борьбы за власть, солидарности и конкуренции, угнетения и взаимопомощи.

Интересным моментом является то, что представители различных социальных слоев, подчас занимающих противоположные позиции, обладают одинаковым настроением в оценках будущего страны. Проведенное в ноябре 2009 г. исследование НИУ ВШЭ на тему «Политические взгляды различных групп российского общества», где одним из аспектов выступал образ будущего, показало разделение опрошенных по их отношению к будущему на оптимистов и пессимистов независимо от их социального положения (опрашивались как представители власти, так и представители социальных низов) [26]. В результате исследования выяснилось, что все респонденты разделяют пафос национальной исключительности, лежащей в основе популярной мифологии о существовании «особого русского духа». При этом оптимисты свои надежды на реализацию позитивного сценария будущего развития общества связывают с наличием в России сильных лидеров и «верным вектором политического и экономического развития страны». Пессимисты же нарисовали другой образ: у них страна ассоциируется с обездоленным человеком, лишенным уверенности в завтрашнем дне.

Выводы. Контуров социального будущего как проблема социального конструирования занимают особое место в современных исследованиях. Пребывание в режиме ожидания общественных перемен, в условиях быстрой смены платформ для построения моделей будущего, ощущение напряженности от довольно продолжительного существования на границе вызывают привыкание к сингулярному состоянию, сингулярные процессы становятся привычными для повседневной жизни. Это новое состояние не может не вызывать интерес социологов, тем более что в поисках контуров будущего главной остается проблема субъекта, заключающего в себе потенциал движущей силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Назад к будущему: современная социология в поисках актуального предмета // Проблемы теорет. социологии. Вып. 11. СПб.: Астерион, 2016. С. 8–28.
2. International sociological association. URL: <http://www.isa-sociology.org/forum-2016>.

3. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3218. Качество жизни россиян: в кризисном зеркале. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115905>.

4. Имморализм посттоталитарного общества в России. URL: <http://www.levada.ru/2016/07/26/immoralizm-posttotalitarnogo-obshhestva-v-rossii> (дата обращения: 23.12.2016).

5. **Кудрин А., Шкляр М., Комин М.** Дорога к будущему: зачем России стратегия долгосрочного развития. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/16/11/2016/582c12c39a79476b1a46ad4a?from=newsfeed> (дата обращения: 25.12.2016).
6. **Клепач А.Н.** Экономические прогнозы в России всегда ненадежны. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9212167> (дата обращения: 15.12.2016).
7. **Пилюгина Е.В.** Состояние постмодерна: сингулярность бытия, транспарентность сознания и вирусы тоталитарных идей // *Studia Humanitatis*. 2014. Вып. 1–2. URL: <http://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-sostoyanie-postmoderna-singulyarnost-bytiya-transparentnost-soznaniya-i-virusy> (дата обращения: 10.12.2016).
8. **Моисеев Н.Н.** Коэволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза // *Экология и жизнь*. 1997. № 2–3. URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/echo/1997-2-1.shtml> (дата обращения: 13.12.2016).
9. **Коротаев А.В.** Новые технологии и сценарии будущего, или Сингулярность уже рядом? // *История и синергетика. Методология исследования*. М.: ЛКИ/URSS, 2009. URL: http://cliodynamics.ru/download/Korotayev_Singulyarnost.pdf (дата обращения: 22.12.2016).
10. **Панкадж Джоши.** Голые сингулярности. URL: <http://modcos.com/articles.php?id=63> (дата обращения: 5.12.2016).
11. **Новоселов А.** Технологическая сингулярность как ближайшее будущее человечества. URL: <http://www.topos.ru/veer/41/singular.htm> (дата обращения: 12.12.2016).
12. **Батыгин Г.С.** Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект-Пресс, 1995. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19189795/> (дата обращения: 22.12.2016).
13. **Иванов Д.В., Асочаков Ю.В.** Социальное будущее в перспективе диалектической теории // *Социол. исслед.* 2016. № 8. С. 3–12. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_8/3-12_Ivanov.pdf (дата обращения: 22.12.2016).
14. **Нанси Ж.Л.** Непроизводимое сообщество / пер. с фр. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2009. 208 с.
15. **Лотман Ю.** Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
16. **Кандинский В.** Точка и линия на плоскости / пер. с нем. Е. Козиной. СПб.: Азбука : Азбука-Аттикус, 2015. 240 с.
17. **Делез Ж.** Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академ. проект, 2015. 472 с.
18. **Куракин Д.Ю.** Границы порядка: к культур-социологической перспективе анализа сингулярностей // XIV Апрельская междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 3. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2014. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/118865755> (дата обращения: 15.12.2016).
19. **Кравченко С.А.** «Нормальная аномия»: контуры концепции // *Социол. исслед.* 2014. № 8. С. 3–10.
20. **Тощенко Ж.Т.** Фантомы российского общества. М.: Изд-во ЦСПИ, 2015. 668 с.
21. **Бауман З.** Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? / пер. с англ. Н. Энгельмана. М.: Изд-во Ин-та экон. политики им. Е.Т. Гайдара, 2015. 162 с.
22. **Яковенко А.В.** Бессилие перед будущим // *Социол. исслед.* 2016. № 8. С. 13–20. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_8/13-20_Yakovenko.pdf (дата обращения: 22.12.2016).
23. **Кудрин А. и др.** URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/16/11/2016/582c12c39a79476b1a46ad4a?from=newsfeed> (дата обращения: 25.12.2016).
24. **Белоусов Д.Р., Апокин А.Ю., Волков Р.Г. и др.** «Образ будущего»: Россия как полюс развития // *Нац. технол. инициатива*. М., 2016. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/ForumASI/NTI_strategy.pdf (дата обращения: 21.12.2016).
25. **Шубин А.В.** Путь информалиата // *Сингулярность. Образы «постчеловечества»* / сост. К.Г. Фрумкин. М.: Алгоритм, 2016. С. 165–201.
26. **Касамара В.А., Сорокина А.А.** Образ России и ее будущего: политическая элита vs представители социального дна. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/11/1481632581208919df141f28f7e984821fc4899a25/Касамара-Сорокина-Образ.pdf> (дата обращения: 23.12.2016).

ПОЗДЕЕВА Елена Геннадиевна — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; elepzd@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.01.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

- [1] D.V. Ivanov, Yu.V. Asochakov, [Back to the future: modern sociology in search of the actual object], in: Problemy teoreticheskoy soziologii [Problems of theoretical sociology], vol. 11, Asterion, St. Petersburg, 2016, pp. 8–28.
- [2] International sociological association. Available at: <http://www.isa-sociology.org/forum-2016>.
- [3] WCIOM, press release no. 3218, [Quality of life in Russia: the crisis in the mirror]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115905>.
- [4] [Immoralism post-totalitarian society in Russia]. Available at: <http://www.levada.ru/2016/07/26/immoralizm-posttotalitarnogo-obshchestva-v-rossii> (accessed 23.12.2016).
- [5] A. Kudrin, M. Shklyaruk, M. Komin, [Road to the Future: Why Russia longterm development strategy]. Available at: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/16/11/2016/582c12c39a79476b1a46ad4a?from=newsfeed> (accessed 25.12.2016).
- [6] A.N. Klepach, [Economic forecasts in Russia are always unreliable]. Available at: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9212167> (accessed 15.12.2016).
- [7] E.W. Pilyugina, [Postmodern condition: the singularity of being, consciousness and transparency viruses totalitarian ideas], *Studia Humanitatis*, 1–2 (2014). Available at: <http://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-so-stoyanie-postmoderna-singulyarnost-bytiya-transparentnost-soznaniya-i-virusy> (accessed 10.12.2016).
- [8] N.N. Moiseyev, [Co-evolution of nature and society. Way noospherogenesis], *Ecology and Life*, 2–3 (1997). Available at: <http://www.ecolife.ru/jornal/echo/1997-2-1.shtml> (accessed 13.12.2016).
- [9] A.V. Korotayev, [New technologies and future scenario, or Singularity already next?], in: Istoriya i sinergetika. Metodologiya issledovaniya [History and Synergetics. Research Methodology], LKI/URSS, Moscow, 2009. Available at: http://cliodynamics.ru/download/Korotayev_Singulyarnost.pdf (accessed 22.12.2016).
- [10] Pankadj Dzhoshi, [Naked singularity]. Available at: <http://modcos.com/articles.php?id=63> (accessed 5.12.2016).
- [11] A. Novoselov, [Technological Singularity as the near future of mankind]. Available at: <http://www.topos.ru/veer/41/singular.htm> (accessed 12.12.2016).
- [12] G.S. Batygin, [Lectures on the methodology of sociological research], Aspect-Press, Moscow, 1995. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/19189795/> (accessed 22.12.2016).
- [13] D.V. Ivanov, Y.V. Asochakov, [Social future perspective of dialectical theory], *Sociological researches*, 8 (2016) 3–12. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_8/3-12_Ivanov.pdf (accessed 22.12.2016).
- [14] J.L. Nansi, *Neproizvodimoe soobshchestvo* [The Inoperative Community], Vodoley, Moscow, 2009.
- [15] U. Lotman, *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside minded worlds], Azbuka, Azbuka-Atticus, St. Petersburg, 2016.
- [16] W. Kandinskiy, *Tochka i liniya na ploskosti* [Point and Line to Plane], Azbuka, Azbuka-Atticus, St. Petersburg, 2015.
- [17] J. Deleuze, *Logika smysla* [Logic of sense], Akademicheskij projekt, Moscow, 2015.
- [18] D.Yu. Kurakin, [Borders order: to cultural-sociological term analysis of singularities], in: XIV Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konf. po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva [XIV April Intern. scientific conf. on problems of development of economy and society], in 4 vol., of vol. 3, Publ. house of the HSE, Moscow, 2014. Available at: <https://publications.hse.ru/chapters/118865755> (accessed 15.12.2016).
- [19] S.A. Kravchenko, [“Normal anomie”: the contours of the concept], *Sociological researches*, 8 (2014) 3–10.
- [20] Z.T. Toshchenko, *Fantomy rossiyskogo obshchestva* [Phantoms Russian society], TsSPI Publ., Moscow, 2015.
- [21] Z. Bauman, *Idet li bogatstvo nemnogikh na pol'zu vsem prochim?* [Is wealth a few progress to the benefit of all the others?], Publ. house of the Gaidar Institute, Moscow, 2015.
- [22] A.V. Yakovenko, [Impotence of the future], *Sociological researches*, 8 (2016) 13–20. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_8/13-20_Yakovenko.pdf (accessed 22.12.2016).
- [23] A. Kudrin et al. Available at: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/16/11/2016/582c12c39a79476b1a46ad4a?from=newsfeed> (accessed 25.12.2016).
- [24] D.R. Belousov, A.Yu. Apokin, R.G. Volkov, K.V. Mikhaylenko, E.A. Penukhina, E.M. Sabel'nikova, [“Vision of the Future”: Russia, as a development pole], in: Nacional'naya tekhnologicheskaya iniciativa [National Technology Initiative], Moscow, 2016. Available at: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/Forum ASI/NTI_strategy.pdf (accessed 21.12.2016).
- [25] A.W. Shubin, [Way of informalit], in: Singulyarnost'. Obrazy «postchelovechestva» [Singularity. Images of “posthumanity”], Algoritm, Moscow, 2016, pp. 165–201.
- [26] V.A. Kasamara, A.A. Sorokina, [Image of Russia and its future: the political elite vs the representatives of the social bottom]. Available at: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/11/1481632581208919df141f28f7e984821fc4899a25/Kasamara-Sorokina-Obraz.pdf> (accessed 23.12.2016).

POZDEEVA Elena G. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; elepozd@mail.ru

Received 17.01.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8202

УДК 316.77:316.4

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В НОВЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДАХ

Л.И. Евсеева, В.В. Евсеев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Анализируются новые формы воздействия информации на трансформацию социальной коммуникации с целью поиска емких ресурсов адаптации человека в коммуникативной среде. Актуальность исследования обусловлена сложностью социальной адаптации человека в условиях электронной коммуникации, возрастающего влияния медийных структур на качественную сторону общественной жизни, на сферу духовных ценностных ориентаций. Развивается гипотеза о влиянии коммуникативных технологий на организацию когнитивных процессов в обществе. Авторы используют ряд конкретных социально-психологических подходов в исследовании детерминированности изменения сознания и поведения человека процессами трансформации коммуникативной среды. Средства коммуникации и информации могут, с одной стороны, оперативно и эффективно воздействовать на общественное сознание, манипулировать им, а с другой – способствовать целенаправленному развитию самой личности, позитивно влиять на процессы адаптации. Коммуникативная среда и информационные технологии не только определяют параметры общественного пространства, но и влияют на восприятие человеком изменившихся моделей взаимоотношений. Анализ позволил обосновать выводы, что одновременное пребывание человека в реальном и виртуальном пространствах деструктивно влияет на личность, а потребности безопасности человека требуют поиска параметров его адаптации в новых коммуникативных средах. Подчеркивается тенденция к закреплению горизонтальной иерархии социального взаимодействия. Обосновывается необходимость изменения ценностной нормативной регламентации взаимоотношений человека в социуме на основе новой структуры информационного взаимодействия. Материалы статьи могут иметь практическую ценность при прогнозировании адаптационных моделей в сетевой среде.

Ключевые слова: социальная коммуникация; человек; адаптация; сетевое общество; информационные технологии; глобальная виртуальная реальность; коммуникативная среда

Ссылка при цитировании: Евсеева Л.И., Евсеев В.В. Проблема социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 20–30. DOI: 10.18721/JHSS.8202

THE PROBLEM OF SOCIAL ADAPTATION IN NEW COMMUNICATION ENVIRONMENTS

L.I. Evseeva, V.V. Evseev

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the new forms of informational impact on the transformation of social communication, aiming to identify the capacious resources of human adaptation in the communicative environment. The importance of the research subject is proved by the complexity of human social adaptation in the conditions of electronic communication, the increasing effect of media structures on social living standards, particularly the sphere of spiritual value orientation. The authors develop the hypothesis of the influence of communication technologies on the organization of cognitive processes in the society. The authors use a number of specific socio-psychological approaches for studying the degree to which the process of the transformation of the communicative environment governs the changes in the consciousness and human behavior. Communication and information media, on the one hand, are capable of quickly and effectively influencing the public consciousness and manipulating it, but on the other hand, contribute to the purposeful development of the personality and have a positive effect on the adaptation processes. Communication media and information technologies not only set the parameters of public space, but also affect human perception of the changing interaction patterns. The analysis allowed to substantiate the conclusions that the simultaneous presence of a person in the real and the virtual space has a destructive effect on the personality, while the human need for safety necessitates the search for human adaptation parameters in new communicative environments. The trend can be noted to the consolidation of the horizontal hierarchy of social interaction. The trend for the consolidation of the horizontal hierarchy of social interaction is emphasized. The necessity of changing the normative value regulation of human relationships in the society is substantiated based on a new structure of informational interaction. The data presented in the article can be of practical value in predicting adaptation models in network environments.

Keywords: social communication; person; adaptation; network society; information technologies; global virtual reality; communication environment

Citation: L.I. Evseeva, V.V. Evseev, The problem of social adaptation in new communication environments, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 20–30. DOI: 10.18721/JHSS.8202

Масштабы использования новых информационных технологий, а также их возрастающее влияние на жизнедеятельность общества и человека являются определяющей особенностью современного развития. Сегодня, как никогда ранее, человек становится не столько центральным измерителем цивилизации, сколько главным духовно-нравственным и интеллектуальным эталоном. Темпы и характер трансформации социальной сферы актуализируют проблемы осмысления механизмов адаптации

и необходимости осознания и предвидения результатов глобализации.

Общественные трансформации увеличили интерес человека к поиску современных инструментов управления коммуникационными процессами и выявили необходимость изучения особенностей влияния информационных процессов и новых медиа на человека, его ориентационные ценности и идеалы и адаптацию. Это тем более значимо в условиях глобализации и стремительного развития медийных сетевых

технологий. Интегрированное коммуникативное пространство оказывает влияние на общественный, групповой и личностный уровни сознания и способствует рождению новых образов и объективной (физической) реальности, и виртуальной сверхреальности. Данные процессы приводят к изменению типов взаимодействий и взаимоотношений между личностью, обществом и социальной группой.

Цель данного исследования — выявить механизмы воздействия медийных структур и сетевых технологий на трансформацию социальной коммуникации и обосновать необходимость поиска параметров адаптации и сохранения идентичности личности в новой информационной среде.

В качестве концептуального основания рассуждений выступают представления о повышении роли знаний в обществе и расширении возможностей когнитивного воздействия на личность и общественную среду в целом. Следует учитывать, что знание, преобразованное в информацию, способно трансформировать онтологические аспекты социокультурной реальности. Особенности цивилизационного развития и потребности общественной безопасности могут и должны способствовать изменению ценностной и духовно-нравственной нормативной регламентации поведения человека и его взаимоотношений с окружающим миром. Важными для концептуальных основ исследований являются представления о сетевых структурах, служащих средством и продуктом современной глобализации и интеграции. Внутренне присущее человеку стремление к самосовершенствованию, процессы индентификации и самоидентификации, динамичная коммуникативная среда предстают как источники социальной адаптации.

Основными методологическими предпосылками исследования являются идеи о том, что информационные обмены выступают базовыми предпосылками формирования устойчивой общественной системы. Используется обоснованная классиками информационного общества гипотеза зависимости взаимодействий от уровня и масштабов включенности личности в коммуникативное пространство. Развитие и тип коммуникации, будучи направляющим фактором развития социума, оказывают влияние на процессы адаптации.

По мнению С.В. Клягина, «коммуникативное пространство обнаруживается как наполненность феноменами и процессами коммуникаций, отношениями и диспозициями, которые складываются между ними» [1, с. 6–7]. В теоретическом наследии, представленном такими авторами, как Н. Луман, Ю. Хабермас, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр, М. Фуллер, коммуникативное пространство обозначалось разными понятиями: «коммуникативная система», «символические и жизненные миры», «социальное поле», гиперреальность, коммуникативные среды [Там же. С. 7]. Следует подчеркнуть, что само коммуникативное пространство неоднородно.

Коммуникативные технологии и средства массмедиа существенно влияют на личность, и это влияние имеет двоякую направленность. С одной стороны, появляется свобода личности в выборе форм и средств коммуникации, расширяются возможности доступа к информации, увеличивается сам информационный поток, возникает возможность создания и распространения электронной коммуникации, углубляется само понимание этих процессов, повышается интеллектуальный потенциал и т. д. С другой стороны, наблюдается ряд негативных моментов: личности угрожает потеря индивидуальности, поставщики информации смогут манипулировать данными, понижается уровень культуры личности, возрастает «компьютерная зависимость», отмечается кризис идентичности, появляются элементы социальной самоизоляции и ряд других.

Следует учитывать, что развитие современного общества идет нелинейно, возникают постоянные противоречия между обществом и личностью, затрагивающие самые разные аспекты взаимоотношений. По П. Бергеру и Т. Лукману, коммуникация пронизывает все сферы общества, что неизбежно приведет к появлению коммуникативных структур иного качества. Вызовы времени потребуют новой интерпретации сущностных коммуникационных параметров «социальной реальности» [2] и повлияют на тренды общественных изменений и адаптацию.

Системное представление о процессах адаптации отражено в работах классиков социологической мысли. В частности, Э. Дюркгейм придавал решающее значение приспособле-

нию индивидуума к общественным нормам, созданным культурным сообществом, а М. Вебер в качестве сущностного критерия адаптации предложил рациональность. По мнению Т. Парсонса, индивидуальный рационализм адаптации провоцирует социальные конфликты, а поиск «общественного равновесия» приведет к «балансу взаимных ожиданий индивида и социальной среды» [3]. Р. Мертон же связывал механизмы адаптации с адекватностью собственной внутренней нормативной организации человека.

Социальная адаптация отражает закономерности взаимодействий общественной среды и личности. По мнению С.И. Капицы [4], в длительном процессе социальной адаптации формируются и трансформируются способности людей осмысленно ориентироваться в меняющейся ситуации, вырабатывать адекватные модели поведения, рационально использовать различные ресурсы для согласования самооценок и возможностей удовлетворения своих потребностей и притязаний. Но может возникнуть ситуация, когда человек вместо активного преодоления трудностей и противоречий будет тяготеть к пассивным средствам преодоления сложных зон, жизненных проблем, испытывать трудности принятия рациональных решений. Современный человек перегружен информацией, и ему не хватает времени ее переработать в коммуникативном общении и взаимодействии. Визуальные образы становятся важнее логических построений. Порой мы потребляем информацию короткими порциями: так она доступнее, легче воспринимается. Отсутствие навыков необходимого, а иногда обязательного анализа концептуального и смыслового содержания информационного контента усложняет адаптационный процесс.

Скорость передачи информации возросла, а глубина анализа снизилась. А ведь для поддержания интеллекта нужна активная (достаточно глубокая) переработка информации. Результаты исследования восприятия организационных форм учебного процесса, которое было проведено среди студентов, аспирантов и преподавателей Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, показали преобладание пассивно-утилитарного отношения к учебному процессу, где главным действующим лицом является преподаватель, обладающий в

идеале качествами «доброжелательного коммуникатора» и обеспечивающий «комфортность обучения» [5, с. 71]. Последствия такого восприятия учебного и в целом образовательного процессов могут проявиться в снижении познавательной активности студенческой молодежи и предположительно привести к снижению уровня интеллекта и общей эрудиции.

Возникновение и быстрое развитие новых медиа — следствие развития технико-технологической базы Интернета как глобальной информационной системы. Согласно М. Кастельсу, Интернет предоставил возможность для общения «многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [6, с. 51]. Технические и технологические нововведения детерминируют трансформацию предметной модели мира в информационную модель. Превращение информации в определяющий вектор развития социума, медиатизация, виртуализация — это глобальные тренды цивилизационного развития сегодня. Следует подчеркнуть, что доступность к информационным источникам с помощью Интернета расширяется и его используют уже около половины населения планеты [7]. Эти данные, с одной стороны, наглядно показывают глубину проникновения Интернета в повседневную жизнь людей, но, с другой стороны, не дают ответа на вопросы о его функциональной роли и активности использования. Отсутствие домашнего подключения к Интернету может компенсироваться, например, использованием служебного подключения к нему. Поэтому количество пользователей может быть больше.

Возрастает значение Сети для ежедневно принимаемых решений и широкого диапазона социальных взаимодействий, медийные структуры могут конструировать личность человека, влиять на качественную сторону общественной жизни. Как отмечает Ф. Уэбстер, даже в обыденной жизни очень важна оценка значимости, полезности и ценности получаемой и используемой информации, ее содержательная компетентность [8, с. 8]. Индивидуальные предпочтения позволяют человеку проявлять активность и фильтровать информационный материал, предлагаемый средствами массмедиа, в соответствии с интересами, вкусами и запросами. Этим выбором личность влияет на результативность функционирования средств медиа. Она

проявляется в том, что человек одновременно и создает некий спрос на информацию, и сам лично интерпретирует полученные сведения, повышает свою компетентность, аргументирует точку зрения, ищет своих сторонников в социальной сети и реальной повседневности. В результате возникновения новых форм коммуникации происходит взаимодействие, позволяющее каждому актору почувствовать себя полноценным участником коммуникативного процесса.

В Российской Федерации, как и в других странах мира, количество интернет-пользователей постоянно растет. По данным Всероссийского центра исследования общественного мнения, на начало 2017 г. их доля составляла 75 %. Более половины опрошенных используют Сеть преимущественно для общения (64 %), развлечений (54 %), просмотра ленты новостей (60 %) [9]. Эти данные позволяют предположить, что интернет-пространство чаще используется как развлекательная и досуговая платформа, а не как достоверный информационный канал.

Различные медийные интеракции проникают в повседневную практику и служат для общения, обмена информацией, онлайн-покупок, онлайн-голосования, онлайн-игр и т. д. Современные медиа способны замещать некоторые виды деятельности, ранее осуществлявшиеся путем непосредственного общения или коммуникативного взаимодействия, например обучение и самообразование, совершенствование мастерства и профессиональных навыков, осуществление платежей и переводов с использованием мобильного банка и др. [Там же]. По мнению М.М. Назарова, замещенными могут оказаться «функции социальных институтов», а ранее сложившимся образцам деятельности могут быть приданы некоторые медийные «форматы» [10, с. 39].

Основная привлекательность сетевой коммуникации — отсутствие посредников и возможность общения без учета территориальных границ. Интернет в этом плане обладает неограниченными мультимедийными возможностями и расширяет масштабы реализации потребностей личности в общении. В России доля активной интернет-аудитории, т. е. выходящих в Сеть хотя бы раз в сутки, на начало 2017 г. составляла 56 % [9]. Роль кибернетических инноваций в адаптации в этих условиях возрастает.

Индивидууму в процессе идентификации и самоидентификации приходится совмещать (или даже замещать) устоявшиеся собственные внутренние ценностно-культурные и духовно-нравственные установки, ориентиры с другими, взятыми или навязанными из внешнего хаотичного информационно-коммуникативного пространства [11]. Поэтому факторы социокультурного и концептуального характера, связанные с личными предпочтениями, идеалами, установками человека, часто могут быть причиной отсутствия у него желания использовать Интернет в качестве средства коммуникации и предпочитаемого источника информации.

Иллюстрацией этому служат результаты опроса молодежи, проведенного в 2014 г. Центром социологических исследований Белгородского государственного национально-исследовательского университета. Сопоставляя данные опросов, И.С. Шаповалова отмечает, что СМИ наряду с формированием у молодых людей позитивных ценностей (43 %) могут оказывать влияние и на формирование «негативных ценностей» (28 %) [12, с. 149]. При достаточно объемном временном интервале использования интернет-пространства молодежью индекс доверия этому источнику информации всего 7 %. Это позволило выдвинуть предположение, что на данном отрезке времени информационная функция Интернета перестала быть ведущей [Там же].

Адаптация человека в условиях одновременного присутствия в двух противоположных — физическом (реальном) и виртуальном (сверхреальном) — пространствах и соотнесение этой ситуации с проблемой социокультурной преемственности имеют свои трудности. Получается так, что индивиду приходится в довольно сжатый временной отрезок и в сжатом пространстве погружаться в перманентно меняющийся информационный поток, мгновенно осмысливать условия данной среды и адаптироваться к ним. Конечно, целостность образа мира, идентичность постепенно могут утрачиваться. По мнению В.И. Самохваловой, господствующие в информационном пространстве «мифы», распространяемые инструментами промышленной революции, обуславливают подмену интересов, и человек начинает участвовать в реализации целей, по сути чуждых, а порой и враждебных ему. Возникает ситуация

так называемой ложной идентификации, когда модифицируются сами критерии самоопределения личности и под влиянием созданной в коммуникативной среде системы «мифов» невольно происходит «коррекция» собственных интересов. Создается ситуация раздвоения личности: в физической реальности она остается со своей социокультурной группой, а виртуально вписывается в систему несвойственных ей идей, интересов, эталонов поведения [13, с. 9].

Реальная социальная сфера институализирует и нормирует жизнедеятельность человека, дает оценку его поведению, действиям, а виртуальная — безгранична, кажется, что эта сфера имеет меньшие диапазоны ограничений и в создании ее человек проявляет самостоятельность и сохраняет анонимность. Поэтому в процессе самоидентификации и адаптации человек склонен использовать виртуальное (сверхреальное) пространство, игнорируя возможности физической публичной реальности. Современная информационно-коммуникативная масс-медийная платформа создает виртуальные миры сверхреальности, «разрушающие» повседневность, постепенно формируя новые модели ответов на вызовы цивилизации. Информационно-сетевые технологии нейтрализуют особенности индивидов для обеспечения их взаимосвязи и взаимопонимания на основе актуализации способности человека к нерелексивной функциональной успешности. С помощью современных информационных технологий создаются виртуальные миры, где легко реализуется «инверсия» причины и следствия, одно и то же событие прокручивается в разные стороны, «семантические оппозиции и роли исторических субъектов уравниваются или инвертируются. Небольшая деталь, которая сегодня воспринимается как неважная, завтра может играть роль информационного повода в сторону кардинального изменения восприятия смысла происходящего в массовом сознании» [14, с. 98].

Новая технико-технологическая среда служит основанием модернизации управления информационными потоками, направляющим ориентиром поиска адекватных форм сохранения социума и влияет на содержание и направленность общественных отношений. Информационное общество, которое опирается на формальные знания и технические навыки,

резко усиливает потребность в массовой коммуникации на основе новой системы доставки символов [15]. Усложнение и разнообразие деятельности общественных организаций и учреждений, увеличение накапливаемых пластов информационных материалов повышают роль социальных факторов и коммуникационных параметров в обеспечении преемственности и адаптационных процессов. Современный пользователь медиа располагает достаточным количеством мобильных устройств, которые помогают ему получать новостную информацию практически мгновенно, с учетом бюджета времени, индивидуализированно [16]. В сетевом режиме работают практически все компьютеры, многие телефоны, игровые приставки; к ним постепенно присоединяются телевизоры, видеокамеры, бытовые приборы. В результате число устройств с выходом в Сеть будет динамично возрастать и со временем, возможно, превысит количество пользователей, применяющих ее для передачи данных.

Интенсивность проникновения информационно-коммуникационных средств новых медиа в повседневность ведет к ослаблению (порой даже разрыву) реальных социальных взаимодействий. Широкое повседневное использование мобильного Интернета имеет и негативные последствия, которые Ж. Дюфрен связывает с сокращением реального межличностного общения людей, разрывом между их возможностью и одновременно необходимостью осваивать и использовать информацию. Создается ситуация, когда «социальная виртуальность» и представления о реальности становятся гораздо важнее нее самой [17]. Всё большее распространение получает явление эскапизма — добровольное ограничение человека от реального участия в публичной сфере, потеря идентичности, а также целостного представления о мире.

Распространенным инструментом дискурсивной диверсии в структурировании массового сознания выступает «модная тенденция» на примитивный, односложный стиль выражений, «клиповую форму» обработки и осмысления содержания информационного контента, «криминальный жаргон» и даже брань как норму коммуникации и общения в публичном пространстве. Это может привести к закреплению в сознании ложных ценностей и понизить

культуру не только передачи, но и использования информации. О.Д. Шипунова считает, что «когнитивная установка на примитивизацию сознания при наличии расширенных возможностей информационно-интеллектуальной технологии воздействия работает на лучшую управляемость массовым поведением, но в то же время и на общую интеллектуальную деградацию всех слоев населения в перспективе» [18, с. 84–85].

Таким образом, расширение использования возможностей мобильных интернет-технологий предоставляет личности, с одной стороны, возможность, рационально используя информационные ресурсы Интернета, расширять деловые связи и развивать свои профессиональные качества, с другой — возможность реализоваться в виртуальном пространстве (особенно если личность испытывает трудности социализации). При этом ослабевают реальные социальные контакты личности, но развивается тем самым образное, пространственное мышление. Критерием успешной социальной адаптации личности может считаться сбалансированное соотношение между потребностями и особенностями человека и требованиями, нормами, ценностями социальной среды. Ее смысл — это формирование необходимых навыков, позволяющих выбрать оптимальный вариант жизнедеятельности, который отвечал бы и интересам самой личности, и уровню развития социума.

По мнению Л.Н. Соловьёвой [19], информационные технологии в совокупности с массмедиа виртуализируют бытие человека, наполняя жизнь абсурдом: ему приходится жить и действовать в двух мирах (привычном физическом и искусственном — виртуальном). Закономерным следствием является «эффект дереализации, когда постепенно утрачивается способность проводить параллель между действительностью и реальностью». Виртуальное коммуникативное взаимодействие характеризуется достаточной легкостью установления контактов, доступностью информационного обмена и выглядит более привлекательно. Эта предпочтительность разрушает сложившиеся реальные (социальные) контакты людей и может впоследствии привести к серьезным социальным отклонениям (например, к добровольному отказу от социальной жизни).

Погружение в социальные сети и интенсивное использование мобильных интернет-инструментов делают коммуникацию публичной, доступной неограниченному количеству участников виртуального общения. Присутствие в публичном пространстве Интернета усиливает ориентацию на сетевое нормирование коммуникации и регламентацию ролевых взаимодействий. Таким образом, создается ситуация, когда акторы социальных сетей испытывают ощущение «собственной неуспешности» в референтной группе виртуального сообщества, члены которой выкладывают достаточно объемную и броскую новостную информацию о своем времяпровождении, впечатлениях, увлечениях, профессиональной деятельности [20, с. 146]. Публичная демонстрация установки на так называемый «престижный стиль жизни» виртуальной реальности и фактор его доступности или недоступности в реальной жизни впоследствии могут привести к серьезным психологическим срывам, ухудшению соматического здоровья. Необходимость расширения качественных параметров адаптации потребует создания устойчивой мотивации к здоровому образу жизни, овладению системой практических знаний, навыков, умений для достижения личных и профессиональных целей [21].

Коммуникация, опосредованная цифровой техникой и Интернетом, создает новый тип социальных связей и социальной коммуникации как игровой среды взаимодействий. Игровая среда — это важный элемент культурного развития общественной среды и самого человека. В ней можно широко использовать исторический опыт и традиции, ценности и знания. Игровая среда способствует адаптации личности, восприятию коммуникационных продуктов. Социальные сети и специальные игровые сайты достаточно широко предоставляют новые формы отдыха и когнитивного тренинга. Возрастают потребности людей в быстром доступе к потреблению необходимой в данный момент информации или реализации услуги, поэтому большинство сервисных услуг работают в режиме «онлайн». В связи с тем, что информация превращается в продукт массового потребления, данная сфера деятельности становится привлекательной для инвестиций и имеет перспективы приоритетного развития.

Человек, встроенный в коммуникационную сеть, не имеет достаточных инструментов, чтобы лично оказывать влияние на масштабы и темп циркуляции информации, а тем более контролировать ее. Так, рост доступности Интернета, социальных сетей, цифровых средств связи дает возможность, например, представителям бизнес-структур отслеживать поведение любого человека как реального и потенциального потребителя товаров и услуг и адресовать свои сообщения маркетингового характера целевой аудитории. Режим использования новых цифровых технологий позволяет делать «прозрачными» повседневные действия и поведение человека. Факторами, определяющими это состояние, могут служить инновационные практики социального управления и бизнеса [10, с. 42].

Кибернетические технологии определяют рамки формирующейся социальной структуры, где стирается вертикальная иерархия связей и наблюдается стремление к закреплению горизонтальной иерархии социального взаимодействия. Д. Нейсбит, определяя границы информационного общества, подчеркивает, что возникло свободное общество с многовариантным поведением, где не место иерархическим структурам и локальным сообществам. Технический прогресс, позволяющий на высоком уровне производить и распределять информацию, формирует общество «неформальных сетей» [22, с. 9]. Такое общество занято массовым производством информации, а «новый источник силы — это не деньги в руках немногих, но информация в руках многих» [Там же. С. 29]. Такой тип взаимодействий порождает единую виртуальную информационно-коммуникативную систему. Средства массовой коммуникации, по мнению Д.И. Дубровского, постоянно «формируют медиакарту мира для массового человека, производят и воспроизводят те представления, ценностные ориентации и символы веры, которые отвечают потребностям, ожиданиям, вкусам массового человека, интересам общества потребления» [23, с. 192].

В коммуникативном пространстве социальный дискурс, несущий интерсубъективное содержание, выполняет свои социальные функции, мотивируя и продуцируя ментальные процессы. Дискурс, по Ю. Хабермасу, — «идеальная рефлексивная речевая коммуникация,

в которой внешние силы не колонизируют жизненные миры людей, не влияют заданным образом на аргументы, используемые при интерпретации явлений социальной жизни» [24, с. 91–92]. Действенность общезначимого смысла обнаруживается именно в процессах постоянного «субъективирования», преломления, персонификации его значения в живой мысли. Социальный дискурс вводит шкалу оценок, но предполагает подспудное отнесение к нормам и определенную свободу в оценке событий и самооценке. Динамичное информационно-коммуникативное поле активно влияет на индивидуальные и коллективные ценностно-культурные параметры восприятия и оценки трансформаций социума. Стихийный процесс самоорганизации социума вокруг общей платформы осуществляется через личностный (внутренний) и косвенный социальный контроль публичной сферы. Выбор собственной гражданской позиции имеет «мотивационный комплекс» оценок ситуации и соотносится с «дискурсом как непременным коммуникативным условием понимания в интеракциях» [25].

Будучи своего рода институтом, элементом социальной структуры, средства коммуникации и информации могут, с одной стороны, оперативно и эффективно воздействовать на общественное сознание, манипулировать им, а с другой — способствовать целенаправленному развитию и совершенствованию самой личности, помогать компетентному участию в общественной жизни, позитивно влиять на процессы адаптации.

Таким образом, сегодня отчетливо ощущается резкое усиление значимости информационно-коммуникационных технологий и новых медиа в социальной сфере, мобильные сетевые устройства являются наиболее востребованным видом ресурсов. Процесс конвергенции в области информационно-коммуникативных технологий и средств медиа показал их неявное влияние на сознание человека и формирование его гражданской позиции, которое осуществляется в сетевом формате на основе декларации личного выбора. Новая коммуникативная платформа меняет качество и структуру предложений на социальном рынке, способствуя небывалому повышению плотности интерактивного взаимодействия различных слоев общества, преодолевая виртуально вре-

менные и территориальные границы в поисках человеком не только новой реальности, но и самого себя.

Выводы. Современное глобальное виртуальное пространство выступает как принципиально новая коммуникативная среда деятельности человека, требующая выработки адекватных устойчивых ориентиров для развития социальной (реальной, физической) среды человека и для сохранения целостности ценностно-нравственной и интеллектуальной сущности самой личности. Коммуникативная среда и глобаль-

ные информационные технологии и средства медиа не только определяют параметры общественного пространства, но и влияют на механизмы и ориентиры восприятия человеком новых моделей взаимоотношений. Сложности и трудности адаптации человека к современным условиям требуют разработки новых социальных механизмов стабилизации и упорядочения коммуникативной среды. Трансформация социальной коммуникации вызывает необходимость поиска параметров адаптации и сохранения идентичности личности в новой информационной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Клягин С.В.** О неоднородности коммуникативного пространства: опыт концептуализации и практические следствия // Коммуникативные среды информ. об-ва: тренды и традиции: труды Междунар. науч.-теор. конф. 28–29 октября 2016 г. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 6–8.
2. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. **Парсонс Т.** Функциональная теория измерения // Амер. социол. мысль: тексты / под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 254–262.
4. **Капица С.И.** Понятие социальной адаптации в социологии // Вестн. Чувашского ун-та. 2009. Вып. 4.
5. **Гулк Е.Б., Касьяник П.М., Оленникова М.В.** Мнения студентов и преподавателей об образовательном процессе в политехническом вузе // Вопр. методики преподавания в вузе. 2016. № 5 (19-1). С. 63–72. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.2016.5.19-1.
6. **Кастельс М.** Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
7. **Интернет** в России и в мире: пользователи Интернета в мире. URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения: 05.11.2016).
8. **Уэбстер Ф.** Теории информационного общества / под ред. Е.Л. Вартаковой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
9. **А если без Интернета?!** URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 09.04.2017).
10. **Назаров М.М.** Информационные технологии и медиатизация общества // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 37–51.
11. **Савруцкая Е.П.** Коммуникационный аспект инновационных трансформаций в конструировании социальной реальности // Культурол. журн. 2012. № 3. URL: <http://www.intelros.ru/> (дата обращения: 19.11.2016).
12. **Шаповалова И.С.** Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социол. исслед. 2015. № 4. С. 148–151.
13. **Самохвалова В.И.** Реальность глобализуемого мира и образ человека. Ч. 1 // Филос. науки. 2016. № 4. С. 7–16.
14. **Шипунова О.Д., Мурейко Л.В.** Когнитивные сценарии в конструировании массового сознания // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (250). С. 93–101. DOI: 10.5862/JHSS.250.11.
15. **Тоффлер Э.** Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 569 с.
16. **Дзялошинский И.М.** Медиалингвистика в контексте трансформирующихся медиа // Гуманитарный вектор. 2014. № 4 (40). С. 74–83.
17. **Dufrensne J.** Apres l'homme, le cyborg? Sainte-Foy, Edition MultiMondes, 1999. 178 p. DOI: 10.7202/1024647ar.
18. **Шипунова О.Д.** Инструменты дискурсивной диверсии // Петерб. весна культуры: матер. междунар. форума. 19–20 мая 2016 г. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 84–85.
19. **Соловьёва Л.Н.** Человек в глобальном виртуальном пространстве: философское измерение // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. URL: <http://dom-hors.ru/nauchniy-zhurnal-obshchestvo-filosofiya-istoriya-kultura/> (дата обращения: 06.01.2017).
20. **Реутов Е.В., Тришина Т.В.** Интернет-практики и информационные предпочтения населения // Социол. исслед. 2015. № 4. С. 140–148.

21. **Волкова Л.М., Евсеев В.В., Половников П.В.** Физическая культура студентов: состояние и пути совершенствования. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 153 с.

22. **Нейсбит Д.** Мегатренды / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2003. 380 с.

23. **Дубровский Д.И.** Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Глобальное будущее 2045: Антропол. кризис. Конвергентные технологии. Трасгуманист. проекты. М.: Канон +, 2013.

24. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем., под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001.

25. **Тимерманис И.Е., Евсеева Л.И., Шипунова О.Д.** Коммуникативное пространство легитимации политической системы в условиях сетевого общества // Вестн. РГГУ. Политология. История. Междунар. отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 6 (149). С. 26–35.

ЕВСЕЕВА Лидия Ивановна — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; l.evseeva@mail.ru

ЕВСЕЕВ Владимир Владимирович — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; uzbek_2001@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.01.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

[1] S.V. Klyagin, [On the Multiverse of the communicative spaces: approaches and trends], in: Kommunikativnye sredy informatsionnogo obshchestva: trendy i traditsii [Communication environments of the information society: Trends and traditions], proc. of the Intern. scientific-theoretical conf., Oct. 28–29, 2016, Publ. House of Polytechnic Univ., St. Petersburg, 2016, pp. 6–8.

[2] P. Berger, T. Lukman, Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge], Medium, Moscow, 1995.

[3] T. Parsons, [Functional Measurement theory], in: Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl' [American Sociological Thought], Moscow State Univ. Publ., Moscow, 1994, pp. 254–262.

[4] S.I. Kapitsa, [The concept of social adaptation in sociology], Bulletin of Chuvash Univ., 4 (2009).

[5] E.B. Gulk, P.M. Kasyanik, M.V. Olennikova, [Students' and teachers' opinion concerning educational process in polytechnic university], Voprosy metodologii prepodavaniya v universitete [Teachings methodology in higher education], 5 (19-1) (2016) 63–72. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.2016.5.19-1.

[6] M. Kastells, Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society], U-Faktoriya, Ekaterinburg, 2004.

[7] [Internet in Russia and in the world: users of the Internet in the world], REGNUM. Available at: http://www.bizhit.ru/index/polzovatel_interneta_v_mire/0-404 (accessed 05.11.2016).

[8] F. Uebster, Teorii informatsionnogo obshchestva [Theory of informative society], Aspect Press, Moscow, 2004.

[9] A yesli bez interneta?! REGNUM. Available at: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (accessed 09.04.2017).

[10] M.M. Nazarov, [Information technologies and mediatization of societies], Socio-humanitarian knowledge, 6 (2014) 37–51.

[11] Ye.P. Savrutsкая, [Of communication aspect of innovative transformations in constructing of social reality], Cultural journal, 3 (2012). Available at: <http://www.intelros.ru/> (accessed 19.11.2016).

[12] I.S. Shapovalova, [Internet-communications impact of behavior and intellectual development of young people], Sotsiologicheskiye issledovaniya, 4 (2015) 148–151.

[13] V.I. Samokhvalova, [Reality globalized Peace and image of human], pt. 1, Philosophical sciences, 4 (2016) 7–16.

[14] O.D. Shipunova, L.V. Mureyko, [Cognitive scenarios in the design of mass consciousness], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 3 (250) (2016) 93–101. DOI: 10.5862/JHSS.250.11.

[15] E. Toffler, Shok budushchego [Shock of future], Ast, Moscow, 2008.

[16] I.M. Dzyaloshinskiy, [Medialinguistics in the context of the transformed medias], Humanitarian vector, 4 (40) (2014) 74–83.

[17] J. Dufrense, Apres l'homme. le cyborg? Multi-Mondes, Sainte-Foy, 1999. DOI: 10.7202/102 4647 ar.

[18] O.D. Shipunova, [Cognitive scenarios in the design of mass consciousness], in: *Peterburgskaya vesna kul'tury* ["Saint Petersburg's Culture Spring", proc. of the Intern. Forum], May 19–20, 2016, Publ. House of Polytechnic Univ., St. Petersburg, 2016, pp. 84–85.

[19] L.N. Solovyova, [Human in the global virtual space: philosophical dimension], *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura*, 12 (2016). Available at: <http://dom-hors.ru/nauchniy-zhurnal-obshchestvo-filozofiya-istoriya-kultura/> (accessed 06.01.2017).

[20] Ye.V. Reutov, T.V. Trishina, [People's Internet-practices and information preferences], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 4 (2015) 140–148.

[21] L.M. Volkova, V.V. Evseev, P.V. Polovnikov, *Fizicheskaya kul'tura studentov: sostoyaniye i puti sovershenstvovaniya* [Physical education students: state and ways of improvement], Publ. House of Polytechnic Univ., St. Petersburg, 2013.

[22] J. Naisbitt, [Megatrends], Ast, Moscow, 2003.

[23] D.I. Dubrovskiy, [Human nature, the mass consciousness and global future], in: *Global'noye budushcheye 2045: Antropologicheskiy krizis. Konvergentnyye tekhnologii. Trasgumanisticheskiye proyekty* [Global Future 2045: Anthropological crisis. Convergent technologies. Trasghumanistic projects], Kanon +, Moscow, 2013.

[24] Y.U. Habermas, *Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye* [Moral consciousness and communicative action], Nauka, St. Petersburg, 2001.

[25] I.Ye. Timermanis, L.I. Evseeva, O.D. Shipunova, [Communicative space of legitimation of the political system in a networked society], *Vestnik RGGU, Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye*, 6 (149) (2015) 26–35.

EVSEEVA Lidiya I. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; l.evseeva@mail.ru

EVSEEV Vladimir V. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; uznik_2001@mail.ru

Received 28.01.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8203

УДК 811.161.1

КОМПЬЮТЕРНАЯ АВТОНОМИНАЦИЯ: ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА (на материале виртуальных пространств России и Эстонии)

Е.В. Бусурина¹, Н.В. Чуйкина²

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Таллинский университет, г. Таллин, Эстонская Республика

Актуальность исследования обусловлена вниманием к языковой личности в свете антропоцентрического подхода к изучению гуманитарных наук. Статья посвящена выявлению характерных когнитивных черт языковой личности в условиях виртуальной коммуникации. Основным подходом к исследованию данной проблемы послужил структурно-семантический анализ случаев языковой игры в компьютерных именах с использованием материалов русского и русскоязычного эстонского компьютерных сообществ. Материал для исследования отбирался методом сплошной выборки из объема около 1500 ников пользователей Живого журнала (Live Journal) сети Интернет. Представлена типология приемов языковой игры, используемых при продуцировании компьютерных имен в виртуальной коммуникации. Письменная форма коммуникации в виртуальной реальности определяет широкое использование не только собственно языковой игры, но и графической, графико-языковой. Среди приемов языковой игры наиболее частотны следующие варианты: использование графических и цифровых символов, слияние, повторы, поликодификация, комбинация реального имени номинатора с определительным словом, образное обыгрывание реального имени, инверсия родовой принадлежности имени, образование несуществующих слов по продуктивным моделям, стилизация под иноязычное слово, задействование прецедентных имен, сложные семантические трансформации. Анализ данных приемов позволил определить языковую личность как носителя творческого начала, стремящегося к самовыражению. Лингвистическое творчество в компьютерных именах оказывается тесно связанным с аттрактивной функцией ников. Авторы имен привлекают внимание адресата с помощью иронии и самоиронии, оценки и экспрессии. Приемы языковой игры построены в основном на материале родного языка пользователей, однако английский язык также востребован. Использование средств эстонского языка закономерно для русскоязычного эстонского компьютерного сообщества, но в целом приемы языковой игры при создании компьютерных имен в русском и русскоязычном эстонском компьютерных сообществах продемонстрировали универсальность когнитивных моделей, реализующих аттрактивную функцию компьютерного имени. Результаты исследования могут использоваться для составления портрета языковой личности с последующим применением в когнитивном моделировании, в том числе в условиях виртуальной реальности. Материалы статьи также могут найти применение в курсах лингвопрагматики и ономазиологии.

Ключевые слова: ник; компьютерное имя; виртуальная коммуникация; языковая личность; языковая игра

Ссылка при цитировании: Бусурина Е.В., Чуйкина Н.В. Компьютерная автономия: языковая личность и языковая игра (на материале виртуальных пространств России и Эстонии) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 31–40. DOI: 10.18721/JHSS.8203

COMPUTER SELF-NAMING: LANGUAGE PERSONA AND LANGUAGE GAME IN COMPUTER NAMES (based on materials of Russian and Estonian virtual space)

E.V. Busurina¹, N.V. Chuykina²

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

² Tallinn University, Tallinn, Estonia Republic

The linguistic persona occupies one of the central positions in modern humanities in light of the anthropocentric approach. This article is aimed at identifying the characteristic cognitive features in the portrait of a linguistic persona as a part of virtual communication. The main approach to investigating this problem was the structural and semantic analysis of the cases of language games in computer naming using the materials of Russian and Russian-speaking Estonian computer communities. The material for the study was selected by continuous sampling from about 1500 nicknames of LiveJournal users on the Internet. The paper presents a typology of language game methods used in generating computer names. The written form prevails in virtual communication, consequently, it involves methods of graphic game and language-graphic game as well as proper language game. The following language game methods proved to be the most frequent: using graphic and numerical symbols, merging, reduplication, polycodification, combining the real user's name with a definitive, playing upon the figurative meaning of the real name, gender inversion, producing non-existing words according to productive word-building patterns, styling to resemble a foreign word, involving precedent names, complex semantic transformation. The analysis of all abovementioned methods allows characterizing the linguistic persona as creative, with a desire for self-expression. Linguistic creativity is closely connected with the attractive function in computer names. The authors of nicknames use irony, self-irony, appraisal and expression in order to attract the attention of the addressee. Language game methods involve mainly the materials of the native language, though the English language is also popular. The use of the Estonian language is natural in Estonian virtual space. On the whole, language game methods in computer naming in virtual space of European Russia and Estonia have demonstrated universal cognitive models involving attractive function of computer names. The results of the research may be used in creating a cognitive portrait of the linguistic persona and in the subsequent cognitive modeling, including modeling under virtual reality conditions. The materials of the paper may contribute to courses on lingvopragmatics and onomasiology.

Keywords: nickname; computer name; virtual communication; linguistic persona; language game

Citation: E.V. Busurina, N.V. Chuykina, Computer self-naming: language persona and language game in computer names (based on materials of Russian and Estonian virtual space), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 31–40. DOI: 10.18721/JHSS.8203

Современная коммуникация пронизана игровым началом на самых разных уровнях. Можно сказать, что языковая игра стала характерной особенностью речевого поведения современной языковой личности, причем в международном масштабе (тенденция к использованию ее приемов наблюдается в сообществах, говорящих на разных языках). Приверженность к приемам языковой игры можно отметить в языке СМИ (особенно частотна она в заголовках и анонсах), языке рекламы (создатели слоганов используют языковую игру как один из основных способов привлечения внимания целевой аудитории), разговорной речи, ономастики (производстве эргонимов) и т. д. Принято считать, что такое широкое обращение языкового коллектива к лингвистическому творчеству связано с влиянием постмодернистской культуры, начавшимся еще во второй половине XX в. и бурно прогрессирующим в новом тысячелетии.

Сфера виртуальной коммуникации занимает всё более значительную (и значимую) часть современного общения. Здесь наблюдаются два параллельных процесса: с одной стороны, в виртуальную реальность переносятся уже традиционные виды языковой коммуникации (издательства дублируют «бумажные» выпуски газет и журналов в сети Интернет, телеканалы создают банки данных, содержащие передачи за прошедший период, и т. д.), а с другой стороны, виртуальная коммуникация как принципиально новая форма общения людей закономерно породила и новые формы речевого общения: появились блоги и блогеры, одной из самых популярных форм коммуникации стало комментирование в социальных сетях и новостных ресурсах, речевая коммуникация тесно переплетена с визуальным рядом (размещение фото- и видеоматериалов в сети Интернет) и т. д.

Языковая личность оказалась в условиях коммуникации, резко отличающихся от существовавших ранее. Это стало благодатной почвой для языкового творчества, применения игровых лингвистических приемов. Представляется, что немаловажную роль в формировании новой речевой среды играет тот факт, что при виртуальной форме общения его участники чувствуют значительную свободу: человек может выступать инкогнито, примерять на себя любую роль, получать выход на огромную и разнородную

аудиторию. Существенной чертой виртуальной реальности является то, что она выводит коммуниканта на новый уровень существования — игровой, превращает участника коммуникации в *homo ludens*. Виртуальная реальность становится игровым раем, где возможности практически беспредельно широки [1, с. 34].

Виртуальная коммуникация способствовала изменениям в современной ономастологии: принципиально новые способы коммуникации значительно повлияли на корпус антропонимов (имен собственных, называющих человека) [2, с. 121]. Имеются в виду прежде всего компьютерные имена пользователей сети Интернет, или ники (от англ. *nickname*), являющиеся обязательными именами пользователей. Компьютерные имена относятся к периферии системы имен собственных, в настоящее время еще не решен вопрос об их автономной либо подчиненной позиции в системе антропонимов. Как отмечает М.В. Голомидова, ники схожи с псевдонимами в том, что они являются вспомогательными, условными именными обозначениями, действующими в определенной коммуникативной ситуации, однако от традиционных псевдонимов их отличает соотносительность не с общественно значимой институализированной деятельностью, а со сферой межличностного взаимодействия, протекающего в виртуальной реальности и сопровождающегося формированием особой субкультуры [3, с. 21].

Анализ современного корпуса компьютерных именований помогает решить многие актуальные задачи, основными из которых представляются дальнейшее изучение портрета языковой личности (в том числе интересно сравнить гендерные [4], профессиональные, возрастные и другие особенности), ценностной картины мира, изучение принципов и механизмов действия ономастологического процесса. Однако, рассматривая компьютерные имена, необходимо принимать во внимание их виртуальную природу и условия функционирования в виртуальной реальности.

Компьютерные имена являются объектом особого внимания ученых, занимающихся проблемами ономастики, виртуального дискурса. Важность имен собственных нового типа для исследований виртуального дискурса обосновывается их главенствующей позицией в орга-

низации глобальной Сети: вся информация в сети Интернет строится на ономастической оси [5, с. 55]. Ономатологи отмечают развитие лексической системы языка за счет продолжения исконной системы именования с определенными трансформациями [6, с. 76]. В настоящей статье компьютерные имена рассматриваются как значимый сегмент современной лингвистической реальности с точки зрения реализации в нем игрового начала, присущего виртуальному дискурсу в целом. Ранее компьютерные имена не исследовались для методичного выявления и анализа приемов языковой игры как лингвистического и когнитивного феномена.

Важными для изучения компьютерных именований условиями их возникновения являются искусственность и императивность. Это значит, что ники возникают не полностью по воле номинатора, а в результате необходимости для него быть зарегистрированным участником виртуальной коммуникации. Без регистрации в интернет-ресурсах коммуникант может быть только пассивным участником коммуникации, т. е. он может лишь знакомиться с уже выложенными в сеть материалами. В случае потребности активного участия (размещение информации, комментирование, участие в различных online-семинарах, конференциях и пр.) коммуникант в подавляющем большинстве случаев должен зарегистрироваться на интересующем его ресурсе.

Еще одна характерная особенность природы компьютерного имени состоит в том, что при императивной искусственной автономии номинатор одновременно является номинатом. Это подразумевает, что номинатор-номинант осуществляет самоидентификацию и/или самопрезентацию (в данном случае под ними понимается представление соответственно «кто я» и «какой я»). Главная функция именного знака — выступать средством выделения одного из многих. Этой функцией ник обладает в случае самоидентификации: он оказывается денотативно соотносенным преимущественно с реальным именем собственным номинатора. Самоидентификация преобладает при создании электронных почтовых адресов, особенно если электронный адрес используется для делового общения. Однако при продуцировании ников, как и псевдонимов, определяющей становится другая функциональная задача антропони-

ма — быть средством индивидуализации, вербальным знаком единичности и уникальности конкретного человека. Следовательно, большинство компьютерных имен является результатом индивидуальной самопрезентации. В некоторых случаях процессы самоидентификации и самопрезентации оказываются тесно связанными между собой, например уменьшительно-ласкательные варианты реального имени номинатора (*larochka, svetik97*) или соединение в никах имени собственного и определяющего слова (*lana_yarkaya, miha_medvedik*). Представляется, что при искусственной компьютерной автономии номинатор во многом ориентируется на адресата, хочет представить себя определенным образом. Тогда явление номинации совпадает с явлением самопрезентации, что предопределяет ряд закономерностей выбора компьютерного имени. Классификация способов самоименования в сети Интернет освещена в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей [См., например: 7–12], где в той или иной степени обращается внимание на игровой компонент компьютерного имени. Однако подробный анализ языковой игры на материале компьютерных имен прежде не проводился.

Компьютерные имена существуют исключительно в письменной форме, что определяет незначимость их соответствия фонетическим возможностям языка, а также пополняет арсенал номинатора цифровыми знаками и целым набором графических символов. Степень свободы в ономастической сфере в целом значительно выше, чем в лексике [13, с. 130], а виртуальная коммуникация предоставляет авторам при создании компьютерного имени практически полную свободу, которая оказывается ограниченной только техническими параметрами: предписанное тем или иным ресурсом количество символов ника, возможность использовать латинский и/или кириллический регистр, определенный набор возможных графических символов и т. д. Такой широкий простор для творчества номинатора является одной из причин исключительной вариативности приемов языковой игры в образовании компьютерных имен. Рассмотрим наиболее характерные из них.

Преобладание письменной формы коммуникации в виртуальной реальности позволяет

участникам речевого общения наряду с буквенными символами широко использовать в языковой игре цифровые и графические символы. Собственно языковая, графическая игра и их различные контаминации регулярно присутствуют в компьютерном речевом творчестве, причем приблизительно в равных долях.

Графическая игра, широко представленная в интернет-ресурсах, наиболее ярко проявляется в компьютерных самоименованиях. Исследование репрезентативного корпуса ников ресурса www.livejournal.com (около 1000 компьютерных имен жителей европейской части Российской Федерации и около 500 компьютерных имен этнических русских, проживающих на территории Эстонии) позволило выявить наиболее распространенные приемы графической игры в данном сегменте [14].

Один из наиболее частотных приемов графической игры — использование цифровых символов вместо буквенных. Этот прием основан либо на обыгрывании внешней схожести цифры и буквы (*byratino*, *ra1n_ger*, *lunatik*, *g0nshik*, *kalan4a*), либо на замене одного или нескольких буквенных символов цифровым знаком, звучание которого схоже с этими буквами (*sk8t* — скЭЙТ, *vi3nka* — виТРИнка, *sab1k* — саШик, *pro100_maria* — проСТО Мария). В таких случаях языковая игра осуществляется с использованием как русских, так и английских вариантов «звучания» цифровых знаков: 4 = Ч, 6 = Ш или Б, w = Ш, 0 = О, 1 = I и др. Надо отметить, что в большинстве вариантов графическая игра прогнозируется и довольно легко «читается», поскольку варианты замены цифровых и буквенных знаков являются стандартными для всех пользователей интернет-ресурсов. Целый ряд приемов такой замены был заимствован из англоязычной виртуальной коммуникации (например, 1 = i, 4 = for, 8 = eight), а некоторые явились оригинальными, порожденными русскоязычным компьютерным сообществом (4 = Ч, 6 = Б или Ш). К данной группе приемов языковой игры можно отнести и такие, когда графическими символами заменяются буквенные — замена происходит с использованием сходства внешней формы графического и буквенного знаков (*E;::ka*, (*олнце*)).

Графическая игра может быть направлена только на придание внешней красоты компьютерному имени. В этом случае она обычно осно-

вана на симметрии (*__nata__*, *9_penguin_9*, *k_a_r_a_b_u_l_a_k*, *8buket8*, *o0katinka0o*) или «зеркальном отражении» (*tarakarat*, *78__87*).

Прием языковой игры, использующий слияние (слитное написание) слов, также встречается достаточно часто. В данном приеме можно проследить тяготение номинаторов к выбору «традиционного» имени — имени, которое состоит только из одного слова. Однако если «разложить» подобные ники на части, в них обнаруживаются не только словосочетания, но и целые высказывания: *pospinelopatoi* — по спине лопатой, *isleepinmetro* — I sleep in metro, *aprostohoroshho* — а просто хорошо.

Анализ приемов графической игры показал, что во многих случаях используются разные варианты повторов: множественное написание букв (в том числе «зеркальное»), дублирование слов, ритмические повторы (*duyux*, *izzumm*; *jan-kajanka*, *bisbisbis*; *loba_boba*). Очевидно, буквенные повторы применяются с целью получения внешней красоты компьютерного имени, а также для осуществления «звуковой» игры (например, *дууух* «поет», а *strrrrangerrr* «рычит»).

Довольно частотным является и прием поликодификации — смешение латиницы и кириллицы (*DREAMочка*, *Таня_kisa*), при этом номинаторы прибегают к использованию латинских букв вместо кириллических, когда совпадает (или оказывается схожей) форма буквенных знаков (*toxas99*, *_paradokc_*, *na_beregy*, *wilo* — шило).

Для приемов графической игры в компьютерных именах оказывается актуальной цель, присущая языковой игре в целом, а именно разрушение устойчивых языковых связей и создание новых слов. Так реализуется творческое начало графической игры, которое входит в понятие креативности. Однако в случае с компьютерными именами это понятие дополняется аттрактивной функцией имени, когда номинатор старается привлечь внимание адресата созданием своего необычного имени собственного.

При продуцировании ников языковая игра осуществляется как на русском, так и на других языках, среди которых лидирует английский (превалирование этого языка обусловлено его преимущественным использованием в виртуальной коммуникации при разноязычном общении). Языковая игра может проходить исключительно на материале иностранного языка

(*jawkonda*, *big_muck*, *fireoglyph*, *all_most_angel*, *goodsmith*, *lollihop*), но может быть основана на смещении русского с каким-либо другим языком (*suneach* — Саныч, *cherrishenka*, *kalinatree*, *za_etc*, *soul*нышко*). Оба варианта широко представлены в корпусе компьютерных имен русскоязычных пользователей сети Интернет.

В компьютерной автономии языковая игра призвана, в частности, привлечь внимание к обладателю ника, оказать определенное воздействие для формирования отношения адресата к номинанту. Можно отметить самые разные механизмы, применяемые в виртуальном именотворчестве для воздействия на адресата и представляющие собой примеры собственно языковой игры. Условно их можно разделить на несколько групп.

Согласно статистическим подсчетам в проведенном ранее исследовании [14], примерно четверть компьютерных именований имеет денотативные отсылки к реальному имени номинатора. Наиболее частый вариант — комбинация реального имени и определительных слов (*vicky_the_cat*, *luchik_svetik*, *caticat*, *old_andrew71*, *nice_innaice* — реальное имя владелицы ника Инна), при этом реальное имя приводится в большинстве таких случаев в сокращенной, фамильярной или уменьшительно-ласкательной форме (*anatol223*, *kolyan*, *aleny4* — Аленьч, *lenochka*, *vaniatka*). Краткие, фамильярные вариации компьютерных имен соотносятся с общей тенденцией ухода от формального стиля общения в компьютерном дискурсе (скорее всего, этому способствует анонимность коммуникантов), а выбор уменьшительно-ласкательной формы имени не только «сокращает дистанцию» между участниками коммуникации, но и предопределяет позитивное восприятие компьютерного имени и соответственно его обладателя.

Довольно часто реальное имя номинатора образно обыгрывается: *ir_biss* — Ира, *_ina_ya* — Инна, *newsya* — Нюся, *edzotic* — Эдуард. В таких именах, как *sijanje_sveta* — сиянье Света, *svetochsveta* — светоч Света, *lanasvett* — Лана свет, номинаторы, с одной стороны, используют сокращенную форму имени Светлана, а с другой стороны, обращаются к внутренней форме имени, его этимологическому значению, связанному со светом, светлым. Прием языковой игры с вовлечением реального имени номинатора

перекликается с приемами романтизации компьютерного имени (когда в качестве денотатов выбираются слова, относящиеся к опасным занятиям, мистике и т. п.) и желанием номинатора вызвать позитивное восприятие у адресата.

Встречаются примеры инверсии родовой принадлежности слова, реализуемой, например, прибавлением русского окончания женского рода к словам мужского рода, а также к английским словам или, наоборот, отсечением окончания женского рода: *lemurka*, *pushistyj_koshk*, *bolshaja_medved*, *oduvanka*, *wolanda*, *the_chiffa*, *little_bossa*. Очевидно, такие случаи показывают обращение номинаторов к самоиронии, а также демонстрируют примеры языкового творчества в процессе освоения иноязычных заимствований.

Часть компьютерных именований образуется путем присоединения суффикса русского происхождения к иноязычной основе: *DREAM_мушка*, *cherrishenka*, *nokiamotorolych*. Такая «переработка» иностранного слова показывает приоритет оценочной функции ников.

Некоторые ники представляют собой несуществующие сложные слова, образованные по продуктивным моделям (словообразование происходит на материале как русского, так и иностранных языков): *neosheherezade*, *pedsovetchik*, *revenger*, *fatessa*, *hramodvornik*. В подобного рода примерах проявляются самоирония и экспрессия.

В процессе продуцирования компьютерных имен также применяется прием стилизации под иноязычное слово: *oliggario* представляет собой слово «олигарх» в «итальянском варианте»; *huliganos*, *huligano* характеризуют номинанта определенным образом, добавляя экспрессию путем использования стилизации соответственно под испанское и итальянское слова; *oumnique* (читается как «умник») использует французскую графику, маскируясь под французское слово.

При создании ников активно употребляются прецедентные имена, причем некоторые из них отсылают сразу к нескольким текстам: *ezhik_cucanin* объединяет Ежика из мультфильма «Ежик в тумане» и имя Ивана Сусанина на основе общего национально-культурного компонента «заблудиться»; *marksavreliu* играет на смешении двух исторических личностей; *frekken_gelya* апеллирует к персонажу произве-

дения А. Линдгрена «Карлсон, который живет на крыше».

Встречаются случаи семантической трансформации, обычно реализуемые на материале английского языка: *big_muck* (*big mac*), *goodsmith* (*goldsmith*), *lollipop* (*lollipop*), *fireoglyph* (*hieroglyph*). Производное слово (или словосочетание) практически совпадает с производящим в фонетическом плане, но при этом происходят серьезные семантические преобразования. При восприятии ника *big_muck*, где английское слово *muck* означает «навоз, грязь», адресат получает связь значения данного слова с популярным гамбургером сети «Макдоналдс» (аллюзия на известный продукт усиливается полным совпадением русскоязычного фонетического варианта его названия со звучанием рассматриваемого компьютерного имени). Фонетическое оформление слова *goldsmith* незначительно изменяется из-за замены одной буквы в слове, однако обычное значение «ювелир» превращается в слово с несуществующим денотатом «хороших дел мастер» в компьютерном имени *goodsmith*. Обыкновенный леденец *lollipop* трансформируется в игривое *lollipop* (может быть переведено как «конфета-попрыгунья»), а изменение первой части слова *hieroglyph* (иероглиф) с включением в него компонента *fire* (огонь) трансформирует знак восточных языков в мистические огненные письмена (*fireoglyph*).

Есть примеры сложной языковой игры, требующей пристального рассмотрения компьютерного имени для ее распознавания. Такие случаи можно сравнить с игрой в шарады и назвать именами-шарадами: ник *olelookoyeah* состоит из трех восклицаний: *Ole! Look! O, yeah!* (они написаны без пробелов и восклицательных знаков и «читаются» как Оле-Лукойе, имя персонажа Г.-Х. Андерсена); попытка прочесть несуществующее слово *knowbility* приводит к английским словам *know* (глагол «знать») и *nobility* (благородство, благородное происхождение), указывающим на знания и благородство номинанта; от слияния английских слов *sun* (солнце) и *each* (каждый) образуется непонятное на первый взгляд слово *suneach*, которое, однако, при внимательном рассмотрении превращается в привычное русское «Саныч»; ник *newtochka* состоит из английского слова *new* (новый) и русского слова «точка», записанного латиницей, а в результате получается ласковое обращение

«Нюточка»; тот же принцип использован в нике *nicetya*, где английское слово *nice* (красивый, милый) вставлено в имя Настя.

Очевидно, компьютерные имена, сформированные с применением приема семантической трансформации, и имена-шарады представляют собой случаи языковой игры, где аттрактивная функция ников выражена наиболее показательно. Воспринимающий (адресат) должен постараться, чтобы понять и расшифровать как сам ник, так и намерения номинатора. Результат декодирования воспринимается как хорошая шутка или даже острота.

Встречаются случаи объединения графической и собственно языковой игры в компьютерном именовании. При анализе примеров такой графико-языковой игры оказалось, что использован прием деления слова на части. При дешифровке подобных ников адресат вовлекается в интересную игру: *ko_alla* — вместе получается «коала», однако ник содержит реальное имя номинатора Алла; *4udo_vise* — в целом звучит как «чудовище», но при рассмотрении каждой части по отдельности проявляется слово «чудо», что позволяет «прочесть» ник, увидев в нем положительное значение, хотя на первый взгляд перед адресатом слово с отрицательной внутренней формой; *et_nika* — имя номинатора Ника входит составной частью в единое «этника».

При сравнении компьютерных имен пользователей сети Интернет на территории Российской Федерации и русскоязычных пользователей в Эстонии можно наблюдать в целом сходные явления процесса компьютерного именотворчества (в отдельных случаях отличаются лишь процентные показатели). Например, участники виртуальной русскоязычной коммуникации в Эстонии реже используют только внешнее украшение ника (т. е. реже встречается исключительно графическая игра), среди компьютерных имен здесь отсутствуют имена, не содержащие буквенных символов. Закономерным явлением оказывается то, что русскоязычные номинаторы в Эстонии используют средства эстонского языка в языковой игре при создании ников.

Условия протекания виртуального общения подталкивают его участников к языковому творчеству. Общение в сети Интернет характеризуется неформальностью, но в то же время протекает практически только в письменной

форме. Участники коммуникации лишены возможности использовать мимику, интонацию, жесты и прочие невербальные средства общения, позволяющие «сократить дистанцию». В такой ситуации оперирование лингвистическими средствами остается единственным способом привлечения внимания адресата, хотя в последнее время языковой материал органично дополняется графическими средствами (самый распространенный вариант — использование знаков верхнего регистра для составления подобию эмодзи) и иногда некоторыми изображениями (акронимами). Игра служит эффективным способом самовыражения языковой личности и в условиях письменной коммуникации находит воплощение в формах как языковой, так и графической игры. Последние широко используются в интернет-коммуникации, отражая желание ее участников самовыразиться. Самовыражение характерно и естественно в ситуациях непосредственного личного общения, а письменная форма виртуального общения резко ограничивает эту возможность.

Языковая игра складывается из двух стихий: балагурства и остроты [15, с. 175]. Очевидно, при рассмотрении компьютерных имен мы имеем дело с обращением номинаторов к первой из них через языковую игру. Для ников, созданных с использованием приемов языковой и/или графической игры, характерны комизм и экспрессивность (необходимо отметить, что экспрессивность присуща большинству ников, используемых для неофициального общения в сети Интернет). Номинатор руководствуется стремлением развлечь адресата, однако наряду с этим он ставит перед собой задачу вызвать положительное отношение к себе адресата через восприятие последним компьютерного имени.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что языковая игра ши-

роко и разнообразно представлена в компьютерных именовании. При этом она поддерживает аттрактивную функцию компьютерного имени: данная функция преобладает при создании именования на основе языковой и графической игры. Аттрактивная функция оказывается непосредственно связанной с явлениями оценки, иронии и самоиронии, экспрессии. В процессе создания ников широко реализуется функция языкотворчества, опирающаяся на владение родным языком (знание или чувство закономерностей родного языка) участников виртуального общения, а также на знание иностранных языков, в первую очередь английского (и эстонского для русскоязычных представителей компьютерных сообществ Эстонии). Обращение к приему псевдомотивации и знание прецедентных текстов позволяют номинаторам расширять и разнообразить возможности компьютерного имени в сфере многозначности передаваемого смысла.

Анализ приемов языковой игры при автономии в виртуальном пространстве позволил определить следующие черты современной языковой личности:

- креативность,
- стремление к аттрактивности (привлечению внимания к себе),
- знание или чувство закономерностей родного языка,
- культурная осведомленность (обращение к прецедентным текстам),
- склонность к оценке и экспрессии,
- склонность к иронии и самоиронии.

Сравнение приемов языковой игры в компьютерных именах в русском и русскоязычном эстонском компьютерных сообществах показало универсальность когнитивных процессов самоименования, сходство творческих намерений (и их реализации) языковой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галкин Д.В. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. 2000. № 1-2. С. 26–34.
2. Ходоренко А.В. Когнитивные аспекты функционирования современной антропонимии (на примере наименований групп лиц). Днепрпетровск: Пороги, 2011. 423 с.
3. Голомидова М.В. Русская антропонимическая система // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 15–27.

4. Бусурина Е.В., Чуйкина Н.В. Гендерные стереотипы в автономии языковой личности в условиях виртуальной коммуникации (на материале российских и эстонских компьютерных сообществ) // Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora. Русский язык сегодня: актуальные вопросы теории и их методическая интерпретация. Таллин: Изд-во Таллин. ун-та, 2013. С. 82–100.

5. **Супрун В.И.** Развитие ономастического пространства Интернета // Ономастика Поволжья: матер. IX Междунар. конф. по ономастике Поволжья (Волгоград, 9–12 сентября 2002 г.). М., 2004. С. 53–58.

6. **Аникина Т.В.** Имя собственное в интернет-коммуникации // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 71–76.

7. **Соков А.А.** Никоним в виртуальном дискурсе: лингвопрагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2014. 169 с.

8. **Юдина Н.В.** Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. 293 с.

9. **Медведева И.А.** Способы создания образа «я» в виртуальном дискурсе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 13 (267). С. 65–68.

10. **Ахренова Н.А.** Лингвистические особенности сетевых имен // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34 (172). С. 5–10.

11. **Crystal D.** Language and the Internet. Cambridge, 2001.

12. **Martin A.** Le pseudonyme sur Internet, une nomination située au Carrefour de l'anonymat et de la sphère privée. P., 2006.

13. **Матвеев А.К.** Эволюционные процессы в ономастике // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 130–136.

14. **Бусурина Е.В., Чуйкина Н.В.** Стратегия самопрезентации языковой личности в условиях виртуальной коммуникации (на материале автономии в никах российских и эстонских компьютерных сообществ) // Рус. яз. во времени и пространстве: матер. XII Конгр. МАПРЯЛ. Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. С. 172–177.

15. **Русская** разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 238 с.

БУСУРИНА Екатерина Вадимовна — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; kbusu@yandex.ru

ЧУЙКИНА Наталия Владимировна — Таллинский университет, Эстонская Республика; natalia.tshuikina@tlu.ee

Статья поступила в редакцию 13.03.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

[1] D.V. Galkin, [Virtual discourse in Postmodern culture], Critics and semiotics, 1–2 (2000) 26–34.

[2] A.V. Khodorenko, Kognitivnye aspekty funktsionirovaniya sovremennoy antroponimiki (na primere naimenovaniy grupp lits) [Cognitive aspects of functioning of modern anthroponymics (the case of group naming)], Porogy, Dnepropetrovsk, 2011.

[3] M.V. Golomidova, [Russian anthroponymic system], Onomastics Issues, 2 (2005) 15–27.

[4] E.V. Busurina, N.V. Chuykina, [Gender stereotypes in self-nomination of linguistic persona in virtual communication: the case of Russian and Estonian virtual space], in: Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora. Russkiy yazyk segodnia: Aktualnye voprosy teorii i ikh metodicheskaya interpretatsiya [Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora. The Russian Language Today: Acute Issues of Theory and their Methodical Interpretation], Tallinn Univ. Publ., Tallinn, 2013, pp. 82–100.

[5] V.I. Suprun, [Development of the Internet Onomastic Space], in: Onomastika Povolzh'ya: materialy IX Mezhdunarodnoy konferentsii po onomastike Povolzh'ya [Onomastics of the Volga Region. Proc. of the 9th Intern. Conf. on Onomastics of the Volga Region. Volgograd, Sept. 9–12, 2002], Moscow, 2004, pp. 53–58.

[6] T.V. Anikina, [Personal Name in Internet-Communication], J. of Ural State Univ. Ser. 1, Issues of Education, Science and Culture, 2 (75) (2010) 71–76.

[7] A.A. Sokov, Nikonim v virtual'nom diskurse: lingvopragmaticheskiy aspekt, dokt. dis. [Nickonym in virtual discourse: lingvopragmatic aspect. Doct. diss.], Vladimir, 2014.

[8] N.V. Yudina, Russkii yazyk v XXI veke: krizis? evolutsiya? progress? [Russian Language in the 21st century: crisis? evolution? progress?], Gnosis, Moscow, 2010.

[9] I.A. Medvedeva, [Methods of “I” creation in virtual discourse], J. of Chelyabinsk State Univ. 13 (267) (2012) 65–68.

[10] N.A. Ahrenova, [Linguistic features of net names], J. of Chelyabinsk State Univ. 34 (172) (2009) 5–10.

[11] D. Crystal, Language and the Internet, Cambridge, 2001.

[12] A. Martin, Le pseudonyme sur Internet, une nomination située au Carrefour de l'anonymat et de la sphère privée, Paris, 2006.

[13] A.K. Matveyev, [Evolution processes in onomastics], Onomastics Issues, 6 (2008) 130–136.

[14] E.V. Busurina, N.V. Chuykina, [Strategy of Linguistic Persona Self-presentation in Virtual Communication], in: Russkiy yazyk vo vremeni i prostranstve: materialy XII Kongressa MAPRYaL [The Russian Language in Time and Extention. Proc. of the XII Congr. MAPRYaL],

Shanghai Foreign Language Education Press, Shanghai, 2011, pp. 172–177.

[15] Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest [Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Lexis. Gesture], Nauka, Moscow, 1983.

BUSURINA Ekaterina V. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; kbusu@yandex.ru

CHUYKINA Nataliya V. — Tallinn University, Estonia Republic; natalia.tshuikina@tlu.ee

Received 13.03.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8204
УДК 111

**СОБЫТИЕ АНТИЧНОЙ ОНТОЛОГИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.
ТАКТ ПЕРВЫЙ: ДОСОКРАТИКИ – СОФИСТЫ – СОКРАТ***

Ю.М. Романенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цель статьи — реконструкция первого этапа становления античной онтологии в свете позднейхайдеггеровского понятия события (Ereignis). Исследование основано на принципе единства исторического и теоретического. В комплексе применяются методы диалектики, феноменологии, герменевтики. История онтологии является сущностным элементом общей истории философии. Для ее реконструкции недостаточно применения стандартных методов историко-философского исследования, основанных на хронологической последовательности частных учений, необходима нетривиальная герменевтика события. Возникновение онтологии как акта выраженной в слове мысли о бытии в античности стало именно событием, определившим интенциональность последующей истории философии. Событие подразумевает вневременную смысловую связь его участников, его суть — спор о бытии. С этой точки зрения не история включает в себя множество отдельных событий, а, наоборот, единое событие дает сбыться самой истории как целостному процессу. Первая манифестация онтологии свершилась в период от досократиков, через софистов, к Сократу. Полученные результаты могут помочь более глубокому пониманию и прояснению роли онтологического знания в оценке движущих сил истории.

Ключевые слова: онтология; гносеология; бытие; событие; история; античность

Ссылка при цитировании: Романенко Ю.М. Событие античной онтологии в исторической перспективе. Такт первый: досократики — софисты — Сократ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 41—51. DOI: 10.18721/JHSS.8204

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 15-03-00138а «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции»).

THE EVENT OF ANCIENT GREEK ONTOLOGY IN THE HISTORICAL PERSPECTIVE. THE FIRST STAGE: PRE-SOCRATICS – SOPHISTS – SOCRATES

Yu.M. Romanenko

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The aim of the work is to reconstruct the first stage in the evolution of ancient Greek ontology in light of the late-Heideggerian concept of the Event (Ereignis). The study is based on the principle of unity of the historical and the theoretical. A combination of methods of dialectics, phenomenology, hermeneutics is used. The history of ontology is an essential element of the general history of philosophy. For its reconstruction, it is not enough to apply standard methods of historical and philosophical research based on the chronological sequence of private teachings; a non-trivial hermeneutics of the event is necessary here. The emergence of the ontology, as an act expressed in the word of thought about being, became precisely the Event in antiquity that determined the intentionality of the subsequent history of philosophy. The Event implies a timeless communication of its participants, its essence is a dispute about Being. From this point of view, history does not include many separate events, but, on the contrary, a single Event allows history to come true as a whole process. The first manifestation of ontology was accomplished in the period from pre-Socratics to Socrates. The results may help a deeper understanding of the role of ontological knowledge in the evaluation of the driving forces of history.

Keywords: ontology; gnoseology; being; event; history; antiquity

Citation: Yu.M. Romanenko, The event of ancient Greek ontology in the historical perspective. The first stage: pre-socratics – sophists – Socrates, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 41–51. DOI: 10.18721/JHSS.8204

Проблема бытия является изначальной и ключевой для философского познания. Можно сказать, что эта проблема возникла в тот же исторический момент, когда появилась сама философия. Вместе с этим для прояснения сути этой проблемы потребовались определенное время и усилия нескольких поколений мыслителей. Внутренняя интенция и интерес философии к бытию возникли с самого ее начала, в процессе происхождения философии из мифа. Однако здесь существует дискуссионный момент: историческое рождение философии представляется двойственным. С одной стороны, существует мифогенная концепция происхождения философии, с другой — гносеогенная концепция, утверждающая, что истоком философского знания были данные древней протонауки. Хотя эти подходы альтернативны, между ними допустим компромисс. В обоих случаях, как для древнего мифа, так и для древней науки, точкой фо-

кусировки внимания было бытие. Инвариантной сюжетной линией многообразных мифов античности, как и пранауки, было описание перехода от хаоса к космосу.

Эта тема была передана философии в качестве наследства, как некая эстафетная палочка. Если в мифах процесс космогенеза описывался на языке мистических образов, символов и магических имен, то в философии данный сюжет начинают представлять посредством рациональных понятий. Такую трансформацию называют переходом от мифа к логосу. Если в мифах отношение к бытию представлено как реакция коллективного бессознательного, то в философии вопрос о бытии ставится от лица персонального сознания. Для этого перехода потребовалась история.

Исходный вопрос данной темы, центральной для философии: что есть бытие? Такой вопрос необходимо ставить в начале рациональ-

ного определения бытия. Хотя к нему сразу же возникают контрвопросы: Насколько корректным и осмысленным является само это первичное вопрошание? Не является ли оно явной или скрытой тавтологией? На исходный вопрос автоматически следует ответ: бытие — это просто то, что есть. Дефиниция бытия оказывается круговой — оно определяется через самое себя? Не возникает ли здесь логическая ошибка «порочного круга»? Хотя на философах и представителях науки лежит презумпция четкого определения понятий о различных предметах реальности, является ли бытие вообще одним из таких обычных многообразных предметов? Этот ряд уточняющих вопросов можно продолжать еще долго, и они ставились на протяжении всей истории философии. Но давались ли в истории ответы на изначальный вопрос о бытии?

Попытаемся первоначально дать краткий очерк драматической истории философских размышлений и споров о бытии, совершив экскурс в историю онтологии как философского учения о бытии. Принцип историзма является определяющим для онтологического знания. Высказывалась идея, что само бытие исторично, следовательно, его возможное познание должно соответствовать его истории, более того, должно вписываться в нее [1]. История онтологии — это часть общей истории философии, включающей в себя обзор и анализ становления во времени ее прикладных частей (антропологии, этики, эстетики, логики, социальной философии, натурфилософии и пр.), однако это центральная и системообразующая часть, поскольку все частные проблемы философии возводятся к фундаментальной проблеме бытия [2]. История онтологии является теоретической реконструкцией исторического развития мышления бытия в общем контексте историко-философского процесса, включающей в себя мировоззренческие и методологические аспекты. Если для общей истории философии значим хронологический порядок, то с историей онтологии дело обстоит иначе [3].

Обращаясь к проблеме античной истории онтологии, следует учитывать, что официального, т. е. академически институционализованного, ее утверждения в современном понимании, конечно, тогда еще не было. Рациональная фиксация онтологии в качестве центральной теоретической дисциплины в контексте самой

философии произошла только в XVII в., в частности в философском «Лексиконе» (1613) Р. Гюкленюса и в общей университетской атмосфере того времени. Древние греки не употребляли слово «онтология». Хотя, если не по букве, то по духу и смыслу, онтология как философское мышление о бытии красной нитью вплетена в единую ткань общего процесса истории философии с момента ее зарождения [4].

Оговорим методологический аспект нашего исследования. Оно основывается на принципе единства исторического и теоретического, задающего возможность комплексного применения методов диалектики, феноменологии, герменевтики и исторической реконструкции. Однако для реконструкции исторической модели онтологического познания недостаточно применения стандартных методов историко-философского исследования, основанных на хронологической последовательности частных учений, необходима нетривиальная герменевтика события. Онтология по своему имени определяется как акт выраженной в слове мысли о бытии. Феноменальное проявление этого акта в истории является событием, в том смысле данного слова, который используется М. Хайдеггером в поздний период его творчества [См.: 5, с. 493–520]. Событие подразумевает вневременную смысловую связь его участников, его сутью является спор о Бытии. С этой точки зрения не история включает в себя множество отдельных событий, а, наоборот, единое событие дает сбыться самой истории как целостному процессу. Сделаем попытку реконструкции первой манифестации онтологии, которая свершилась в период от досократиков, через софистов, к Сократу.

Еще одной методологической особенностью является следующий момент. Расшифруем смысл вынесенного в название статьи понятия «такт». Можно было бы заменить его более традиционными терминами «период», «этап» или «фаза». Но здесь иные коннотации, и это задавало бы другой вектор интерпретации. Онтологически понимаемое событие проявляется в историческом времени именно тактовым образом. Латинское слово *tactus* исходно означало «касание», «удар», «толчок», «импульс». В дальнейшем оно стало применяться в качестве термина в некоторых науках. К примеру, в музыкальной теории под тактом понимается единица музы-

кального метра, который в свою очередь означает организацию музыкального произведения во времени. Кроме этого, понятие такта используется в технике, в частности в описании работы генератора тактовых импульсов. Здесь такт определяется как «элемент рабочего цикла автоматического механизма», «промежуток времени между импульсами, соответствующий определенной атомарной операции и необходимый для синхронизации разнородных процессов».

Насколько применимо это слово в онтологии? Не является ли это незаконным переносом, метафорой, из научной области в философскую, когда признаки частного объективного явления приписываются событию в онтологическом смысле? Да, это метафора, но и ее саму можно и нужно понимать онтологически. Перенос понятия из науки в философию является обратным, поскольку раньше этого случается его первичный незамечаемый перенос из философии в науку¹. Онтологическое событие можно понимать как импульс бытия в мысли, генерирующий циклическую реакцию мышления на бытие. А саму онтологию можно определить как автогенератор бытийных смыслов, т. е. как автономное самовозбуждающееся произведение мыслей о бытии и их взаимную трансформацию. Именно тот факт, что бытийный акт делится на такты, стал основанием обнаружения музыкального, механического или этического такта.

Событие, с учетом его смысловой неделимой одновременности, не делится на механическую последовательность периодов. Не время делит событие, а, наоборот, событие делит время. Линия времени разделяется точечным моментом настоящего. Мгновение настоящего есть центральный момент события. С одной стороны, событие существует во времени как мгновение настоящего, в котором дан импульс бытия. С другой стороны, время существует в событии, поскольку оно (время) есть цикл, сгенерированный данным импульсом. Хотя возможны и бессобытийные, пустые временные циклы, подобные холостому ходу двигателя. Таким образом, инициирующие онтологическое мышление события описываются понятиями

рывка и вращения, отношения которых отражают импульсивно-конвертативный принцип деятельности творческого воображения.

Специфика нашего подхода заключается в попытке рассмотреть событие античной онтологии в исторической перспективе через призму данных неслучайных метафор. Событие можно понять и как партитуру многоголосного музыкального произведения, и как принцип деятельности автогенератора смысла, и пр. Онтологическим событием является спор о бытии, всегда один и тот же в силу самотождественности бытия, но он дифференцированно самовоспроизводит и умножает себя в исторических циклах. Саморазличие события обусловлено индивидуальной тактикой участников спора. Здесь также уместны музыкальные метафоры контрапункта и полифонии. Как же звучит мелодия античной онтологии? Как работает ее генератор тактовых импульсов?

Выше уже отмечалось, что первой проблемой, с которой столкнулась философская традиция в самом ее начале, была проблема перехода хаоса в космос и наоборот. Исходное удивление перед очевидным фактом, что вещи присутствуют и отсутствуют, возникают и исчезают, стало импульсом к пробуждению человеческого разума. Более того, не только внешние вещи присутствуют и отсутствуют, но и в отношении самого себя человек обнаруживает подобное чередование присутствия/отсутствия, проявляемое, в частности, в смене состояний сна и бодрствования, концентрации внимания и его рассеяния, здоровья и болезни и пр. По отношению к данному факту естественно возникает вопрос: как это происходит?

Космос есть событие, а именно событие собранности хаотических энергий в целом. Человек оказывается захваченным событием мира, в котором вещи возникают и исчезают, изменяются, трансформируются, переходят друг в друга и т. д. Но эта захваченность не есть только пассивное, созерцательное отношение к действительности, она вызывает встречное движение — попытку человека охватить сам мир, не физическим способом, но усилием мысли. Этот двуединый акт разума, пассивный и активный одновременно, создает, в свою очередь, событие философского мышления бытия. В дальнейшей истории данное событие бытийной мысли получило имя онтологии, которая, с од-

¹Проективный философский словарь. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.

ной стороны, является формальным обозначением центральной философской дисциплины, посвященной научному изучению проблемы бытия, а с другой стороны, буквально означает осмысленное слово о бытии [6]. Насколько человек способен к подобному слову, настолько онтология реальна и актуальна.

В человеческом опыте случаются ситуации утраты ориентировки среди окружающих вещей, состояния дереализации, когда предметы теряют свой смысл и т. д., что сопровождается ощущением деперсонализации самого человека. Подобные негативные пограничные состояния сознания, известные уже древним людям, были обобщены и обозначены ими словом «хаос». В рациональном смысле хаос определяют как беспорядок, хотя исходное значение этого древнегреческого слова — «зияющая бездна», куда «проваливаются» вещи, утрачивая свое устойчивое существование.

Человеческому опыту знакомо и прямо противоположное состояние, в котором вещи даны в их несомненной очевидности, четкой явленности, совершенстве, осмысленной взаимосвязи с другими вещами и т. д. Оно сопровождается ощущением собственной исполненности и актуальности. Такое состояние также предельное и проявляется в редких, эксклюзивных случаях. Воспринимаемая в подобном состоянии действительность получила название космоса. Если хаос означает беспорядок, бесформенность, то космос — это порядок как таковой. Однако определения космоса и хаоса через рациональные понятия порядка/беспорядка возникают в научном контексте. Исходный смысл древнегреческого слова «космос» — украшение, выражает гармонию отношения множества вещей в целостном едином мире.

Таким образом, опыт человеческого самосмысления и существования в мире оказался маркированным двумя крайними состояниями — хаосом и космосом. Но это именно крайние состояния, которые возникают весьма редко и, по всей видимости, не доступны в своей чистоте человеческим познавательным способностям. Весь остальной человеческий опыт взаимодействия с вещами мира располагается в диапазоне между этими крайностями. Саму человеческую жизнь можно понять как противоположенные процессы переходов от хаоса к космосу и наоборот. Но в чем заключаются

сущность и закономерность циклических переходов? Если хаос и космос не даны в абсолютном смысле человеческому опыту и познанию, а только заданы как некие крайние ориентиры, тогда что является промежуточным состоянием между ними, в рамках которого осуществляется человеческая жизнь? Иначе говоря, что является основанием существующих вещей, включая сюда и самого человека?

Последний вопрос оказался определяющим для поисков первого поколения философов [7]. Натурфилософы-досократики интуитивно опознали в качестве начал (*греч.* — архэ) вещей материальные стихии. Это был первый опыт подступа к пониманию сути бытия. На вопрос «Из чего происходят и из чего состоят вещи?» ранние античные мыслители предлагали следующие ответы: из воды (Фалес), из огня (Гераклит), из земли (Ксенофан), из воздуха (Анаксимен). Все перечисленные сущности обобщенно определяются в античной философской традиции как стихии. Из них все вещи возникают в акте рождения и в них же возвращаются в момент гибели. В дальнейшем к этой четверице добавился пятый элемент (квинтэссенция) — свет, понимаемый в то время как стихия, образующая божественные тела. Понятие стихии, трактуемой в качестве архэ (первоначала) всего сущего, стало первой, предваряющей и ориентирующей, попыткой определения самого бытия. Почему именно стихия и что это такое?

Пытаясь ответить на последний вопрос, вернемся снова к противопоставлению хаоса и космоса. Это первичная базовая пара оппозиционных понятий, т. е. противоположных до исключения суждений о реальности. Данная категориальная оппозиция задавала исходный контекст размышлений о бытии. Попытка поставить вопрос о бытии сталкивается с парадоксом самого вопроса. Отношение к самопротиворечивой действительности привело в дальнейшем к возникновению соответствующего метода работы с противоположностями, т. е. диалектики.

Установка диалектики: при обнаружении противоречия — найти его разрешение. В этом коренное отличие диалектики от формальной логики, созданной впоследствии Аристотелем. Логика запрещает противоречие, в то время как диалектика разрешает его (в обоих смыслах этого слова: разрешает в значении «позволять» и одновременно в значении «решить задачу»).

Как возможно разрешение противоречия между хаосом и космосом? С диалектической точки зрения разрешить противоречие — значит найти нечто среднее между противоположностями, что могло бы их объединить.

Именно стихии и оказались, в представлениях древнегреческих философов, тем промежуточным феноменом, посредством которого осуществляется обратимый переход между хаосом и космосом. Действительно, стихия — это уже не хаос, но еще не космос и одновременно и хаос, и космос. Но если хаос и космос — это почти недостижимые для человека крайние состояния бытия, то стихии как переходные моменты между ними вполне доступны для человеческого опыта и познания. С их осмысления и начался онтологический дискурс античности. Коротко ответить на вопрос «Как хаос переходит в космос?» можно так: стихийно!

На следующем шаге работы мысли по поводу данной проблемы обнаружилось, что у стихий существуют собственные естественные свойства, они противоположны друг другу по определенным бинарным признакам (влажность — сухость, теплота — холод, плотность — разреженность, тяжесть — легкость и пр.), между ними происходят взаимопереходы и трансформации. Описания этих свойств и отношений стали основой для научного объяснения происхождения и структурно-функционального устройства конкретных вещей. Хао-космическая игра стихий стала пониматься, с одной стороны, как причина наполненности космоса вещами, а с другой — как причина его опустошения и возвращения в хаос. По сравнению с мифом, где природные стихии были олицетворены в божественных образах и переход от хаоса к космосу описывался как последовательность творящих деяний богов, философия деперсонифицирует божественные имена в рациональные понятия, посредством которых осуществляется научное объяснение естественных процессов. Однако, несмотря на разность и даже взаимоисключительность языка мифа и научно-философского логоса, их интерес один и тот же — бытие как таковое.

Результатом онтологического мышления на первом этапе развития античной философии стало создание интуитивных моделей космоса. Так, например, Эмпедокл мыслил его как целостную совокупность вещей, «корнями» которых

являются стихии. Целостность космоса образуется в результате взаимодействия стихий. Этот смысловой образ не статичен, а динамичен. Движение стихий определяется противоположными силами — любви и вражды, которые чередуются в процессе развития космоса. В античности, таким образом, сформировалась циклическая концепция времени. Под углом зрения категории пространства совершенный космос мыслился в объемном образе сферы. Определяющим методом досократической натурфилософии была интуиция — непосредственное узрение сущности вещи в акте сосредоточения мышления, случающегося как результат импульсивного божественного откровения.

Античное философское мировоззрение в целом и общем виде определяется как космоцентризм [8]. В фокусе внимания познавательного процесса оказывается космос. Как отмечал А.Ф. Лосев, космос является абсолютной категорией древнегреческой мысли [9]. Античная онтология — это интеллектуально-интуитивная космология, или онтокосмология. В данном контексте космологических представлений были созданы необходимые и достаточные условия для перехода ко второму циклу развития онтологического знания. Этот этап связан с деятельностью элейской философской школы, которую по праву называют историческим основанием онтологической традиции. Элеаты сделали кардинальный шаг вперед на пути рационализации бытия, освободив это понятие от редукции к конкретным материальным стихиям. С одной стороны, этот шаг можно понять как акт радикального абстрагирования, т. е. отвлечения от чувственных вещественных представлений, но, с другой стороны, он стал актом предельной конкретизации бытия в нем самом. Речь пошла о чистом импульсе бытия. Реконструируя интуицию бытия в учении элеатов, можно дать такую интерпретацию: бытие само по себе — не сводится к космосу. Космос есть не всегда, по своим собственным законам он обращается в свою противоположность — хаос, переставая на какое-то время существовать. Но есть ли что-то, существующее всегда?

Идейный основатель элейской школы — Ксенофан — вводит важное онтогносеологическое различие между знанием и мнением: истину знает один Бог, у человека во всем лишь

догадка бывает. Это различие стало необходимым для «разведения» онтологического знания и знания частных вещей. Знание бытия является прерогативой божественного разума, в проекции на человеческие способности оно распадается на частные мнения.

Продолжил эту линию размышлений Парменид: в его поэме «О природе» впервые в истории были явно постулированы исходные принципы онтологии как таковой [10]. В поэтической преамбуле этого парменидовского сочинения дается определенная, высказанная языком символов мифология бытия. Здесь истина бытия понимается как тайна, в которую человек может войти в акте мистерияльной инициации благодаря божественному откровению. Далее Парменид переходит от языка мифа к логосу. В содержательной части поэмы указывается на путь истины, отличающийся от пути мнения. Первый путь — это путь строгого мышления бытия. Его цель и результат — признание того, что «бытие есть, небытия же нет». Данное положение можно определить как исходный онтологический принцип актуальности бытия. Знание бытия есть принятие его импульса. При всей кажущейся тривиальности и практической тавтологической форме, данный постулат является фундаментальным, без чего, собственно, онтология как философское учение о бытии не смогла бы начать свое историческое становление. Второй путь — путь мнения — это ограниченный процесс изменчивого познания изменчивых же конечных вещей. Мнение по своей природе циклично, в нем достигаются только относительные истины.

Следующим онтологическим и одновременно онтогносеологическим принципом, сформулированным Парменидом, является принцип тождества бытия и мышления: одно и то же мысль и то, о чем мысль. Подлинная мысль может быть только мыслью о бытии как таковом. Без бытия нет мысли, но если мысль есть, то бытие есть в ней самой — бытие есть сама мысль. Это отождествление может показаться странным и неадекватным в контексте понимания мышления в качестве субъективно-человеческой способности, однако речь Парменида не о мышлении человека, а о мышлении вообще.

Исходя из данных онтологических принципов, Парменид выводит в качестве следствий определения и свойства самого бытия. Оно —

едино, неделимо, неподвижно, не возникает и не уничтожается, вечно, не имеет частей, сплошно и в таковом качестве представляется в объемном образе «глыбы прекруглого шара», т. е. сферы, что соответствовало тогдашней мыслительной интуитивной модели космоса. В последующей истории к этим тезисам Парменида были высказаны антитезисы, возражения и уточнения. Обсуждение проблемы бытия стало проявляться в фундаментальных спорах.

Одна из значимых и острых дискуссий по этому поводу возникла при противопоставлении позиций Парменида и Гераклита. Спор зашел о том, является бытие покоящимся или движущимся? Если Парменид утверждал, что бытие есть покой, то Гераклит говорил прямо противоположное: всё течет, всё изменяется. Кто из этих великих мыслителей оказывается правым? Может оказаться, что прав только один из них либо оба не правы, либо оба правы. Чтобы разрешить спор в чью-либо пользу, сначала нужно разобраться, что такое покой и движение и как они относятся к бытию.

Согласно Пармениду, движение как таковое не существует. Здесь нужно оговориться, что оно, конечно, в чувственном опыте дано как реальность, но у Парменида речь идет не о чувственной данности, а о мышлении и умопостигаемой реальности. И поскольку движение по его природе самопротиворечиво, для мышления, опирающегося на принципы самотождественности и непротиворечивости, оно не существует. То есть мыслить движение невозможно, а если допустимо мышление бытия, то только как покоящегося. Гераклит, кажется, говорит нечто прямо противоположное: всё (*panta*), т. е. бытие вообще, изменяется, движется. Он согласен, что движение самопротиворечиво. Однако это противоречие он не ставит под запрет, как это делают логики, опирающиеся на закон тождества, а, наоборот, диалектически разрешает противоречие как сущность самого бытия.

Спор между Парменидом и Гераклитом обозначил крайние точки зрения на один и тот же «предмет» — бытие как таковое в аспекте отношения к категориям покоя и движения. Примирение спорящих сторон могло бы случиться, если можно было бы показать, что в бытии самом по себе покой и движение неразличимы. Абсолютный покой есть абсолютное движение и наоборот. Эта возможность была осмыслена

на следующем этапе развития онтологии. Спор между Парменидом и Гераклитом завершается тем, что при последовательной экспликации их аргументации обе позиции естественно переходят друг в друга. С диалектической точки зрения бытие, как парадоксально утверждал А.Ф. Лосев, есть «подвижной покой».

Еще одна «тяжба о бытии», как выражается современный российский философ А.В. Ахутин [11], возникла между Парменидом и Демокритом, родоначальником античной атомистики. Этот спор был аналогичен ранее представленному, только здесь проблема бытия была рассмотрена через призму отношения категорий «единое» и «многое». Парменид, как последователь Ксенофана, утверждал, что бытие едино, выражая на философском уровне религиозную установку монотеизма. Бытие неделимо, буквально по-гречески — оно есть атом, и как таковое оно едино. Бытие есть абсолютная полнота, а пустоты нет — она синоним небытия. Демокрит же полагал, что всё сущее есть множество атомов, движущихся в пустоте. Этот спор четко выявил и обозначил еще одну фундаментальную проблему онтологии — проблему монизма и плюрализма, которая, между прочим, лежит в основании в том числе математического знания.

Подобные столкновения мнений в развернувшихся спорах о бытии привели к общей формулировке еще одного онтологического принципа — принципа всеединства. Противопоставление единого и многого разрешается в постулировании бытия как всеединства. Как просто сформулировали этот тезис пифагорейцы: всё едино, единое же есть Бог. Данный принцип является существенным для философского самоопределения. Философия в своем буквальном значении является «любовью к мудрости». Но что такое Мудрость как таковая, София? Кто может быть назван мудрым? Гераклит так высказался по этому поводу: мудрость в том, чтобы знать всё как одно. Позволяя себе перефразировать Гераклита, можно сказать, что мудрость в том, чтобы мыслить бытие. В этих положениях — оправдание существования философии как онтологии. Следствием принципа всеединства является еще одно онтологическое принципиальное положение о том, что бытие и единое взаимобратимы. Оно было эксплицировано в средневековой онтологии.

Здесь следует также вспомнить еще одно гераклитовское изречение о том, что мудрость ото всего отрешена. В этом положении подразумевается понятие трансцендентности, смысл которого заключается в том, что бытие мыслится за пределами сущего. Однако такое понимание в свою очередь подвергается критике, его оппоненты выдвигают противоположное мнение: бытие имманентно всему сущему. На уровне здравого смысла имманентность можно истолковать как «посюсторонность», а трансцендентность — как «потусторонность». Эти две противоположные позиции, трансцендентистская и имманентистская, обозначили еще одну дискуссионную ситуацию и определили вектор развития онтологии.

Таким образом, философская мысль о бытии с самого начала ее возникновения была попыткой свести к единству многообразные частные мнения по той или иной проблеме. Наличие противоречий между разными мыслителями не всегда является признаком бессмысленности, напротив, оно есть индикатор подлинной философской проблематизации. Как свидетельствует история, ни одна онтологически значимая проблема не обходилась без спора. Однако спорить можно по-разному: находясь в рамках онтологического дискурса либо выходя за его пределы. Все упомянутые выше дискуссии возникали в контексте онтологии. Но возможно подвергнуть сомнению реальность самой онтологии. Такой радикальный жест отказа предпринял Горгий — представитель софистики.

Важно в этом смысле сопоставить установки Парменида и Горгия, которые можно обозначить как онтологическую и дез(анти)онтологическую. Фактически Горгий отказывается познавать бытие и вступать в спор о нем, полагая, что это псевдопроблема, следовательно, и сама онтология, как философская амбиция, является неосмысленной, а ее цели — недостижимыми. Установку неприятия Горгий обращает в адрес Парменида. Последний сформулировал первопринципы онтологии в сочинении «О природе», а поскольку понятие природы в древнегреческом философском лексиконе этимологически являлось синонимом понятия бытия, можно трактовать название этого произведения как «О бытии». В ответ на парменидовский текст Горгий пишет свой подальтернативным названием «О природе, или

О несуществующем», т. е. фактически «О небытии». Все онтологические тезисы Парменида, оправдывающие возможность онтологии, подвергаются здесь отрицанию. Но следует признать, что данное отвержение осуществляется Горгием с опорой на систему аргументации, в чем-то зеркально-противоположную аргументации самого Парменида.

В целом позиция Горгия может быть представлена в виде последовательности трех тезисов, которые на самом деле являются антитезисами к Пармениду: 1. Бытия нет. 2. Даже если бытие есть, то оно не мыслимо (не познаваемо). 3. Даже если бытие есть, и оно мыслимо, то эта возможная мысль о бытии не выражима в слове, т. е. не передаваема другим. Здесь практически отрицается возможность онтологии как осмысленного слова о бытии. Данная софистическая установка Горгия стала аргументативным основанием агностицизма, релятивизма и дезонтологизма в последующей истории философии.

Как видим, к выходу на философскую сцену Сократа философия оказалась перед серьезным онтологическим выбором, почти аналогичным гамлетовскому: бытие или небытие? Софисты, упражняясь в риторике, обесценили онтологическую значимость слова, следствием чего стали изобретенные ими софизмы. Софизм отражает парадоксальность выражения словами бытия. Это можно понять как онтологический индикатор. Однако субъективистская установка, присущая софистике, приводит к противоположному выводу о невозможности достижения истины. Попытка осмыслить и выразить в словах бытие наталкивается на софизмы, следовательно, онтология невозможна именно как осмысленное слово о бытии. А если истина понимается как тождество (соответствие) мысли, бытия и слова, то она также невозможна.

Историческое событие Сократа обусловлено этой ситуацией борьбы за истину. Софистический период в истории древнегреческой философии связан с переориентацией познавательного интереса от космоса к человеку. В свое время Демокрит постулировал тождество космоса и микрокосма, т. е. человека, который в то время мыслился как модель самого мироздания. Так устанавливалась связь между космологией и антропологией в рамках ранней античной онтологии. Но в определенный момент между ними образовался разрыв. Софисты субъективизиро-

вали этот интерес, результатом чего стал отрыв антропологии от космологии и онтологии. Об этом говорит знаменитый тезис о человеке софиста Протагора: человек есть мера всех вещей, существующих, поскольку они существуют, и не существующих, поскольку они не существуют (см.: Платон, диалог «Теэтет», фрагмент 152a). Обратим внимание на то, что в этом суждении бытие человека связывается с существованием или несуществованием вещей. Более того, приоритет здесь отдается именно человеку — быть мерой вещей. С этого протагоровского тезиса начинается онтоантропология — философское учение о бытии человека. Хотя его суждение может истолковываться двояко, поскольку неопределимым оказывается онтологический статус самого человека. Быть может, человек и есть мера всех вещей, но насколько он есть сам по себе?

Так или иначе, эта историческая ситуация обострила и актуализировала весь круг философских проблем: о бытии и небытии, о космосе и человеке, о возможностях и пределах познания и т. д. Рефлексивное обращение мысли на самого человека показало, что он находится в ситуации экзистенциального выбора, в этом заключается его способ бытия. Сократ в этом отношении оказался тем мыслителем, которому пришлось по-новому определить место человека в мире, исходя из этического чувства ответственности перед бытием. Однако, перед тем как делать тот или иной выбор, необходимо понять, что есть предмет самого выбора. Основанием этики как особой философской дисциплины является онтология. Вместе с тем подступ к онтологии возможен с гносеологической точки зрения, определяющей условия возможности познания бытия. И вот здесь, в случае с Сократом, возникает парадоксальная и нетривиальная ситуация.

Сократ выступал не с гностической позиции знатока бытия. Напротив, он признается: я знаю, что ничего не знаю. Далее это суждение дополняется фразой, что другие и того не знают и даже, наоборот, мнят о собственном знании. Хотя это иллюзия, которая рано или поздно разоблачится. Этим признанием Сократ дал понять, что подлинное философское (онтологическое) мышление есть «ученое незнание» (*docta ignorantia*), как назвал это гносеологическое состояние в дальнейшем средневековый

мыслитель Николай Кузанский. Подобное акцентирование парадоксальности познания бытия может показаться вариацией софистического дискурса, во всяком случае, по форме. Однако у Сократа оказались другие экзистенциальные цели, по сравнению с софистами.

Онтологические вопросы, стоящие перед Сократом, являются известными и традиционными. Не он впервые их поставил. Что есть бытие? Можно ли его познать? Если да, то как? Собственно говоря, Сократ не пытался дать на них прямые категоричные ответы: подобно Пармениду — бытие есть, или подобно Горгию — бытия нет. Опыт философствования Сократа заключается не в этом, а в том, чтобы организовать условия возможности поиска истины. Этим способом стал диалог как метод человеческого постижения бытия. Сократический диалог, сохранившийся в исторических описаниях и взятый на вооружение последующими поколениями, является именно онтологическим методом. Познание бытия для человека возможно как событие встречи и спора с себе подобными о сути бытия.

Невозможно знать бытие изолированному индивиду, в этом случае бытие для него будет неотличимо от небытия. Как ни парадоксально, индивиду нужно выйти из себя (этот акт на древнегреческом языке назывался «экстазисом»), потерять себя во встрече с другим, и тогда неожиданно для него небытие вдруг оборачивается в бытие. Без этого опыта, а также без признания собственного незнания само бытие будет ускользать от человека постоянно. Человек не познает бытие только собственным произвольным усилием. Это случается настолько, насколько бытие позволяет себя познать. Основным онтологическим результатом сократовского устного способа философствования стал именно опыт диалога, концентрированная рационализация которого привела к возникновению универсального метода диалектики, определяющего бытие в аспекте его самопротиворечивости.

Представим краткую историко-филологическую справку об этих понятиях. Диалог

(διάλογος) и диалектика (διαλεκτική) — это почти синонимы, хотя историческая прагматика наложила различия на их употребления. Префиксы и корни этих терминов идентичны. Семантика приставки «διά-» является сложной и противоречивой, ее основные значения: «сквозь», «между», «через», «в течение», «сквозное движение», «двунаправленность», «разделение и соединение», «усиление», «завершенность» и пр. Логос в переводе с греческого языка означает «слово» или «понятие» (осмысленное слово). Лектика (лектон), имеющая с логосом общий индоевропейский корень «-leg-», означающий действие собирания, имеет смысл высказывания или суждения. Таким образом, логос — это мысль, высказанная в понятии, а лектон — это мысль, высказанная в суждении как связке понятий. Диалог является общением посредством осмысленных слов, а диалектика — это осмысление посредством соотнесения высказываний. По сути они есть одно и то же, хотя способы их реализации разные. Причем в диалектике соотносятся противоречащие друг другу высказывания: в пределе — суждения существования и несуществования. Поэтому диалектика и была санкционирована в качестве метода философского мышления самопротиворечивости бытия в соответствии со своим именным значением.

Для Платона диалектика — это способ «собрать», привести к единству разнообразные, в том числе и взаимно исключаящие друг друга, точки зрения на один и тот же предмет. Диалектика события состоит в том, что единый импульс бытия во времени развивается в разные стороны, поскольку, согласно платоновскому определению, время есть подвижный образ вечности. В событии спонтанно проявляется бытие, стихийно развертывающееся в многообразии сущего во времени и одновременно собирающее это многообразие в целостность космоса. Но здесь необходимо поставить многоточие... Поскольку с Платона, в паре с Аристотелем, начинается второй такт события античной онтологии в исторической перспективе. Этому должно быть посвящено отдельное исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академ. проект, 2013. 460 с.

2. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академ. проект, 2013. 277 с.

3. **Романенко Ю.М.** Событийная история философии // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 307–314.

4. **Бибихин В.В.** История современной философии (единство философской мысли). СПб.: Владимир Даль, 2014. 398 с.

5. **Бибихин В.В.** Ранний Хайдеггер: материалы к семинару. М.: Изд-во Ин-та философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 536 с.

6. **Лебедев С.П., Романенко Ю.М.** Актуальность событийной онтологии // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 10–12.

7. **Фрагменты** ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / пер. и сост. А.В. Лебедева. М.: Наука, 1989. 576 с.

8. **Лосев А.Ф.** Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.

9. **Лосев А.Ф.** История античной философии в конспективном изложении. М.: ЧеРо, 1998. 192 с.

10. **Хайдеггер М.** Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. 384 с.

11. **Ахутин А.В.** Тяжба о бытии. М.: Изд-во Рус. феноменол. об-ва, 1996. 304 с.

РОМАНЕНКО Юрий Михайлович – Санкт-Петербургский государственный университет; yr_romanenko@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

[1] M. Khaydegger, Bytiye i vremya [Being and time], Akademicheskij proyekt, Moscow, 2013.

[2] M. Khaydegger, Chto takoye metafizika? [What is metaphysics?], Akademicheskij proyekt, Moscow, 2013.

[3] Yu.M. Romanenko, [Eventive History of Philosophy], Neprikosnovennyy zapas, 3 (101) (2015) 307–314.

[4] V.V. Bibikhin, Istoriya sovremennoy filosofii (yedinstvo filosofskoy mysli) [The history of modern philosophy (the unity of philosophical thought)], Vladimir Dal' Publ., St. Petersburg, 2014.

[5] V.V. Bibikhin, Ranniy Khaydegger: materialy k seminaru [Early Heidegger: materials for the seminar], Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., Moscow, 2009.

[6] S.P. Lebedev, Yu.M. Romanenko, [The relevance of the event ontology], Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, 6 (2015) 10–12.

[7] Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov, pt. 1: Ot epicheskikh teokosmogoniy do vzniknoveniya atomistiki [Fragments of the early Greek philosophers. Pt. 1. From epic theokosmogony to the emergence of atomism], Nauka, Moscow, 1989.

[8] A.F. Losev, Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Essays on ancient symbolism and mythology], Mysl', Moscow, 1993.

[9] A.F. Losev, Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlozhenii [History of ancient philosophy in a summary], CheRo, Moscow, 1998.

[10] M. Khaydegger, Parmenid [Parmenides], Vladimir Dal' Publ., St. Petersburg, 2009.

[11] A.V. Akhutin, Tyazhba o bytii [The Lawsuit about Being], Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo Publ., Moscow, 1996.

ROMANENKO Yuriy M. – St. Petersburg State University; yr_romanenko@rambler.ru

Received 30.03.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8205

УДК 165.8+009

ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

В.И. Медведев

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Вопрос о природе и особенностях социально-гуманитарного познания стал предметом дискуссии в конце XIX в. и остается актуальным до сих пор. Рассмотрение языка как объекта познания в данной статье направлено на то, чтобы показать особенности субъектно-объектных отношений в науках о человеке и обществе. В классической философии человеческий разум суверенен, он не зависит от чего-то внешнего, в частности от языка. Поэтому считается, что язык познается так же, как любой другой объект. В неклассической философии осознается трансцендентальный (в смысле Канта) характер проблем, связанных с языком. Он является всеобщим условием нашего опыта и воздействует на нас и наше познание до конца не осознаваемым образом. Это характерно для социально-гуманитарного познания вообще. То, что в нем исследуется, — не внешний для нас объект, а существенная часть нас самих. Другим примером является социология знания. Признание зависимости социальных идей от социального положения ставит под вопрос объективность социально-гуманитарного познания, включая саму социологию знания. Данные выводы могут использоваться при анализе других социально-гуманитарных дисциплин: их цель — не изучение некоего внешнего объекта, а углубление человеческого самопонимания.

Ключевые слова: язык; объект познания; классическая философия; неклассическая философия; трансцендентальное познание; социально-гуманитарное знание

Ссылка при цитировании: Медведев В.И. Язык как объект познания: особенности наук о человеке // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 52–60. DOI: 10.18721/JHSS.8205

LANGUAGE AS AN OBJECT OF KNOWLEDGE: SPECIFIC FEATURES OF HUMANITIES

V.I. Medvedev

State Marine Technical University, St. Petersburg, Russian Federation

Specific traits of humanities became the subject of discussion in the late 19th century. But this problem remains to important now. The article regards specific features of subject-object relations in human sciences taking language as an example. The classical philosophy considers reason as sovereign: it does not depend on something external, in particular, on language. Because of that language is being known as any other object. Non-classical philosophy realizes the transcendental (in the Kantian sense) character of the problems concerning language. It is regarded as a general condition of our experience,

because it determines our cognition in a way which cannot be wholly revealed. The same feature characterizes social knowledge as a whole. What we study in it is not some external object, but an essential part of ourselves. Sociology of knowledge is another example. Its thesis that the social status determines social ideas calls in question the objectivity of social sciences including the objectivity of sociology of knowledge itself. This idea can be used in analyzing other human sciences: their goal is not to study some external object, but to make human self-understanding deeper.

Keywords: language; object of knowledge; classical philosophy; non-classical philosophy; transcendental knowledge; humanities

Citation: V.I. Medvedev, Language as an object of knowledge: specific features of humanities, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 52–60. DOI: 10.18721/JHSS.8205

Дискуссия об особенностях социально-гуманитарного познания началась во второй половине XIX в. и продолжается до сих пор. Основные линии осмысления наук о человеке сформировались еще в позапрошлом столетии. Они располагаются между двумя крайностями. Сторонники натуралистического подхода убеждены в том, что наука едина, что никакими принципиальными особенностями гуманитарные дисциплины не обладают. О. Конт полагал, что они всего лишь отстали в своем развитии от естествознания и должны как можно быстрее перенимать методы успешно развивающихся наук о природе. Именно Конт считается основоположником социологии как науки. По крайней мере, слово «социология» придумано им. Как известно, он называл ее «социальной физикой» и представлял себе как позитивную науку об обществе, основанную на наблюдении социальной жизни, выявляющую регулярные связи в ней без всяких попыток рассуждать о движущих силах и скрытых механизмах развития общества.

Противоположный подход был концептуально оформлен В. Дильтеем. В его концепции «науки о духе» резко противопоставляются наукам о природе как основанные на совершенно особом типе опыта (внутреннем) [1, с. 273–274]. Если основной категорией естественно-научного мышления является «причина», то в науках о духе — это «цель», «ценность» и «значение». У Дильтея впервые противопоставляются понимание и объяснение как способы познания гуманитарных и естественных наук.

Натуралистическая линия в XX в. имела в качестве своих радикальных сторонников фи-

лософов-аналитиков — представителей Венского кружка, К. Поппера. Последний был, как известно, последовательным критиком философии науки Венского кружка, но его позиция относительно гуманитарного знания от логического позитивизма не отличалась. Он является одним из авторов классической схемы научного объяснения — схемы Поппера — Гемпеля. Объяснение любых явлений в любых научных дисциплинах строится, по мысли авторов этой схемы, одинаково. Оно дедуцируется из двух классов утверждений — формулировок общих законов и утверждений, фиксирующих начальные условия события [2, с. 302–303]. В конкретных гуманитарных науках натуралистический подход пытались реализовать социологи Э. Дюркгейм и В. Парето, бихевиористы в психологии и социологии и др. В противовес им антинатурализм нашел в XX в. свое теоретическое обоснование в герменевтической философии, а реализацию — в интроспективной психологии, феноменологической социологии А. Шюца.

Сторонники антинатуралистического подхода всегда делали упор на то, что субъектно-объектные отношения в гуманитарном познании носят совершенно иной характер, чем в естествознании, что человек и общество как объекты познания существенно отличаются от природных процессов. Язык является хорошим примером, на котором можно действительно проанализировать, что же меняется (если меняется), когда предметом познания становится что-либо, относящееся к человеческому поведению и социальной жизни. Филология как особая научная дисциплина существует давно.

И даже если считать, что лингвистика как наука возникла в начале XIX в. (в результате усилий В. Гумбольдта), то и это произошло до (а значит, и независимо от) упомянутых выше дискуссий о природе наук о человеке. Но до того, как в лингвистике развернулись дискуссии о ее статусе как науке и особенностях ее методов, определенное отношение к языку как объекту познания сформировалось в философии. И это отношение представляет несомненный интерес с точки зрения нашей темы.

Классическая философия языком особо не интересовалась, относилась к нему как бы свысока. Это связано с тем, что она не видела в человеческом самопознании особой проблемы. Разум для нее суверенен — он ни от чего не зависит, в том числе и от языка. Разум легко обращается на себя самого. Классическим воплощением такого подхода было знаменитое рассуждение Декарта: великий философ не сомневался в том, что человеческий разум способен полностью проанализировать всё собственное содержание, отделить в нем несомненное от сомнительного и т. д. Разум действует на своей собственной основе. В идеале, конечно. В реальности на чьи-то размышления могут влиять и интересы, и чувства, и воля, и язык. Но такое мышление просто еще не стало самим собой. Так что этот идеал суверенного сознания составляет норму, к которой нужно стремиться. Именно с этим связано отношение классической философии к языку. Ее подход можно назвать инструментальным: язык должен быть послушным орудием, инструментом человеческого разума. В идеале употребление языка должно быть сознательным и целенаправленным, а язык должен быть переделан по рационально выверенному проекту [См. об этом подробнее: 3, очерк 4]. Такое отношение к языку достигло своей кульминации в Новое время, но формировалось еще с античных времен.

Первым произведением в европейской философии, посвященным проблемам философии языка, был диалог Платона «Кратил». Уже в нем на основе обсуждения различных концепций имени, существовавших в древнегреческой философии, делается вывод: не из имен нужно изучать вещи, а скорее из них самих [4, с. 489]. Сократ (герой диалога) сначала лишь для вида принимает, но затем высмеивает точку зрения, что имена соответствуют природе вещей. В сло-

вах познание только выражается и часто лишь несовершенным образом. Об этом Платон прямо писал в 7-м письме: имеющий разум никогда не осмелится выразить словами плоды своих размышлений [5, с. 544]. Эти идеи образуют основу так называемой «теории выражения». Согласно ей, мышление существует до и независимо от языка, в языке оно лишь находит свое внешнее выражение. При этом существующие языки были созданы не мудрыми философами и учеными, а толпой. Поэтому они часто оказываются препятствием на пути правильного познания. Такой подход можно найти в средневековой философии, например у Псевдо-Дионисия Ареопагита: в рассуждениях о том, что человеческие названия не способны выразить сущность Бога. Тот же подход обнаруживается у Николая Кузанского. В Новое время подобные убеждения становятся общим местом. Инструментальная концепция языка принимается практически всеми — поверх гносеологических различий между сторонниками эмпиризма и рационализма. Она не столько эксплицитно формулируется, сколько подразумевается как нечто очевидное, само собой разумеющееся.

Два основных положения этой концепции — это первичность мышления по отношению к языку и необходимость рационального усовершенствования существующих языков. Первичность мышления не вызывает сомнений ни у кого из великих философов Нового времени. Например, для Т. Гоббса слова — это метки для наших идей, а также средство передачи их другим, причем изначально слова — именно метки [6, с. 81–83, 525–526]. И так — вплоть до Гегеля, для которого язык — это реализация нашей интеллигенции (мыслительной способности), в идеале не оказывающая ей никакого сопротивления [7, с. 261]. Сетования на очевидное несовершенство естественных языков и разработка мер по преодолению их недостатков — еще одна сквозная тема новоевропейской философии от Ф. Бэкона до философов Просвещения. Существующие языки влияют на мышление и познание, но отрицательным образом. Самым радикальным средством исправить ситуацию было бы создание специального языка науки и философии. Эта идея была крайне популярной в данную эпоху. Из великих философов этого времени наибольшее внимание ее разработке уделял, как известно, Г.В. Лейбниц. Он при-

зывает современников на пять лет оставить все прочие научные занятия, сосредоточиться на создании идеального языка, а затем пожинать плоды этого: все проблемы превратятся в идеальном языке в технические — в проблемы подсчета [8, с. 416–418, 492–493, 496–497].

При таком подходе язык как предмет познания не создает каких-то принципиально новых проблем. Наш разум от него не зависит, способен его анализировать (извне), как и всё остальное, а также совершенствовать. При этом понятие идеального языка было связано с двумя парадоксами, которые в Новое время не замечались. Первый из них таков. С одной стороны, идеальный язык мыслился как предварительное средство, которое должно было расчистить дорогу познанию. Но, с другой, чтобы построить этот язык, нужно уже познать мир хотя бы в принципе. Иначе мы не сможем убедиться, что наш язык идеальный, что он наилучшим образом соответствует устройству мира. Второй парадокс связан с взаимоотношениями идеального языка с имеющимися у нас неидеальными. Как должен идеальный язык вводиться? Либо на основе естественных, либо нет. В первом случае недостатки естественных языков могут пустить метастазы в идеальный язык, и мы не сможем избавиться от их принципиальных пороков, а во втором он вряд ли будет кому-либо понятен. Эту дилемму прекрасно понимал И.Г. Фихте. Одной из главных причин непонимания сути его философии — наукоучения — он считал то, что при ее изложении приходится пользоваться общим для всех языком, для нее не приспособленным. Никто не мог бы понять наукоучение ложно, если бы оно с самого начала излагалось на специально созданном для него языке. Но в этом случае никто не мог бы понять его вообще! [9, с. 629].

Ситуация меняется в неклассической философии. Вообще говоря, для изменения отношения к языку как к предмету познания была крайне важна идея трансцендентальной философии И. Канта — философа вроде бы классического. Задачами трансцендентальной философии Кант считал анализ всеобщих условий человеческого опыта, т. е. таких условий, которые продолжают влиять на наше познание даже тогда, когда мы сами эти условия делаем предметом анализа. Кант, разумеется, рассуждал о чистом сознании и не включал язык в число все-

общих условий человеческого опыта. Развитием этой идеи стала неклассическая философия: в ней выявляются новые «всеобщие условия опыта» — факторы, обуславливающие деятельность человеческого сознания. Это и воля, или воля к власти (А. Шопенгауэр и Ф. Ницше), и классовые интересы (К. Маркс), и язык (М. Хайдеггер и герменевтическая философия). Наше сознание не суверенно: всё вышеперечисленное влияет на него не осознаваемым до конца образом, и это влияние невозможно проанализировать и вынести за скобки.

Такое отношение к языку появляется уже у В. Гумбольдта, для которого различные языки — это не просто различные обозначения вещи, а различные формы ее видения, формы мышления и восприятия мира. Позже подобные идеи развивал Э. Кассирер: интуитивная (обыденная) картина мира обусловлена, с его точки зрения, языком — грамматика определяет деление на вещи, свойства, действия. Правда, Кассирер был уверен, что дело обстоит таким образом исключительно на обыденном уровне — научное мышление использует язык сознательно и целенаправленно. Более радикально ставит вопрос М. Хайдеггер: «нами говорит язык», мы всегда в нем и не можем занять по отношению к языку позицию вне.

Последовательно и систематически подобные идеи развивал Х.-Г. Гадамер. Наше отношение к языку является, с его точки зрения, таким же, как отношение к культурной традиции вообще, важнейшей частью которой язык является. Мы всегда внутри нее, наше сознание формируется в рамках культурной традиции, и она никогда не становится для нас обычным внеположным нам объектом. Собственно, позиция, когда мы изучаем то, что принадлежит к культурной традиции, извне, вообще невозможна для человека. Поскольку мы не можем выйти из традиции, мы не сможем и вычислить, насколько, когда и как она влияет на нас, чтобы на пути к объективности вынести это влияние за скобки. Всё это справедливо, по Гадамеру, и применительно к языку. Мы всегда в нем, наше мышление определяется им невычислимым образом. Языковой опыт мира абсолютен: всё, что является предметом понимания и высказывания, уже окружено горизонтом языка. Даже критика выразительных возможностей языка, пишет Гадамер, дается в языке же [10, с. 467,

520]. Если это так, то язык — особый объект познания. И анализ его особенностей может пролить свет на особенности социально-гуманитарного познания вообще.

Применительно к языку важно, что именно выступает в качестве *предмета* познания. Можно изучать структуру языка, его грамматику или, скажем, фонетические взаимоотношения между родственными языками. Пока мы держимся подобных тем, мы остаемся в рамках обычных субъектно-объектных отношений. Но стоит нам поставить вопрос о том, как всё это влияет на наше мышление и восприятие мира, как мы оказываемся среди проблем совершенно другого рода, проблем, имеющих трансцендентальный характер, в смысле Канта. Вопросы о том, как язык влияет на сознание и мышление, касаются всеобщих условий нашего опыта. Рассуждая об этом, мы делаем предметом анализа то, что продолжает влиять на наше мышление даже тогда, когда мы рассуждаем о нем.

Парадоксальный характер носило отношение к языку в аналитической философии, особенно в логическом позитивизме. Аналитическая философия, как известно, претендовала на ведущую роль в осуществлении так называемого «лингвистического поворота», или переворота. В результате этого поворота, как считали его авторы, обнаружился языковой характер большинства традиционных философских проблем: они «на самом деле» касаются языка, и анализ языка должен был стать способом их уточнения, решения или элиминации (преодоления). При этом отношение философии к языку мыслилось в духе классической философии. Опираясь на достижения математической логики, логический позитивизм возродил надежды решить философские проблемы за счет построения особого языка. Но как убедиться, что какой-то язык является идеальным образом мира? Либо мы заранее знаем, какова структура мира, либо исходим из языка, признанного идеальным, и объявляем структурой мира то, что ему соответствует.

В «логическом атомизме» Б. Рассела и Л. Витгенштейна произошло второе. Идеальным был признан язык логики высказываний, язык «*Principia Mathematica*». Следствием этого стали программные фразы типа: «Мир есть совокупность фактов, а не предметов» [11, с. 5]. Язык и мир находятся в отношениях изомор-

физма — взаимно-однозначного соответствия. Первичным оказывается выбор языка в качестве идеального, а структура мира мыслится в зависимости от этого выбора. Венский кружок в качестве языка единой науки предложил так называемый «физикалистский язык». Это было сделано после того, как выяснилось, что язык протокольных предложений слишком индивидуален и субъективен и не может быть средством формулировки общезначимых утверждений науки. В физикалистском языке каждой точке пространства-времени приписываются количественно определенные значения физических состояний. Этот язык универсален и обеспечивает интересубъективность [12]. Р. Карнап и О. Нейрат доказывали возможность психологии и социологии на физикалистском языке [См.: 13, 14]. С их точки зрения, если гуманитарные науки хотят быть науками, они должны переводить утверждения о внутренних психологических состояниях в утверждения о физиологических процессах и внешне наблюдаемых движениях.

Критики логического позитивизма в связи с этим справедливо обратили внимание на следующую проблему. Какой статус имеют сами эти рассуждения, касающиеся выбора идеального языка науки? По сути дела, они являются метафизическими, т. е. такими, от которых логический позитивизм хотел избавиться. Эту проблему осознал и автор «Логико-философского трактата». Все помнят, чем кончается эта работа, объявленная «Библией логического позитивизма»: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Но в число того, о чем нельзя сказать ясно, попадают все вопросы о том, как язык отражает мир. Это те вопросы, обсуждению которых посвящена значительная часть «Трактата». Витгенштейн, как известно, предлагал считать свои собственные рассуждения лестницей, которую нужно отбросить после того, как будет достигнута цель — показана невозможность метафизики. Сами по себе они бессмысленны [11, с. 72–73]. Это тот же парадокс, что связан с понятием идеального языка, только в ином ракурсе. Значит, чтобы получить язык науки и искоренить метафизику, нужно «в последний раз» пуститься в метафизические размышления. Но где гарантия, что метафизика (для аналитической философии занятие очевидно вредное и бессмысленное) не навредит

нам и в этом случае — в своем последнем бою, прежде чем совершить самоубийство?

Идеальный язык хорош, если он просто дан нам и всё — как нечто априорно адекватное для выражения научных утверждений. Стоит только спросить, почему он идеален, как мы окажемся в топком болоте метафизических проблем. Кроме того, оказывается, что выбор языка — это способ улучшения коммуникации в научном сообществе, а эта коммуникация является трансцендентальным условием успешного познания мира, условием доступа к миру вообще. На это обратил внимание К.-О. Апель: коммуникация в научном сообществе оказывается трансцендентально-герменевтическим условием объективного познания [15, с. 293–295, 299–300, 305–306; 16, с. 60, 99–100, 111]. А в логическом позитивизме языковые конвенции априорны, они абсолютно предшествуют всем познавательным операциям. Обладающий таким, неизвестно откуда взявшимся, языком субъект способен «делать науку» без всякой принадлежности к некой коммуникативной общности.

Таким образом, вопросы, касающиеся выбора языка для науки и философии, его отношения к миру и к нашему сознанию, не являются обычными проблемами, с которыми сталкивается наше познание окружающего мира. Очевиден их трансцендентальный (в смысле Канта) характер. То же самое можно показать относительно многих других проблем социально-гуманитарного познания. Хорошим примером может послужить центральная проблема социологии знания. Она касается зависимости социальных идей от социального положения. Эта зависимость впервые была проанализирована К. Марксом. В «Немецкой идеологии» провозглашается знаменитый тезис о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, и дается анализ идеологии как ложного, иллюзорного сознания. По Марксу, идеология как теоретическое сознание класса не столько отражает действительность, сколько выражает интересы данного класса, или отражает социальную реальность сквозь призму классовых интересов. Маркс сформулировал и закон, объясняющий возникновение идеологических иллюзий: каждый класс, стремящийся к господству, рассматривает свой интерес как всеобщий (как интерес всего общества) [17, с. 25, 32, 47].

Это утверждение по форме напоминает законы естественно-научного типа, выявляющие причинные связи. Но можно ли приписать ему тот же статус?

Это возможно лишь в том случае, если мы проигнорируем трансцендентальный характер подобных утверждений. Как известно, К. Мангейм (и не только он) упрекал Маркса в непоследовательности: Маркс не распространял сформулированный им принцип на собственное учение и не считал его идеологией. Он находил социально-классовую обусловленность только у своих противников [18, с. 230–231]. Действительно, принцип зависимости социальных идей от социального положения вроде бы не оставляет шансов рассматривать какое-либо социологическое учение как объективную научную истину, свободную от идеологических иллюзий. То есть, если мы хотим видеть социологию знания как достоверное исследование зависимости социальных идей от социального положения, мы должны ответить на вопрос, кто может быть субъектом подобного исследования? Такой субъект должен быть свободен от частных социальных интересов или способен преодолеть свою зависимость от них. Причем, согласно принципам данной теории, такая способность должна быть обоснована особенностями социального положения данной группы.

Маркс в принципе попытался дать такое обоснование. Его теория выражает интересы рабочего класса, который стремится к господству не для того, чтобы поработить другие классы. Поэтому его интересы действительно совпадают с интересами большей части общества (за исключением горстки собственников-эксплуататоров), и он обладает иммунитетом от идеологических иллюзий. Отсюда подлинным наследником немецкой классической философии, ее претензий на всеобщность, по Марксу, является немецкий рабочий класс [17, с. 76–78; 19, с. 425–426]. Мангейм, как известно, на роль субъекта социологии знания выдвигал интеллигенцию — «относительно свободно парящую». Она не имеет однозначных классовых интересов, так как формируется из представителей различных слоев и классов, испытывает на себе влияние самых разнообразных социальных сил и т. д. [18, с. 131–140]. Попытки обоих мыслителей обосновать для каких-то социальных групп возможность на-

ходиться вне сферы действия формулируемых ими законов социального бытия вызвали вполне справедливую критику. Важно понимать принципиальный характер тех затруднений, которые возникают в данном случае.

Маркс и Мангейм формулируют закон, в сфере действия которого находится любой человек, занимающийся социальным познанием. Можно, конечно, сказать, что все мы точно так же находимся в сфере действия естественно-научных законов, например закона всемирного тяготения. Однако здесь очевидно существенное отличие. Из формулировки закона всемирного тяготения никак не вытекают какие-либо ограничения относительно нашей способности его познать. Закон же формирования идеологических иллюзий выдвигает принципиальное сомнение относительно объективности социального познания как такового. Все испытывают обуславливающее воздействие социальных интересов на собственные размышления об общественной жизни. Тот, кто берется систематически изучать это воздействие, ставит себя в положение барона Мюнхгаузена: он пытается сам себя вытащить за волосы из болота. В данном случае из болота идеологических иллюзий. То же самое можно сказать и о том, кто пытается рассуждать о влиянии языка на наше сознание. Если оно вообще есть, то кто и как может освободиться от его воздействия? Для этого нужно каким-либо образом исключить самого себя из сферы действия обнаруженной тобой зависимости. «Поздний» Витгенштейн писал, что философия — это битва против околдования нашего разума силами нашего языка [11, с. 127]. Но какое положение по отношению к языку при этом занимает сама философия? Как она сама может выскочить из этих колдовских сетей?

Значит ли это, что, основываясь на подобных размышлениях, нужно отказать гуманитарным наукам в подлинно научном статусе? Мы так не считаем. Скорее нужно скорректировать наше представление об их целях и возможностях. Естественно-научная модель знания, между прочим, включает в себя технологическую ориентацию знания. Мы познаем мир, чтобы практически использовать свои знания, манипулируя познанными явлениями. Применима ли такая модель в социально-гуманитарном познании? Она вызывает, конечно, сомнения по моральным соображениям. Познавать лю-

дей для того, чтобы лучше управлять (значит, манипулировать) ими, — такая ориентация вряд ли может быть признана соответствующей категорическому императиву Канта. Но дело не только в этом: гносеологические соображения также говорят против нее. Такая модель знания предполагала бы строгое деление общества на манипуляторов и манипулируемых. Первые изучали бы вторых (не обязательно сами, это можно поручить профессиональным обществоведам) и управляли ими на основе научных рекомендаций. Вторых же нужно было бы лишить всякого доступа к знаниям о самих себе. Иначе эта модель не была бы реализована. Ведь люди, в отличие от других объектов познания, способны усваивать знание о себе и менять свое поведение, сопротивляясь в том числе и идеологическому манипулированию. И даже если значительная часть людей не пользуется этой возможностью, принципиальная способность остается у всех. Реализация технологической модели знания применительно к гуманитарным наукам кажется возможной лишь в самых мрачных антиутопиях, где описанное выше деление людей было бы осуществлено.

Таким образом, то, что мы изучаем в науках о человеке и обществе, не есть внеположный нам внешний объект. Эти науки являются принципиально трансцендентальным предприятием. Занимаясь социально-гуманитарными исследованиями, мы находимся в сфере действия тех закономерностей, которые анализируем. Предметом наших рассуждений, таким образом, оказываются всеобщие условия нашего опыта. При этом наш анализ вряд ли поможет нам полностью освободиться от действия этих закономерностей, вынести за скобки их воздействие на нас и прорваться к объективному достоверному познанию естественно-научного типа. Усвоение материала социологии знания, в частности, не освободит нас от воздействия социального положения на наши социальные идеи. Но оно может принести несомненную пользу: мы будем держать в фокусе внимания возможную собственную идеологичность. В результате наше самопонимание станет глубже и полнее. Думается, что именно так и нужно представлять себе цель и ценность гуманитарного познания. Цель наук о человеке и обществе — сделать наше самосознание и самопонимание глубже. Мы не обретем на этом пути

суверенный разум, о котором мечтала классическая философия, не преодолеем все изучаемые нами воздействия на его деятельность. Этот «сверхчеловеческий проект» был справедливо дезавуирован неклассической философией. Но она не оставляет нас у разбитого корыта. Более острое осознание собственных возможностей и границ полезно. Хотя это осознание лишает нас некоторых прекрасных иллюзий и надежд

(типа гегелевского царства разума и свободы), оно делает человеческий разум более трезвым и, возможно, более ответственным. Полезно осознать, что мы не можем летать. Но это не отменяет нашу свободу. То же самое можно сказать и про осознание нашей встроенности в культурную традицию, в язык, в систему социальных интересов. Осознание этого всего сделает наше понимание самих себя глубже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дильтей В.** Введение в науки о духе // Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Дом интелект. книги, 2000. С. 267–754.
2. **Поппер К.** Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс : Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
3. **Медведев В.И.** Философия языка: очерки истории. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 336 с.
4. **Платон.** Кратил // Соч. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1968. С. 413–491.
5. **Платон.** Письма // Соч. В 3 т. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1972. С. 499–567.
6. **Гоббс Т.** Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 622 с.
7. **Гегель Г.В.Ф.** Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
8. **Лейбниц Г.В.** Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с.
9. **Фихте И.Г.** Сочинения. В 2 т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. 687 с.
10. **Гадамер Х.-Г.** Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
11. **Витгенштейн Л.** Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
12. **Carnap R.** Physical language as the universal language of science // Alston W.P., Nakhtnikian G. (eds.) Readings in Twenties-Century Philosophy. L.: The Free Press of Glencoe, 1963. P. 393–424.
13. **Carnap R.** Psychology in physical language // Ayer A.J. (ed.). Logical Positivism. N. Y.: The Free Press, 1959. P. 165–198.
14. **Neurath O.** Sociology and Physicalism // Ayer A.J. (ed.). Logical Positivism. N. Y.: The Free Press, 1959. P. 282–317.
15. **Apel K.-O.** The a priori of communication and the foundations of humanities // Dallmayr F.R., McCarthy T.A. (eds.). Understanding and Social Inquiry. Notre-Dame, L.: Univ. of Notre-Dame Press, 1977. P. 292–315.
16. **Apel K.-O.** Towards a Transformation of Philosophy. L.; Boston; Henley: Routledge and Keagan Paul, 1980. xi, 308 p.
17. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 7–544.
18. **Мангейм К.** Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
19. **Маркс К.** К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. С. 414–429.

МЕДВЕДЕВ Владимир Иванович — Санкт-Петербургский государственный морской технический университет; 21medvedev.vl@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.03.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

- [1] W. Dilthey, [Introduction to the Geisteswissenschaften], in: Works, in 6 vol. of vol. 1, Dom intellektual'noy knigi Publ., Moscow, 2000, pp. 267–754.
- [2] K. Popper, Otkrytoye obshchestvo i yego vragi [Open Society and its enemies], of vol. 2, Feniks, Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa» Publ., Moscow, 1992.
- [3] V.I. Medvedev, Filosofiya yazyka: ocherki istorii [Philosophy of Language: Historical Essays], RKhGA Publ., St. Petersburg, 2012.
- [4] Plato, [Cratylus], in: Works, in 3 vol. of vol. 1, Mysl', Moscow, 1968, pp. 413–491.
- [5] Plato, [Letters], in: Works, in 3 vol. of vol. 3, pt. 2, Mysl', Moscow, 1972, pp. 499–567.
- [6] T. Hobbes, Works, in 2 vol. of vol. 1, Mysl', Moscow, 1989.
- [7] G.W.F. Hegel, Entsiklopediya filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences], of vol. 3, Mysl', Moscow, 1977.
- [8] G.V. Leibniz, Works, in 4 vol. of vol. 3, Mysl', Moscow, 1984.
- [9] I.G. Fichte, Works, in 2 vol. of vol. 1, Mifril, St. Petersburg, 1993.
- [10] H.-G. Gadamer, Istina i metod: osnovy filosofskoy germenevtiki [Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics], Progress, Moscow, 1988.
- [11] L. Wittgenstein, Filosofskiye raboty [Philosophical Works], pt. I, Gnozis, Moscow, 1994.
- [12] R. Carnap, Physical language as the universal language of science, in: W.P. Alston, G. Nakhnikian (eds.), Readings in Twentieth-Century Philosophy, The Free Press of Glencoe, London, 1963, pp. 393–424.
- [13] R. Carnap, Psychology in physical language, in: A.J. Ayer (ed.), Logical Positivism, The Free Press, New York, 1959, pp. 165–198.
- [14] O. Neurath, Sociology and Physicalism, in: A.J. Ayer (ed.), Logical Positivism, The Free Press, New York, 1959, pp. 282–317.
- [15] K.O. Apel, The a priori of communication and the foundations of humanities, in: F.R. Dallmayr, T.A. McCarthy (eds.), Understanding and Social Inquiry, Univ. of Notre-Dame Press, Notre-Dame, London, 1977, pp. 292–315.
- [16] K.O. Apel, Towards a Transformation of Philosophy, Routledge and Keagan Paul, London, Boston, Henley, 1980.
- [17] K. Marx, F. Engels, [German ideology], in: Works, of vol. 3, State Publ. of Political Literature, Moscow, 1955, pp. 7–544.
- [18] K. Manheim, Diagnostika nashego vremeni [Diagnosis of Our Time], Yurist, Moscow, 1994.
- [19] K. Marx, [Towards critique of Hegelian philosophy of law. Introduction], in: K. Marx, F. Engels, Works, of vol. 1, State Publ. of Political Literature, Moscow, 1954, pp. 414–429.

MEDVEDEV Vladimir I. — State Marine Technical University; 21medvedev.vl@gmail.com

Received 10.03.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8206

УДК 1/14-140.8

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ТЕХНОГЕННОМ МИРЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В РАБОТАХ А.В. СОЛДАТОВА

А.В. Денисков

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена актуальной проблеме концептуальных оснований человеко-размерного подхода в анализе современной технологической культуры. Целью является уточнение принципов гуманитарного контроля в проектировании взаимодействий в техногенных средах. В исследовании предпосылок современного гуманитарного контроля над информационными потоками использован системный метод. Особое внимание уделено феноменам миропонимания и мироздания, взаимосвязи науки и религии в формировании жизненного мира. Подчеркивается, что цивилизационный подход А.В. Солдатова, который выделяет актуальность этической связи как основы человеко-размерного проектирования взаимодействий в техногенных средах, чрезвычайно важен для устойчивого развития общества и техносферы в информационной стадии. Цивилизация в настоящее время трактуется как общества знания, объединяющие компоненты техносферы и политические, этические, культурные, духовные параметры развития. Этическая линия взаимосвязи науки и религии в формировании жизненного мира человека занимает важное место. Эта установка призвана противодействовать технологии информационного манипулирования, опирающейся на механизмы подражания и некритического восприятия в адаптации индивидов к информационно-коммуникативной среде.

Ключевые слова: техногенные среды; цивилизационный подход; этическая связь; жизненный мир; информационные потоки; гуманитарный контроль

Ссылка при цитировании: Денисков А.В. Философские предпосылки проектирования взаимодействий в техногенном мире: цивилизационный подход в работах А.В. Солдатова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 61–67. DOI: 10.18721/JHSS.8206

PHILOSOPHICAL BACKGROUND OF THE DESIGN OF INTERACTIONS IN A MAN-MADE WORLD: A CIVILIZATIONAL APPROACH IN THE WORKS OF A.V. SOLDATOV

A.V. Deniskov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated the significant problem of the conceptual grounds of the humanitarian approach to the analysis of modern technological culture. The author's goal is the refinement of the principles of humanitarian control in the design of interactions

in anthropogenic environments. Studying the origins of modern humanitarian control over the information flows, the author uses the systematic method. Special attention is paid to the phenomena of the worldview and the universe and the relationship of science and religion in the formation of the life-world. It is emphasized that Soldatov's civilizational approach, which highlights the importance of ethical communication as the basis of humanitarian design of interactions in anthropogenic environments, is extremely important for the sustainable development of society and the technosphere in the information stage. Civilization is currently treated as a knowledge society, combining the components of the technosphere and the political, ethical, cultural, and spiritual dimensions of development. The ethical line of the relationship between science and religion is important for the formation of the human life-world. This concept is intended to counteract the technologies of information manipulation based on the mechanisms of imitation and uncritical perception in the adaptation of individuals to the information-communicative environment.

Keywords: man-made environment; civilization approach; science; ethical communication; life-world; information flows; humanitarian control

Citation: A.V. Deniskov, Philosophical background of the design of interactions in a man-made world: a civilizational approach in the works of A.V. Soldatov, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 61–67. DOI: 10.18721/JHSS.8206

Введение

Характерной чертой современного технологического уклада выступает особая цифровая культура, явившаяся порождением глобальной информатизации и компьютерной революции конца XX в. Информационные среды, сложившиеся в постиндустриальную эпоху, активно изучаются представителями точных дисциплин, естественных и гуманитарных отраслей знаний. Философский анализ основных тенденций развития человечества в связи с идеями глобализации сосредоточен на проблеме органичного соединения разных аспектов взаимодействий в информационных средах (технологических, коммуникативных, социокультурных, ценностных). Актуальность междисциплинарного анализа взаимодействий в информационных средах определяется интенсивным развитием сетевого технологического уклада и виртуализацией цифрового пространства.

Задачи данной статьи актуализируются анализом философско-методологических предпосылок гуманитарного контроля при проектировании взаимодействий в информационных средах постиндустриального пространства.

В методологии проектирования взаимодействий моделирование картины мира имеет ключевое значение. Обратимся к анализу философских идей, касающихся базовых категорий мировоззренческого плана, в трудах Александра Васильевича Солдатова [1, 2].

Уже в своих самых первых научных работах А.В. Солдатов обосновывает историко-философский аспект постулата о триединстве форм моделирования мироздания: научной, художественной и религиозной формы. Эта идея активно развивается им и в последующих работах [3, 4]. Необходимо отметить, что Солдатовым в 1990 г. в понятийный аппарат философии введено определение термина «мироздание», под которым он понимает окружающую человека реальность, моделируемую посредством научного, художественного и религиозного методов. Универсум мироздания, по Солдатову, также включает познающего эту реальность субъекта и его сознание как главные компоненты бытия. Характерно, что ранее слову «мироздание», толкуемому как бесконечно простирающаяся Вселенная, мыслители разных эпох — от Платона до наших современников — не подобрали определения. Так, в платоновских «Диалогах» Тимей пересказыва-

ет Сократу миф о мироздании. Таким образом автор подчеркивает, что это мнение, а не знание. Демокрит, развивая идею о множественности миров, называет Вселенную «великим миростроем». И. Кеплер в книге «Тайны мироздания» (1596) выстраивает его структуру на основе «геометрии Вселенной». В толковом «Словаре русского языка» С.И. Ожегова объяснение дается в описательной форме. В XX в. и в наши дни выдающиеся ученые используют представления о мироздании во всем комплексе концепций современной физики – единой теории поля (А. Эйнштейн и др.), теории физического вакуума (Г.И. Шипов), концепции Большого взрыва и др.

В более поздних работах А.В. Солдатов не однажды возвращается к фундаментальной теме мироздания [5–7], возводя все новые этажи над «зданием мира». Так, исследуя философские концепции русских религиозных мыслителей, он неявно углубляет собственное толкование понятия «мироздание» (мир этот обладает качественно иным – «самостоятельным, изнутри развивающимся, а не только извне упорядочиваемым бытием». – Н.О. Лосский)¹.

Основная часть

В постсоветский период, в условиях глубокого идейного кризиса общества, для России стал актуальным поиск путей формирования духовного обновления личности. А.В. Солдатов был одним из первых ученых, рассмотревших образовательную, идейную, нравственную ценность науки о религии, ее истории, религиоведения как дисциплины. Междисциплинарный подход в образовательной деятельности становится основополагающим принципом работы педагогического коллектива, возглавляемого Солдатовым (с 1990 г. А.В. Солдатов трудится в Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете, является профессором, заведующим кафедрой социологии и философии факультета естественно-научного и гуманитарного образования).

В трудах ученого, посвященных исследованию религиозной культуры, отмечалась ее духовная основа, а сама она анализировалась как феномен, способствующий гармоничному

развитию личности. В работах Солдатова доказано, что одна из основных задач религии – интегрирующая. Благодаря этому именно религиозная культура до настоящего времени служит механизмом создания пространства человеческого единения. Кроме того, как подчеркивает ученый, религиозная культура подвижна, это активно развивающаяся духовная рациональность, нацеленная на трансляцию межпоколенных традиций. Религия, сохраняя таинство своей ментальной специфики, способна впитывать новые знания и сочетаться с другими реальностями (технологической, коммуникационной, виртуальной и др.). Религия, объединяя людей, образует общее информационно-коммуникативное поле.

В более поздних трудах А.В. Солдатова анализ религиозных проблем дополнен описанием фоновых параметров, социальных и политических. В ряде публикаций начала 2000-х гг. ученый уделяет особое внимание разграничению функций науки и религии в освещении феномена миропонимания. «Проблема соотношения науки и религии может быть понята как установление границ науки по отношению как к философии, так и к богословию» [4, с. 145]. Ссылаясь на слова протоиерея Е. Капралова, А.В. Солдатов так объясняет различие между наукой и философией/богословием: наука всегда ставит вопрос «Что это такое?», философы и богословы спрашивают: «Почему это имеет место быть?»

Анализируя религиозную проблематику, Солдатов рассматривает религиозное знание в его взаимосвязи с другими типами знаний. Ученый определил таксономию познавательной деятельности, выделив наряду с религиозным знанием также обыденное, научное, паранаучное, эстетическое и философское. Основанием для этого стали функциональные особенности каждого из названных типов знаний. Солдатов показывает, что каждому этапу развития цивилизации сопутствует появление нового типа знаний.

Выделяя глубинные проблемы, А.В. Солдатов постоянно подчеркивает: необходимо приближать философию к человеку, его чувствованиям и придавать абстрактным вопросам человеческое измерение: субъект и его сознание – главные компоненты бытия [8]; человеку принадлежит особое место во Вселенной;

¹Религиоведение / науч. ред. А.В. Солдатов. СПб.: Лань, 2007. С. 115–116.

он центр мироздания, его средоточие; законы природы соотносимы с его потребностями и поступками; в человеке есть «всё типическое, присущее любому мыслящему созданию, а его разум способен постичь мир во всем его многообразии» [7, с. 34].

Для рассмотрения специфики функционирования религии в современном мире А.В. Солдатов анализирует процессы, происходящие в обществах знаний. Ученый затрагивает вопрос о необходимости диалога науки и религии [4, с. 146]. Он является убежденным сторонником идеи возможного сосуществования светских и церковных традиций, основанной на ценностном, смысловом, историческом и мифологическом единстве.

В мире макрокосма, когда пристальное внимание представителей как науки, так и религии обращено к концепциям эволюции мира и явлениям, происходящим во Вселенной (например, к теории Большого взрыва), у богословов современности появляется целый ряд собственных идей по поводу зарождения мира. Так, в ряде изданий отмечается, что автором теории расширяющейся Вселенной (разработанной им независимо от концепции космологической модели советского математика и геофизика А.А. Фридмана) является бельгийский католический священник Ж. Леметр. Несмотря на то что в научных кругах его точку зрения на происхождение мира, изложенную в статье «Однородная Вселенная постоянной массы и возрастающего радиуса, объясняющая радиальные скорости внегалактических туманностей» (1927), иронично назвали Большим взрывом, впоследствии это наименование прочно вошло в официальную космологию. Владыка Василий (Родзянко) в своей интерпретации пытается соотнести Большой взрыв и события, описанные в Библии [Там же. С. 145–146]. Здесь актуальным становится приведенное Солдатовым высказывание В.Н. Ильина (Париж, 1930): «Библия и наука нуждаются друг в друге, дополняют друг друга» [Там же. С. 145]. Это не единственный случай, когда совпала направленность интереса науки и религии к той или иной философской проблеме. Так, в XVIII в. епископ Парижский официально заявил о совместимости учения о множественности миров с христианским верованием [См.: 7, с. 34].

Глубокие философские исследования А.В. Солдатова освещают различные грани развития общества, в частности социальная актуальность религии представлена им с учетом антропологической и социологической парадигм, как постижение причинно-следственных закономерностей развития цивилизации. Ученый постулирует религиозную культуру и историю религии как часть общечеловеческой культуры и как фрагмент всемирной истории.

Дискуссия

Исследователи, анализирующие специфику современного технологического пространства, отмечают, что структура цифровой реальности складывается на основе деперсонифицированных субъектных взаимодействий и формирует безличностные отношения субъектов в телекоммуникационных системах. Однако человекообразный принцип социотехнического проектирования смещает приоритеты на компоненты человеческой деятельности [9, с. 15]. Цивилизационный подход А.В. Солдатова выделяет актуальность этической связи как гуманитарной основы человеческих взаимодействий в техногенном мире: «Русские религиозные философы хорошо видели основную слабость современной им космологии — отсутствие человеческого фактора» [4, с. 146].

К теме человекообразности бытия обращались многие философы. Так, Р. Декарт сформулировал концепцию, согласно которой человек — единственное условие возможности существования мира («Я мыслю, следовательно, я существую»). По Б. Паскалю, «мы познаем истину не только разумом, но и сердцем» [10, с. 304]. Н. Бердяев в своем труде «О назначении человека» называл тему личности основной, изначальной проблемой.

Идея о необходимости объединения технологических достижений и духовных элементов человека не однажды высказывалась учеными, исследователями, гуманистами различных эпох (в XX в. — В.И. Вернадским, М. Фуко, Ф. Фукуямой, Ю. Хабермасом и др.). В книгах «Археология знания», «Воля к знанию» М. Фуко постулирует гуманитарно-экологический подход к анализу современной эпохи, утверждая, что игнорирование человекообразного аспекта развития науки и техники чревато серьезными издержками. Современность подтвердила

достоверность его идеи о том, что с помощью индустрии сверхтехнологий человек способен трансформировать и живую природу, и иммунную систему человека, интеллект, нейросистему. Данная концепция подчеркивает важность гуманитарно-экологического принципа при проектировании взаимодействий субъектов в сетевых информационных средах и призывает адекватно оценивать новые технологические возможности человека и человечества.

А. Печчеи, говоря о гуманистической парадигме общественного развития, отмечал, что главной отличительной чертой рождающейся, переживающей начальный период фазы становления постиндустриальной цивилизации является возрождение гуманизма [11, с. 10]. Современные исследователи В.Г. Иванов и М.Л. Лезгина подчеркивают, что человек выступает «олицетворением единства микро- и макрокосма» [12, с. 123], а В.И. Стрельченко отмечает, что все вопросы философии могут быть правильно истолкованы только в контексте анализа антропологической тематики [13].

В измерениях техногенного пространства цивилизация знаний отличается от цивилизации роботов. Векторы современного развития обозначены такими направлениями, как улучшение человеческой природы на основе использования NBIC-конвергентных технологий (а в футурологической перспективе — создание постчеловека, бессмертного сверхразумного физического существа, по функциям приближающегося к машине) и создание искусственного интеллекта (а в отдаленном будущем — формирование сложных саморазвивающихся систем, населенных технологическими существами, по функциям приближающимися к человеку). Доктрина техногенной цивилизации позволяет оценивать перспективы науки в следующие десятилетия в плане создания адекватной дивергентной технологии, позволяющей корректировать конвергентную направленность глобальных энергоинформационных процессов, — создания человека с функциями машины и создания машины с функциями человека.

Заключение

Формирование современного технологического уклада связано с развитием информационно-коммуникативных технологий. Информационные среды являются составной частью интеллектуальных сред, характеризующих условия функционирования всего потенциала накопленных человеком знаний и, в свою очередь, входящих в более мощную структуру техногенных сред, при исследовании которых объектом анализа являются человеческая цивилизация и воздействие, оказываемое на людей продуктами деятельности постиндустриального мира. Понятие *информационные среды* включает полный набор факторов, обеспечивающих появление и функционирование новых знаний, а также механизмы их воздействия на индивидов.

Цивилизация в настоящее время трактуется как *общества знания*, объединяющие компоненты техносферы, иносферы и политические, этические, культурные, духовные параметры развития. Контроль над информационными потоками крайне важен в условиях адекватного функционирования техносферы и устойчивого развития общества в постинформационной стадии. В конструировании социотехнических взаимодействий базовое значение признается за человеком и его менталитетом, указывающим ценностные границы восприятия, понимания и действия, присущие той или иной общности.

Гуманитарный подход опирается на антропологическую установку проектирования взаимодействий в сетевых информационных средах, выдвигая в качестве приоритета ориентацию на жизненный мир человека. Этическая линия взаимосвязи науки и религии в формировании жизненного мира человека занимает важное место. Эта установка призвана противодействовать технологии информационного манипулирования, опирающейся на механизмы подражания и некритического восприятия в адаптации индивидов к информационно-коммуникативной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Soldatov A.V.** The problem of alternative modeling of the structure of the world in science and culture [Проблема альтернативного моделирования структуры мира в науке и культуре] // Materials of the Intern. conf. on the philosophy of science. Beijing, 1992.
2. **Soldatov A.V.** The Problem of the Original World and the Structure of the Universe [Проблема первоначал мира и структура Вселенной] // Proceedings of the IV European Congr. on science and theology. Rome, 1992.
3. **Рабош В.А., Солдатов А.В.** Структура мироздания в художественной и научной картинах мира // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2014. № 171. С. 30–41.
4. **Солдатов А.В.** Наука и религия в русской религиозной философии // Вестн. рус. христиан. гуманитар. акад. 2007. Т. 8, № 2. С. 142–146.
5. **Введение** в философию / под ред. А.В. Солдатов. СПб.: Лань, 2007. 575 с.
6. **Медведев В.И., Солдатов А.В., Шевченко М.М.** Естественно-научная и гуманитарная среда как фундаментальная основа формирования специалиста (на примере СПбГМТУ) // Морской вестник. 2015. № 4 (56). С. 120–121.
7. **Солдатов А.В.** Развитие идеи множественности миров в европейской философии и богословии XVII–XIX веков // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2012. № 146. С. 33–41.
8. **Солдатов А.В.** Проблемы мировоззрения в науке и культуре: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 28 с.
9. **Шипунова О.Д., Коломейцев И.В.** Социотехническая система и социокультурная среда в современном обществе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 1 (105). С. 15–21.
10. **Паскаль Б.** Мысли // Антол. мировой филос. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970. 776 с.
11. **Печчеи А.** Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
12. **Лезгина М.Л., Иванов В.Г.** Эпистемологический анализ развертывания математической идеи в Новое время // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 122–131. DOI: 10.5862/JHSS.255.14.
13. **Стрельченко В.И.** От антропологии «Картины...» А.И. Галича к философии человека // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5, № 10. С. 11–18.

ДЕНИСКОВ Антон Владимирович — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; deniskov_anton@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

- [1] A.V. Soldatov, The problem of alternative modeling of the structure of the world in science and culture, materials of the Intern. conf. on the philosophy of science, Beijing, 1992.
- [2] A.V. Soldatov, The problem of the original world and the structure of the Universe, proc. of the IV European Congr. on science and theology, Rome, 1992.
- [3] V.A. Rabosh, A.V. Soldatov, [The Structure of the Universe in the Artistic and Scientific Pictures of the World], Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science, 171 (2014) 30–41.
- [4] A.V. Soldatov, [Science and religion in Russian religious philosophy], Bulletin of the Russian Christian humanitarian Academy, 8 (2) (2007) 142–146.
- [5] Vvedenie v filosofiyu [Introduction to Philosophy], ed. by A.V. Soldatov, Lan', St. Petersburg, 2007.
- [6] V.I. Medvedev, A.V. Soldatov, M.M. Shevchenko, [Science and the Humanities environment as a fundamental basis for the formation of a specialist (for example, SpbGMTU)], Morskoy vestnik, 4 (56) (2015) 120–121.
- [7] A.V. Soldatov, [The Development of the Idea of Plurality of Worlds in European Philosophy and Theology of the XVII–XIX centuries], Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science, 146 (2012) 33–41.
- [8] A.V. Soldatov, Problemy mirovozzreniya v nauke i kul'ture [The problems of philosophy in science and culture. Abstr. doct. diss.], Leningrad State Univ., Leningrad, 1990.
- [9] O.D. Shipunova, I.V. Kolomeyev, [Socio-technical system and socio-cultural environment in contemporary society], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 1 (105) (2010) 15–21.
- [10] B. Pascal, Mysli [Thoughts], [Anthology of World Philosophy], in 4 vol. of vol. 2, Mysl', Moscow, 1970.
- [11] A. Pechchei, Chelovecheskie kachestva [Human qualities], Progress, Moscow, 1985.

[12] M.L. Lezgina, V.G. Ivanov, [An Epistemological Analysis of the Deployment of Mathematical Idea in the New Age], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 4 (255) (2016) 122–131. DOI: 10.5862/JHSS.255.14.

[13] V.I. Strel'chenko, [From anthropology "Pictures..." of A.I. Galicia to the philosophy of human], Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science, 5 (10) (2005) 11–18.

DENISKOV Anton V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; deniskov_anton@mail.ru

Received 07.04.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8207

УДК 159.954.5:101.2

КОНЦЕПЦИЯ СПОНТАННОГО ВОООБРАЖЕНИЯ В ОНТОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

А.А. Шадов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность исследования обусловлена влиянием М. Хайдеггера на русскую философию и важностью его позиции в дискурсе воображения. Статья посвящена выявлению общих черт философии воображения Хайдеггера и других мыслителей. Автор стремится наиболее точно раскрыть эту философию через сравнение. Основными подходами к исследованию данной проблемы являются обзор, анализ и сравнение, позволяющие комплексно рассмотреть философию воображения Хайдеггера. Проанализирована позиция философа в отношении онтологической трактовки воображения, изложенная в его многочисленных работах. Особое внимание уделено работе «Кант и проблема метафизики», содержащей ядро учения о воображении. Проведены обзор и анализ других произведений Хайдеггера, включая «Черные тетради», в которых получила развитие идея спонтанности воображения. Рассмотрена возможность соответствия учения о воображении М. Хайдеггера и концепций других известных философов, в том числе Г. Башляра, А.Ф. Лосева и М.Н. Эпштейна.

Ключевые слова: онтология; воображение; спонтанность; М. Хайдеггер; фантазия; Г. Башляр; стихии; А.Ф. Лосев; возможность

Ссылка при цитировании: Шадов А.А. Концепция спонтанного воображения в онтологии М. Хайдеггера // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 68–74. DOI: 10.18721/JHSS.8207

THE CONCEPT OF SPONTANEOUS IMAGINATION IN M. HEIDEGGER'S ONTOLOGY

A.A. Shadov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

This article aims to identify the common features in the philosophy of M. Heidegger and other thinkers of the imagination and to give the most accurate description of this philosophy, obtained through comparison. The main approaches to the study of this problem are to review, analyze and compare, allowing to comprehensively consider Heidegger's philosophy of imagination. The article deals with M. Heidegger's position on imagination, which he presents in his numerous texts. Particular attention is paid to Heidegger's work "Kant and the Problem of Metaphysics", which sets out the core of Heidegger's doctrine of the imagination. The article also presents an analysis of other works by Heidegger, including "Black Notebook" concerning imagination and spontaneity, which complement the teaching of the imagination as set out in the text "Kant and the metaphysics of the problem." In addition, the article discusses the possibility of correlating Heidegger's doctrine of the imagination with those of other well-known philosophers, including G. Bachelard, A.F. Losev and M.N. Epstein.

Keywords: ontology; imagination; spontaneity; Heidegger; fantasy; Bachelard; elements; Losev; possibility

Citation: A.A. Shadov, The concept of spontaneous imagination in M. Heidegger's ontology, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 68–74. DOI: 10.18721/JHSS.8207

Вклад М. Хайдеггера в рассмотрение проблемы воображения с онтологической точки зрения очень существен. Представляется актуальным анализ его позиции по данному вопросу в соотношении с подходами других мыслителей. И. Кант в первом издании «Критики чистого разума» изложил концепцию, включающую в себя определение роли и места воображения в структуре познающего субъекта. Именно на это обратил внимание Хайдеггер, сделав кантовскую гносеологическую концепцию воображения источником собственной онтологической трактовки. В третьем разделе своей работы «Кант и проблема метафизики» он затрагивает проблему обоснования метафизики в ее изначальности, для решения которой ему по необходимости пришлось по-новому истолковать кантовские идеи, в результате чего возникла оригинальная интерпретация воображения в контексте его собственной философии. Стоит отметить, что Хайдеггер своими комментариями сильно трансформирует и дополняет учение Канта. Кроме того, во втором издании «Критики чистого разума» Кант убрал практически все упоминания о воображении, всё его учение о чистом разуме осталось в некоторой степени недосказанным, и Хайдеггеру пришлось многое домысливать самому. Поэтому учение о воображении, изложенное в хайдеггеровской работе «Кант и проблема метафизики», во многом принадлежит самому автору, хотя, безусловно, здесь оно основывается на первом издании «Критики чистого разума» Канта.

В третьем разделе работы «Кант и проблема метафизики», названном «Обоснование метафизики в ее изначальности», М. Хайдеггер указывает на то, что способность воображения, понимаемая как способность созерцать без присутствия предмета, является средоточием онтологического познания, а также корнем двух других способностей: чувственности и рассудка. Из этого следует, что способность воображения не нуждается в эмпирическом созер-

цании, что подчеркивает ее спонтанность, т. е. самопроизвольность и независимость от иных причин, кроме самой себя.

Этот аспект является ключевым в определении воображения у Хайдеггера. Для него, как и для Канта, воображение — это способность созерцать без присутствия предмета. В противовес этому Г. Башляр полагал, что воображение — это способность творить образы, выходящие за пределы реальности, но воспевающие реальность [1, с. 37]. Хайдеггер делает упор на созерцание без присутствия, Башляр — на соотношение воображения и реальности. Для последнего воображение без реальности невозможно, так как для того, чтобы превзойти реальность, воображению нужно ее «воспеть», т. е. так или иначе ее выразить. Хайдеггер подчеркивает, что воображение не нуждается в эмпирическом созерцании, в противоположность этому Башляр указывает на связь реальности и воображения. Вместе с тем оба мыслителя независимо друг от друга осуществляют попытки онтологической трактовки воображения. Общим для них является следующий момент. Хайдеггер ставит акцент на спонтанности воображения, подобным образом понимает проблему и Башляр, полагающий, что реальность создана для того, чтобы фиксировать человеческие грезы [2, с. 186]. Таким образом, понятие спонтанности является тем концептом, который позволяет перейти от гносеологической к онтологической трактовке феномена воображения. Выдвижение подобной возможности создало повод для философских дискуссий. В частности, онтологический подход к воображению подвергается критике в традиции аналитической философии.

С.В. Никоненко, как представитель аналитической философской традиции, в книге «Реальность, символы и анализ» указывает на то, что воображение нужно ограничивать реальностью, иначе оно становится произволом и мифотворчеством [3, с. 244]. Для него подлинное воображение — это такое воображение, ко-

торое берет за основу предмет, ранее воспринятый чувственно. С этой точки зрения реальным является то, что дано в опыте чувственного восприятия. Определение М. Хайдеггера включает такой аспект понимания, ведь немецкий философ указывает на то, что воображение не обязательно должно быть связано с реальностью, но это не исключает их возможной связи. Определение Хайдеггера намного шире, но стоит обратить внимание на то, что он все же настаивает на первенстве воображения перед реальностью, а потому можно сказать, что воображение не просто не зависит от эмпирического созерцания, даже наоборот, последнее полностью зависит от способности воображения, что Хайдеггер замечает в главе «Трансцендентальная способность воображения и чистое созерцание». Это очень похоже на позицию Э.В. Ильенкова: воображение выступает в роли чувственного восприятия и преобразует увиденное глазами в образ внешней вещи [4, с. 33–34]. Однако Хайдеггер не касается физиологии, которая, по сути, эмпирична. Он обходит физиологию, устанавливая примат воображения над всеми способностями чистого разума. Для воображения, согласно Ильенкову, необходим некий физиологический сигнал, возникающий при взгляде на предмет. Только посредством взгляда воображение получит каркас для додумывания и преобразования предмета. По Хайдеггеру, чистое воображение не нуждается в подобном каркасе, поскольку оно является необходимой способностью души, третьей основной способностью, служащей корнем двух других (чувственности и рассудка). Способность воображения выступает как исток чистого чувственного созерцания и теоретического разума.

Ю.М. Романенко в работе «Онтология мифа» акцентирует внимание на этом моменте. «Воображение является „стволом“ человеческого сознания, который раздваивается на две „ветви“ — чувственность и мышление. Чтобы человек стал именно человеком, для начала необходимо, чтобы в нем запустился механизм продуктивного воображения»¹. В данном случае речь идет именно о продуктивности воображения. В хайдеггеровских текстах говорится прежде всего об этом. Хайдеггер не отрицает

репродуктивного воображения, но когда речь заходит о чистом воображении, не зависящем от эмпирического опыта, он, конечно, подразумевает продуктивное *воображение*, и большая часть его размышления посвящена именно ему. Романенко пишет: «Воображать можно всё что угодно и как угодно. В этом смысле воображению не положено никаких пределов и, более того, воображение является бесконечным пространством реализации человеческой свободы»². Исходя из концепции спонтанности воображения, можно сказать, что данная оценка в целом передает замысел М. Хайдеггера. Не скованное эмпиризмом воображение не имеет четко обозначенных границ и, следовательно, уходит в бесконечность.

Продолжая рефлексию вокруг двойственного смысла воображения, с одной стороны, как захватывающего созерцание образа, а с другой — как творящего (спонтанного) источника, Ю.М. Романенко определяет воображение как процесс личностной идентификации в качестве периодического нахождения себя благодаря постоянному обращению внимания на мерцающую точку идентичности других³. Такая трактовка соотносится с понятием *Dasein* в хайдеггеровской философии. Это позволяет связать концепцию воображения, которую раскрывает Хайдеггер в своих работах, с одним из самых главных терминов его философии. Спонтанность воображения в хайдеггеровском смысле должна иметь точечный характер, обладать признаками заброшенности, единичности, присутствия и пр. Именно в таком смысле концепцию воображения, изложенную в работе «Кант и проблема метафизики», можно объединить с основным учением Хайдеггера об онтологии *Dasein*. Продолжением данного подхода может стать включение проблемы воображения в контекст событийной онтологии, т. е. рассмотрение акта воображения как события [5].

В.В. Бибихин в книге «Ранний Хайдеггер» пишет: «То, что одинаково, однородно как единицы любого числа, то не существует, т. е. существует только в рассудке, в воображении» [6, с. 86]. Он употребляет такое словосочетание, как «рассудочное воображение» [Там же. С. 488], что в определенных традициях может

¹ Романенко Ю.М. Онтология мифа. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 23.

² Там же.

³ Там же. С. 44.

восприниматься как оксюморон, но в свете вышеизложенной философии воображения Хайдеггера связь рассудка и воображения предельно ясна.

По М. Хайдеггеру, чувство пространства подчинено способности воображения. Первичным же для способности воображения является изначальное время. Он отмечал, что изначальное время делает возможной трансцендентальную способность воображения, которая в себе сущностным образом есть спонтанная рецептивность и рецептивная спонтанность. В книге «Ницше» Хайдеггер пишет: «В отличие от воображаемого характера пространства время действительно и к тому же, в отличие от ограниченного пространства, оно безгранично, бесконечно» [7, с. 300].

Кроме того, именно в этом труде Хайдеггер акцентирует внимание на измысливающей сущности разума [Там же. С. 505], идею которой возводит к Канту. Для Канта, утверждал он, разум — это творческая измысливающая создающая сила [Там же. С. 506]. Во втором томе, уже разбирая Р. Декарта, Хайдеггер затрагивает *cogitare*, включающее в себя познание, воление, воображение и ощущение [8, с. 136], что заставляет обратить внимание на связь познания, воображения и ощущения, но только здесь приоткрывается другой момент, который раскрывает связь воления и воображения. Спонтанное воображение может быть причиной воления, хотя сам Хайдеггер об этом не говорит, но его трактовка Декарта этому не противоречит. В конце третьего раздела работы «Кант и проблема метафизики» Хайдеггер повторяет слова И. Канта о том, что явления суть не вещи сами по себе, но лишь игра наших представлений, которые в конце концов сводятся к определениям внутреннего чувства.

Идею спонтанности воображения М. Хайдеггер повторяет в «Черных тетрадах», обсуждая искусство. Он пишет, что связанное искусство напоминает дворовую собаку на цепи, а настоящее искусство сравнивает с орлом, который отыскивает вершину и редко бывает при этом видимым [9, с. 505]. Если искусство связано, то оно не искусство. Но это же он пытается сказать и по отношению к воображению. Только свободное, спонтанное, чистое воображение может считаться воображением в полном смысле этого слова. Как искусство должно быть сво-

бодным, спонтанным и независимым, так же и воображение обладает этими признаками.

В «Цолликоновских семинарах» М. Хайдеггер вновь возвращается к теме воображения в связи с понятием актуализации. Он утверждает, что актуализация — это само-воображение. Мы ставим на место актуализированного феномена совсем другой феномен, который мы воображаем [10, с. 119]. Хайдеггер разбирает процессы актуализации вокзала и невозможность добраться до вокзала без его актуализации, т. е. без воображения. Если мы не вообразим себе вокзал, то потеряем цель, как следствие, до него не доберемся. Вокзал находится в мыслях, но добираемся до него мы в реальности.

Тема чистого воображения появляется также в работе М. Хайдеггера «Прологомены к истории понятия времени», где он рассуждает о представлении, оспаривая позицию Г. Риккерта. Хайдеггер вновь обращает внимание на то, что представление (позже — чистое воображение) имеет первичный познавательный характер [11, с. 39]. Он полагает, что в воображении дано само сущее, хоть и не в живом присутствии [Там же. С. 46]. В дальнейшем на примере открытки с изображением моста он переходит к обсуждению восприятия образа, в котором также принимает участие воображение. Мост становится предметом представления через это самое изображение [Там же].

В работе «Время картины мира» М. Хайдеггер утверждает: «В непотаенности развертывается *φαντασία*, т. е. явление присутствующего как такового перед человеком, который присутствует для являющегося. Человек как представляющий субъект, наоборот, фантазирует, т. е. идет путем *imaginatio*, „воображения“, поскольку его представление встраивает образ опредмеченного сущего в мир как картину» [12, с. 58].

Наконец, в работе «Разъяснения к поэзии Гельдерлина» Хайдеггер вновь возвращается к теме спонтанного воображения. Он пишет: «Стихотворство является нам в скромном обличье игры. Ничем не связанная, она выдумывает свой мир образов и остается выдумкой много воображающих» [13, с. 69]. Игра, таким образом, — это место проявления спонтанности и свободы воображения.

Приведенная подборка фрагментов из хайдеггеровских работ, где он дает онтологические оценки спонтанному воображению, позволяет

провести параллели с другими аналогичными подходами. Ю.М. Романенко в книге «Онтология мифа» цитирует М. Хайдеггера: «Цель философского мышления и воображения — беречь тайну Бытия и стоять на страже неприкосновенности Возможного»⁴. Здесь следует обратить внимание на философию возможности М.Н. Эпштейна, которая, безусловно, связана со свободой и, как следствие, с воображением. Сам Эпштейн в своей ключевой работе «Философия возможного» практически не уделяет внимания воображению, но, учитывая многочисленные отсылки к нему, можно сказать, что воображение и возможное тесно связаны, а воображение является органом для восприятия возможности [См.: 14, с. 152]. Возможное и воображение взаимосвязаны. Возможность является переходом от случайности к необходимости и наоборот, как и воображение является посредствующим звеном между чувствами и мыслью. В этом заключается онтологическая и одновременно гносеологическая характеристика способности воображения [15].

В данном контексте следует вспомнить и работу А.Ф. Лосева «Диалектика мифа», в которой внимание акцентируется на то, что миф является существенной категорией познания. Например, Лосев считает мифами учения о всемогуществе знания и примате материи [16, с. 144]. Миф, без сомнения, связан с воображением. Лосев утверждает, что миф — это историзация или просто история того или иного личного бытия [Там же. С. 129]. Нечто подобное Хайдеггер выражает в «Цолликоновских семинарах» и «Пролегоменах к истории понятия времени», где на место мифа становится воображение. Лосев говорит о личностном бытии как мифе и утверждает, что оно присутствует в каждой вещи [Там же. С. 115]. Об этом же пишет Хайдеггер, утверждая, что воображение лежит в основнии ощущения. А.Ф. Лосев считает, что одна и та же вещь, одна и та же личность может быть представлена и изображена бесконечно разнообразными формами [Там же. С. 114], что созвучно с выводами Ю.М. Романенко о безграничности воображения. Как можно увидеть, учение о мифе А.Ф. Лосева соотносится с позицией М. Хайдеггера по вопросам воображения.

Для экспликации данного соотношения необходимо выявление связей между мифом, воображением, поэзией в общем онтологическом контексте [17].

Представляется важным проведение сравнительного анализа подходов М. Хайдеггера и Г. Башляра в аспекте соотношения спонтанности и стихийности как онтологических характеристик воображения. Если Хайдеггер выделяет в своей трактовке воображения спонтанность вместе с рецептивностью, то Г. Башляр обращает внимание на стихийную природу воображения. Стихийность, по мнению Башляра, является одним из ключевых атрибутов воображения. Кроме того, он считает, что «человек в такой же степени мыслящее существо, как и грезящее» [18, с. 7]. Хайдеггер утверждает примат воображения над рассудком и чувственностью, т. е., если выражаться языком Башляра, человек в большей степени грезящее существо, чем мыслящее и чувствующее. Работы Башляра пронизаны фантастическими образами, которые позволяют нам заключить, что он философствовал воображением, в то время как Хайдеггер продолжал философствовать языком (что не удивительно, ведь для него «язык — дом бытия»). Оба философа давали разные определения воображения, принимая за основу разные категории. Принципиальной задачей построения онтологической концепции воображения в целом является прояснение связи между понятиями спонтанности и стихийности. Для этого необходимо выявить связь соответствующих оригинальных подходов к воображению, разработанных М. Хайдеггером и Г. Башляром.

В их философии воображения есть схожие моменты. Во-первых, Хайдеггер и Башляр считают воображение первичным по отношению к реальности. Во-вторых, они оба ратуют за то, что нужно следовать за образами, которые рождаются в нас самих [См.: 1, с. 40], что Башляр выразил прямым текстом, а Хайдеггер проповедовал на деле, описывая опыты воображения в своих работах, в частности в «Цолликоновских семинарах» и «Пролегоменах к истории понятия времени». В-третьих, оба философа обращают свой взгляд на искусство, и прежде всего на поэзию, считая ее ключом к воображению. В многочисленных пассажах в «Черных тетрадах» Хайдеггер даже подчеркивает, что нельзя ставить науку и искусство на одну ступень, по-

⁴ См.: Романенко Ю.М. Онтология мифа. С. 56.

тому что искусство намного выше науки. Как видно, попытка совместить эти две позиции не будет безосновательной.

Вывод. Философия воображения М. Хайдеггера, апеллирующая к спонтанности и ставящая воображение в основу сознания, может быть совмещена со многими другими философскими концепциями воображения. С некоторыми она совпадает в целевом отношении, например с онтологической концепцией мифа в философии А.Ф. Лосева. Остается только перевести обе философские системы на один фи-

лософский язык, и они гармонично дополняют друг друга. М. Хайдеггер положительно отзывался в адрес философии возможного в отношении к воображению, а потому его учение можно дополнить современным учением о возможном М.Н. Эпштейна. Наиболее же интересной является возможность методологического сочтения в онтологической перспективе концепций М. Хайдеггера и Г. Башляра. Оба философа внесли огромный вклад в данную область, их концепции во многом отличаются, но есть и важные точки пересечения, на которые стоит обратить внимание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башляр Г. Вода и грезы. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1998.
2. Башляр Г. Земля и грезы воли. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2000.
3. Никоненко С.В. Реальность, символы и анализ. СПб.: Изд-во РХГА, 2012.
4. Ильенков Э.В. О воображении. М.: Нар. образование, 1986.
5. Романенко Ю.М. Захваченность событием // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 2, № 2. С. 7–16.
6. Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: материалы к семинару. М.: Ин-т филос., теологии и истории Св. Фомы, 2009.
7. Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. Т. 1. М.: Владимир Даль, 2006.
8. Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. Т. 2. М.: Владимир Даль, 2007.
9. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради, 1931–1938). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.
10. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: Изд-во ЕГУ, 2012.
11. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998.
12. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
13. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб.: Академ. проект, 2003.
14. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
15. Романенко Ю.М. Онтологический подход к воображению, или Воображаемый подход к онтологии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2003. № 4. С. 19–24.
16. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
17. Романенко Ю.М. Философия в отсвете мифа: метафизика как поэтика мысле-образов // Метафиз. исслед., 2000. № 15. С. 69–77.
18. Башляр Г. Грезы о воздухе. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1999.

ШАДОВ Александр Александрович — Санкт-Петербургский государственный университет; alexshadow91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.02.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

- [1] G. Bashlyar, Voda i grezy [Water and dreams], Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, Moscow, 1998.
- [2] G. Bashlyar, Zemlya i grezy voli [Earth and reveries of will], Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, Moscow, 2000.
- [3] S.V. Nikonenko, Realnost', simvol'y i analiz [Reality, symbols, and analysis], RkhGA Publ., St. Petersburg, 2012.
- [4] E.V. Ilyenkov, O voobrazhenii [About imagination], Narodnoye obrazovaniye, Moscow, 1986.

[5] Yu.M. Romanenko, [Saveconnect event], Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo univ. imeni A.S. Pushkina, 2 (2) (2013) 7–16.

[6] V.V. Bibikhin, Ranniy Khaydegger [The early Heidegger], materialy k seminaru [Workshop materials], Institut filosofii, teologii i istorii Svyatogo Fomy Publ., Moscow, 2009.

[7] M. Khaydegger, Nitsshe, in 2 vol. of vol. 1, Vladimir Dal' Publ., Moscow, 2006.

[8] M. Khaydegger, Nitsshe, in 2 vol. of vol. 2, Vladimir Dal' Publ., Moscow, 2007.

[9] M. Khaydegger, Razmyshleniya II–VI (Cher-nyye tetradi, 1931–1938) [Reflections II–VI (Black notebook, 1931–1938)], Institut Gaydara Publ., Moscow, 2016.

[10] M. Khaydegger, Tsollikonovskiye seminar [Callianassa seminars], YeGU Publ., Vilnyus, 2012.

[11] M. Khaydegger, Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni [Prolegomena history of the concept of time], Vodoley, Tomsk, 1998.

[12] M. Khaydegger, Vremya i bytiye [Time and being], Respublika, Moscow, 1993.

[13] M. Khaydegger, Razyasneniya k poezii Gelderlina [Clarifications of the poetry of Hölderlin], Akademicheskii proyekt, St. Petersburg, 2003.

[14] M.N. Epshteyn, Filosofiya vozmozhnogo [Philosophy possible], Aleteyya, St. Petersburg, 2001.

[15] Yu.M. Romanenko, [An ontological approach to the imagination or visionary approach to ontology], Vestnik Sankt-Peterburgskogo univ. Ser. 6, 4 (2003) 19–24.

[16] A.F. Losev, Dialektika mifa [Dialectics of myth], Mysl', Moscow, 2001.

[17] Yu.M. Romanenko, [Philosophy in the glare of myth as metaphysics, the poetics of images], Metafizicheskiye issledovaniya, 15 (2000) 69–77.

[18] G. Bashlyar, Grezy o vozdukhe [Dreams of air], Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, Moscow, 1999.

SHADOW Aleksandr A. — St. Petersburg State University; alexshadow91@mail.ru

Received 19.02.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

ФИЛОСОФИЯ ДОСТОИНСТВА И ЕЕ ПРЕДМЕТ

В.В. Кузнецов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена проблематике человеческого достоинства. Для автора актуальна задача аналитики этического аспекта философии, преимуществом которой является целостное видение проблем. Цель статьи — выделение предмета философии достоинства и выявление границ ее проблемного поля. В качестве методов исследования выступают метод системного анализа, принцип единства исторического и логического, метод культурно-исторического сравнения. Автор рассматривает философию как единство правильного мышления и достойного бытия. Исследуемая проблема заключается в том, что данное единство постоянно оказывается утраченным в ходе исторического развития европейского дискурса. Показана причина — изначальная особенность развития европейского философского дискурса как теории, развитие которой предполагает возможный риск выпадения из полноты жизненного праксиса. Результатом исследования является введение концепта философии достоинства. Данный концепт способен быть «точкой сборки» как на личностном, так и на социальном уровне. Поэтому достоинство может соединить наше разорванное сознание и существование. Выявлена основная антиномия философии достоинства, которая заключается в противостоянии двух позиций: 1. Человеческого достоинства нет. 2. Человеческое достоинство есть. Обе позиции равным образом аргументированы. Решающим аргументом в пользу существования феномена достоинства является само существование человечества и России, невозможное без необходимого и достаточного количества достойных людей. Результатом исследования является также выделение различия между этикой как философской наукой и этическим аспектом философии. Этика рассматривает человеческое поведение в аспекте свободного выбора. Но и сама философия выступает в роли этической практики. Философия, как жизненная практика, подобно религии, есть род достойного бытия. Таким образом, философия достоинства возможна на стыке этики как философской науки и философии в целом как способа достойного существования.

Ключевые слова: достоинство; философия достоинства; проблемное поле; этика; теория; праксис; дискурс; антиномия

Ссылка при цитировании: Кузнецов В.В. Философия достоинства и ее предмет // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 75–82. DOI: 10.18721/JHSS.8208

PHILOSOPHY OF DIGNITY AND ITS SUBJECT

V.V. Kuznetsov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

This article focuses on the issue of human dignity. The author places importance on the task of analyzing the ethical aspect of philosophy, with the advantage of a holistic approach

to the problems. The aim of this work is the identification of a subject of philosophy of dignity and the identification of the boundaries of its problem field. The research methods are the method of system analysis, the principle of historical and logical unity, the method of cultural-historical comparison. The author regards philosophy as a unity of correct thinking and worthy existence. The problem studied in this paper is that such unity is constantly being lost during the historical development of the European discourse. The article shows the reason for this, which is the original feature of the development of European philosophical discourse as theory, which implies the potential risk of dropping out of the fullness of life praxis. The result of this study is the introduction of the concept of the philosophy of dignity. This concept can act as the “assemblage point” on both a personal and a social level. Therefore, dignity can connect our broken consciousness and existence. The main antinomy of the philosophy of dignity has been found, which is the confrontation between two positions: 1. Human dignity does not exist. 2. Human dignity does exist. Both positions are equally justified. The decisive argument in favor of the existence of the phenomenon of dignity is the existence of mankind and Russia, impossible without the necessary and sufficient number of decent people. One of the results of the study is distinguishing the differences between ethics as a philosophical science and the ethical aspect of philosophy. Ethics is about human behavior from the standpoint of free choice. But the philosophy is the role of ethical practice. Philosophy as a life practice, like religion, is a kind of worthy existence. Thus, we can conclude that the philosophy of dignity is possible at the intersection of ethics as a philosophical science and philosophy in general as a means to a worthy existence.

Keywords: dignity; philosophy of dignity; problem-solving; ethics; theory; praxis; discourse; antinomy

Citation: V.V. Kuznetsov, Philosophy of dignity and its subject, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 75–82. DOI: 10.18721/JHSS.8208

Философия с самого начала своего существования задается вопросом о «самом общем и наивысшем смысле сущего, о высшем, последнем и верховном...» [1, с. 155]. Выдающиеся философы XX в. М. Хайдеггер и Ж. Делез вновь возвращаются к вопросам: что значит мыслить разумно и соответственно что есть философия как таковая? [2]. Предметом нашего исследования является сама философия, понимаемая как противоречивое единство искусства мышления и способа достойного существования. Ф. Ницше высказался следующим образом: «Из всего написанного я люблю только то, что пишется собственной кровью» («Так говорил Заратустра»). Философия, с одной стороны, учит интеллектуальной технике, технике мышления. Но этому учит не одна только философия. Это дело науки как таковой. С другой стороны, философия выявляет цели, ценности, значения и смысл человеческой деятельности, тем самым определяя своего рода программу жизненного

пути. Но не только философия делает это. Таково предназначение религии. Но только философия осуществляет единство техники мысли и жизненной стратегии, определяющей достойное поведение. Именно таков изначальный смысл и античный образ философии [3]. Она занимает особое место между наукой (как дискурс) и религией (как род достойного бытия). Но проблема заключается в том, что современная философия понимает себя прежде всего как дискурс, т. е. определенный порядок слов, точнее, априорный порядок высказываний, например как философия языка. Философия же, как способ жизни, как поступок, неотделимый от мысли, что составляет ее метафизическую сущность, в наше время оказалась в значительной степени вынесена за скобки. Почему так произошло?

Этимологически философия означает «любовь к мудрости». Данное определение сразу указывает на принципиальную разницу «люб-

ви к мудрости» и собственно «мудрости». Мудрость есть своего рода жизненное кредо, она указывает путь, и в этом смысле она абсолютна. Мы говорим о мудрости Востока и о философии Запада. Такие словосочетания подсказывает нам сам русский язык. Любовь же, по определению В.С. Соловьёва, есть «открытие в себе и в других высоты неба». Философия — это «сверхличная любовь, бескорыстная, как в искусстве, это — эрос духа» [4, с. 13]. Значит, развитие философии изначально происходит иначе, чем становление и последующее развитие традиции мудрости. Она начинается с удивления и сомнения и сторонится завершённых истин и определений. Исторически философия развивается прежде всего как теория (спекуляция), т. е. умозрение, что связано со становлением и развитием европейской цивилизации. Это развитие было обусловлено такими уникальными событиями, как «чудо Эллады», генезис капитализма и научно-техническая революция [5, с. 14].

Что есть теория как таковая? Это умозрение, т. е. совершенно особый вид духовного зрения. Оно требует нравственных усилий, высокой концентрации, поэтому существует первичное единство умозрения и поступка. По Хайдеггеру, тот, кто не мыслит о самых высоких онтологических реалиях, вообще не является человеком. То есть не является человеком не мыслящий о разделении сущего и бытия, которое составляет основное содержание фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. Соответственно в онтоисторическом содержании было только то, что было с внутренним достоинством бытия обращено к фундаментально-онтологической проблематике. То, что не было обращено к данной проблематике, — того и не было. Думать есть суть бытийствовать. Сама мысль есть поступок. Это значит — существовать в онтологическом порядке бытия. В хайдеггеровском смысле специфика достоинства философа находится в сфере фундаментально-онтологического. Мыслящий о предельных основаниях бытия обладает божественным достоинством. Таковы философы и поэты. Это поистине «царское дело». Досократическое царство подлинной мысли, в котором философ, как сущее, находится среди других форм сущего, есть дело наиболее достойных людей. Досократики утверждали, по Хайдеггеру, свое высокое достоинство, будучи

сущим внутри сущего. Более того, лишь мыслители и поэты существуют в подлинном смысле этого слова. Всем остальным надлежит быть в услужении у них.

Но, с другой стороны, само слово *theoros* изначально обозначало фигуру наблюдателя, зрителя на Олимпийских играх. Но не участника, не героя этого грандиозного действия. Теория как умозрение при всем своем глубинном проникновении в суть вещей имеет уклон в сторону «выпадения из целостности жизненного праксиса» [6]. Парадоксально, но родоначальником западного философского дискурса стал именно Сократ, явивший в своей судьбе и гибели, подобно Иисусу Христу, образ абсолютного духовного достоинства. Он самой своей жизнью осуществил подлинный метафизический акт, т. е. преодоление себя и предъявление своего пути как онтологическое доказательство истинности своей мысли.

От природы Сократ, по его собственному признанию, был человеком с дурными наклонностями. Это проявлялось, например, в том, что в нем чрезвычайно сильна была природная, чувственная сторона его незаурядной натуры. Существовала опасность, что чувственность могла полностью определить жизнь Сократа. Поэтому на всем протяжении его жизненного пути он должен был себя обуздывать. Сократ сумел решить эту трудную задачу, продемонстрировав подлинное величие своего духа.

Сократ включил в свое учение основной принцип софистов: «Всё, что мы знаем, знаем именно мы». Именно так можно интерпретировать знаменитую формулу Протагора: «Человек есть мера всех вещей». Таким образом, Сократ впервые выразил собственно философскую позицию, что «боги и вообще вся жизнь есть суть нечто вторичное по отношению к человеческой мысли и свободе». Но именно это в дальнейшем привело к расщеплению космического единства. Поэтому именно Сократ является подлинным основоположником западной философской традиции.

Сократ впервые сформулировал принцип блага (добра), тем самым фактически создав мораль. До Сократа греки не были моральны в строгом смысле данного понятия. Они были стихийно, но не сознательно нравственны. Моральный же человек совершает поступок на основании того, что сам для себя определя-

ет как достойное и делает это знание началом своей практической деятельности. В некотором смысле это аналогично взрослению личности, когда человек должен сам знать, что достойно, а что не достойно, знать автономно, а не гетерономно, т. е. должен сам определять свою жизненную цель, а не брать уже сложившееся знание из традиции. Моральной в полном смысле этого слова является деятельность, руководимая собственным знанием добра и зла, достойного и недостойного. В этом смысле вор, который ворует потому, что знает, что воровать достойно, морален, хотя и безнравственен. Таким образом, Сократ выявил принцип морали: человек должен сам определять цель своей деятельности. Человек черпает определение истинного добра и достоинства из самого себя, а не из какого-то другого источника. Сократ полагал, что только сам человек может определить для себя этот принцип. Человек должен сам себя определить. Человек свободен от всего — в этом Сократ был согласен с софистами, но от самого себя он не свободен. Истина — в самом себе. Отсюда принцип Сократа: «Познай самого себя, и ты познаешь всё». Это великий и абсолютный принцип, но принцип субъективной свободы. Это означает: познавать следует не афинских богов, афинские традиции и законы, а своих богов. У Сократа был внутренний голос, голос совести — новый бог, которого не знали афиняне. Поэтому консервативные афиняне были в известном смысле правы, осудив Сократа на смерть за то, что он не уважает традиции, законы и создает новых богов. Но прав был и Сократ, совершивший подлинную духовную революцию становления собственно философского мировоззрения, которое является «жезлом и посохом», т. е. стратегией достойной разумной жизни. В этом смысле он отрицает традицию и является выразителем духа современного мира (модерна) во всё еще традиционном афинском обществе. Данная позиция в ее массовом проявлении оказалась деструктивной и смертельно опасной для самого бытия греческого народа. Но, подвергнув идеалы, смыслы и ценности критической рефлексии, Сократ ценой своей жизни отказался от побега из тюрьмы, продемонстрировав тем самым безусловную верность традиции и законам, в подрыве которых он был обвинен. Он вновь вернулся к традиции, но уже на новых, разумных основаниях. Это и есть ав-

тономия воли, позднее описанная И. Кантом, духа, в формулировке И.А. Ильина, личности и индивидуальности в культуре. Это и есть становление философии достоинства, дальнейшее развитие которой шло по пути создания противоречивого единства Афин и Иерусалима в форме, например, патристического синтеза или, иными словами, «верующего разума». Автономия духа впервые представлена, наряду с греческой философией в мировых религиях, становление которых происходит в «осевое время», выделенное К. Ясперсом. Она получила выражение в так называемом «золотом правиле нравственности», в котором проявляет себя субъект мысли и нравственного действия.

Цель этики как философской науки в аристотелевском смысле — достойное поведение, а не теория. Но и сама философия выступает в роли жизненной стратегии, определяющей этическую практику. По суждению В.С. Соловьёва, именно «нравственное стояние» является целью познания [7]. Так, смерть Сократа стала «онтологическим доказательством» его философии. Поэтому этика — это «телеологическая основа философского знания» [8, с. 58]. По мысли А.А. Гусейнова, «философский статус этики можно понять только в контексте этического статуса философии» [3, с. 18]. В этом смысле сама философия есть проявление достоинства. Таким образом, предмет философии достоинства находится на стыке этики как философской науки и философии в целом как способа достойного существования.

Проблемное поле философии достоинства образуют как феномен достоинства человека, так и категория, его обозначающая. Что есть достоинство? Идею достоинства в платоновском смысле можно познать независимо от людей достойных. Именно в этом, по Платону, заключается главная проблема. Как идея человека, достоинство есть совокупность существенных человеческих свойств, определяющих смысл человеческого существования и его предназначение. Идея человека — это закон, которому подчинено человеческое существование как таковое. Закон заключается в необходимости сохранения и развития в себе образа и подобию изначальной красоты (образа Бога, в православно-христианском смысле) как неотъемлемого человеческого качества. Это закон не потому, что все люди ему безу-

словно следуют. Как раз наоборот, этот закон часто нарушается, но в этом случае человек теряет в себе подлинно человеческое качество и перестает быть человеком, по сути, оставаясь им только по названию.

Философия достоинства — стремление осознать идею достоинства саму по себе. В платоновском контексте достоинство есть идея, благодаря которой существует достойное, достойные люди, достойные поступки. Есть единое основание множества вещей. Идея достоинства существует в достойных людях, но познать достоинство как идею можно лишь саму по себе. Для этого необходимо различать достоинство и Достоинство. Существует достоинство человека, но существует и абсолют, т. е. высшее достоинство, Достоинство, принадлежащее тому же смысловому ряду, что и Истина, Добро и Красота. Человеческое достоинство есть то, что предстоит абсолюту, т. е. Достоинству. Но что есть Достоинство? Если использовать логику Платона, то это самая высшая идея, идея идей — это высшее благо, тождественное абсолютному достоинству. Как показывает современный исследователь, «смысл слова раскрывается через синонимические ему слова. Синонимика слова Бог — Любовь, Милосердие, Достоинство, Вселенская игра Крест» [9, с. 66–67]. Таким образом, в своем пределе достоинство синонимично абсолюту. В то же время наш видимый земной мир подвержен увяданию, старению и деградации. Но в человеке, как и в каждой вещи, необходимо найти отблеск идеальной красоты. Именно эта изначальная красота составляет сущность человека, несмотря на всё его возможное униженное и жалкое состояние и даже деградацию. Но человек должен быть достоин этой изначальной красоты, суметь сохранить в себе ее образ. В христианском смысле достоинство определяется как умение в любых обстоятельствах сохранить в себе образ и подобие Бога, быть причастным добру и совершать его. Умение человека быть достойным своего идеального образа есть оправдание его бытия.

То, чему человек предстоит, негативно конституируется страхом: «Бог есть боль страха смерти», — говорит Кириллов в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Великая боль и великий страх порождают абсолют, необходимый человеку для их преодоления. Абсолют в хрис-

тианстве есть жертвенная любовь к человеку, но это любовь, требующая самоотверженности, в пределе — самопожертвования. Значит, достоинство человека конституируется как предстояние абсолюту. Абсолют проявляет себя как истинное, достойное, совершенное бытие. Человек, род, народ, Родина подобны абсолюту, в который верят и к которому онтологически устремлены в соответствии с духовным законом соответствия субъекта своему абсолюту, сформулированным И.А. Ильиным [10, с. 140]. Религия в этом контексте есть род достойного бытия, предполагающего «строгое и трудное восхождение к Совершенству» [11, с. 398].

Что есть достоинство как феномен в аспекте его становления? С нашей точки зрения, целесообразно рассмотреть негативную диалектику достоинства. Данный феномен проявляется в единстве и борьбе величия и низости, духа и страха, значимости и ничтожности, силы и слабости. Достоинство есть рождение в этой борьбе нового качества человека. Качество же, как заметил еще Я. Беме, рождается из му□ки. Личность, по Н.А. Бердяеву, есть страдание и боль. Русская *победа* есть преодоленная беда. Главной бедой является победа страха смерти и боли над духом. Поэтому достоинство человека есть отрицание страха, в свою очередь, отрицающего изначальное достоинство (отрицание отрицания). Изначальное достоинство отрицается страхом смерти и страхом боли. Отрицая же страх, человек возвращается к изначальному достоинству, но уже на новом уровне. Даже в самых трудных обстоятельствах люди сумели вести себя, сохраняя честь и достоинство. Поэтому достоинство есть самопреодоление, трансценденция. На личностном уровне это означает переход человека через определенную качественную границу своего «я», выход на новые горизонты бытия. Существует необходимость преодоления окружающей человека низости и мерзости, и прежде всего низости в самом себе. И в то же время, по справедливому суждению Фомы Аквинского, одновременно с чувством и сознанием необходимости самопреодоления есть понимание, что не хватит духовных сил. Человек должен это сделать, но не может. Рождается глубинное противоречие между долженствованием и духовной слабостью человека. Но при решении данного конфликта, в результате «собираания себя», при колоссальном напряже-

нии духовно-нравственных сил, воли, нервов, случается вдруг то, что прорыв к трансцендентному все-таки произошел. И человек стал иным. Пройдя через великую боль, человек приобрел иное качество личности, иначе можно сказать, что только и произошло становление человека достойного в подлинном смысле этого слова. Поэтому, с точки зрения негативной детерминации, достоинство — это:

- преодоление страха смерти и страха боли, как поступок;
- власть духа, осуществляющая данное преодоление, как субъект данного акта;
- прорыв духа к трансцендентному началу, как цель и результат данного поступка.

Каков статус достоинства? Что именно является главной ценностью как отдельного человека, так и человечества: выживание или жизнь достойная? «С установления разграничения между жизнью как таковой и жизнью достойной начинаются мораль и нравственность»¹. Человек как таковой, а не представитель аристократии социальной и духовной, человек массы, которая значительно больше элиты количественно, не стремится ли он, прежде всего и при всех обстоятельствах, сохранить свою жизнь, покой, благополучие даже ценой унижений, даже тяжелых унижений? Может быть, принципом существования человека как такового, человека вообще является выживание любой ценой, в том числе ценой утраты чести и достоинства? Не открылась ли истина становления человеческого рода и его выживания в суровых лагерных условиях Варламу Шаламову? Человек подчинил свои высшие силы, свое высшее начало, разум — дух именно задаче выживания. Потому на Колыме гибли выносливые животные, а человек жил. То есть жизнь есть наивысшая, абсолютная ценность, причем именно физическое выживание в любых условиях, любой ценой. Где тогда место чести и достоинства в культуре? Может быть, человек является достойным, пока позволяют обстоятельства? Если обстоятельства становятся предельными, т. е. происходит встреча со смертью, или за предельными: человек предстоит мучительной смерти, например пыткам, то заканчивается и достоинство человека. А подобным образом

в ситуации паники и разложения может вести себя общность любого масштаба, те же род, народ, страна, когда-то великая цивилизация.

Способен ли человек на поступок? Не герой, не святой, а человек как родовое существо? Проблема заострена до антиномичности. Сформулируем две противоположные позиции:

1. *Достоинства человека нет.* Инстинкт самосохранения, страх боли и страх смерти в принципе сильнее потребности не потерять лицо. Главное — выжить любой ценой. Воля к жизни сильнее воли к достоинству. При столкновении базовых потребностей человека в безопасности, с одной стороны, и в уважении, с другой, доминирует, по мнению А. Маслоу, более «низкая» с точки зрения иерархии потребностей. Более «низкая» потребность более укоренена в витальности, в инстинкте [12, с. 79]. Если речь и не идет о смерти, то остается страх лишений и нужды, страх нищеты. Такова цена достойного бытия в столкновении с «сильными мира сего». Даже в пространстве благополучной повседневности покой предпочтительнее борьбы и необходимости, хотя и небольшого, но постоянного самопреодоления. Оно и составляет сущность достоинства.

Пространство достойного бытия, свобода есть величайший дар человеку, но, как показывает Ф.М. Достоевский в «Поэме о Великом Инквизиторе», это и слишком тяжелое бремя [13, с. 297–302]. Достоинство требует несения креста.

2. *Достоинство человека есть.* Боль страха смерти уравнивается болью страха быть ничтожеством. Тяжелее муки для разумного человека нет. Еще сильнее публичное переживание ничтожества в виде зрелища, что этимологически и есть позор. Это дно падения человека. Но есть еще и бездна падения — чувство и осознание самоосквернения. Бездной по отношению к ничтожеству является ситуация проклятия. Мать «хладно отвернула взор» от трупа сына в лермонтовской поэме «Беглец». В германском героическом мифе герой попадал в Валгаллу, а трус исчезал в небытии. Императив самопреодоления, превосходения своего естества, жаждущего безопасности и покоя, есть во всех сакральных традициях. Страх ничтожества и позора актуализирует стыд. Человек стыдится низшего в себе, что является основанием для преодоления низшего и стремления

¹ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 1998. 472 с. С. 110.

к высшему [7, с. 87]. Страх самоосквернения и проклятия есть актуализация совести, Божьего присутствия в душе, которое несовместимо с падением человека. В ситуации падения ощущается и сознается богооставленность, которая переживается как проклятие. Последнее и есть начало бесконечных адских мук. Поэтому стыд и совесть являются мощными средствами, удерживающими человека от нравственного падения и негативно формирующими достоинство.

Итак, мы принимаем тезис, что достоинство человека все-таки есть. У каждой нации существует свой пантеон героев, свой сонм святых, свои гении науки и художественного творчества. Значит, в истории человечества жизненная энергия всех перечисленных человеческих типов направлена не на физическое выживание. Если последнее становится целью существования человека, то происходит отрицание чести и достоинства. Жертвенный подвиг, гениальные открытия, путь святости, создание художественных шедевров, как жизненные цели и мотивация у лучших представителей рода человеческого, безусловно, превышают инстинкт самосохранения и связанные с ним страх боли и страх смерти.

Мы до сих пор живы, существуем как русская культура, Российская держава, как человечество в целом. Само существование данных феноменов было бы совершенно невозможно, если бы не нашлось на всех уровнях необходимое и достаточное число достойных людей. Значит, именно опыт достойного существования является ядром антропологического опыта. Именно поэтому достоинство является одной из главных движущих сил истории, «точкой сборки» как на личностном, так и на социальном уровне.

Достоинство как самопреодоление синонимично античному определению морали в целом как меры господства человека над самим собой. Фактически речь идет о равнозначности достоинства и морали, самой широкой и всеобъемлющей категории этики. Как этика, так и философия в целом являются прежде всего способами достойного существования. Оппозиция выживанию и жизни достойной — самая фундаментальная этическая проблема. Данное разделение, предполагающее выбор между двумя вариантами поведения, составляет сущность морали и нравственности.

Поэтому представляется обоснованной теория моральных качеств личности, разработанная В.А. Блюмкиным. В центре ее находится именно достоинство. С нашей точки зрения, можно выстроить смысловой ряд понятий, синонимичных понятию достоинства, состоящий из концептов различных дисциплин. Например, применительно к социальной философии достоинство трансформируется в понятие социальной значимости, противостоящей социальному ничтожеству. В экономике можно говорить о высоком или низком качестве человеческого капитала. В эстетике проекцией достоинства выступает совершенство в оппозиции к несовершенству. Собственно в этике достоинство не может существовать, не противостоя унижению. В данном случае именно достоинство выступает в качестве понятия, объясняющего другие понятия данного ряда при соединении их в философское построение. Таким образом, категория достоинства является одной из наиболее фундаментальных категорий этики, определяющих ее сущность. Постигание достоинства приближает нас к пониманию сущности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 155–167.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во Ин-та эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
3. Гусейнов А.А. Философия как этический проект: докл. на XXIII Всемирном филос. конгр. (Афины, 4–10 августа 2013 г.). М.: Изд-во ИФ РАН, 2013. 23 с.
4. Корольков А.А. Русская духовная философия. СПб.: Изд-во РХГА, 1998. 575 с.
5. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика : Петербургское востоковедение, 2005. 480 с.
6. Секацкий А.К. Субъект и катастрофа. 11 декабря 2009 г. О времени и о философии. URL: <http://www.rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/sekatski.php> (дата обращения: 25.03.2015).

7. **Соловьёв В.С.** Оправдание добра: нравственная философия / вступ. ст. А.Н. Голубева и Л.В. Коноваловой. М.: Республика, 1996. 479 с.

8. **Серкова В.А.** Этика как телеологическая основа философского знания // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2008. № 5 (66). С. 58–66.

9. **Налимов В.В.** Испытание Святой Руси. На грани третьего тысячелетия. Томск; М.: Водолей, 2002. 288 с.

10. **Ильин И.А.** Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарог, 1993. 448 с.

11. **Ильин И.А.** Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.

12. **Маслоу А.** Мотивация и личность / пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. СПб., 2001. 478 с.

13. **Достоевский Ф.М.** Братья Карамазовы. В 2 т. Т. 1. СПб.: Библиополис, 1996.

КУЗНЕЦОВ Владимир Викторович — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; volodiakuznetzov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

[1] M. Khaydegger, [Basic concepts of metaphysics], The problems of philosophy, 9 (1989) 155–167.

[2] Zh. Delez, F. Gvattari, Chto takoye filosofiya? [What is philosophy?], Institute of experimental sociology, Moscow, Aletheyya, St. Petersburg, 1998.

[3] A.A. Guseynov, Filosofiya kak eticheskiy proyekt [Philosophy as an ethical project. Report on the 23rd World Congr. of philosophy]. Athens, 2013, Aug. 4–10, IPh RAS Publ., Moscow, 2013.

[4] A.A. Korol'kov, Russkaya dukhovnaya filosofiya [Russian spiritual philosophy], Publ. house of Russian Christian Humanities Academy, St. Petersburg, 1998.

[5] Ye.A. Torchinov, Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo [Path of philosophy East and West: knowledge of the transcendent], Azbuka-klassika, Petersburg Oriental studies Publ., St. Petersburg, 2005.

[6] A.K. Sekatskiy, [The Subject and disaster, 2009, Dec. 11, About time and philosophy]. Available at: www.rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/sekatski.php (accessed 25.03.2015).

[7] V.S. Solovyev, Opravdaniye dobra: нравstvennaya filosofiya [The Justification of good: Moral philosophy], Republic, Moscow, 1996.

[8] V.A. Serkova, [Teleological Ethics as the Foundation of philosophical knowledge], St. Petersburg State Polytechnical University Journal, 5 (66) (2008) 58–66.

[9] V.V. Nalimov, Iskusheniye Svyatoy Rusi. Na grani tretyego tysyacheletiya [The Temptation Of Holy Russia. On the verge of the third Millennium], Tomsk, Moscow, 2002.

[10] I.A. Ilyin, Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of religious experience], Rarog', Moscow, 1993.

[11] I.A. Ilyin, Put' k ochevidnosti [Way to evidence], Respublika, Moscow, 1993.

[12] A. Maslou, Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality], St. Petersburg., 2001.

[13] F.M. Dostoyevskiy, Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov], in 2 vol. of vol. 1, Bibliopolis, St. Petersburg, 1996.

KUZNETSOV Vladimir V. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; volodiakuznetzov@yandex.ru

Received 31.01.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8209

УДК 17

КОНЦЕПЦИЯ «СИМФОНИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ» В ФИЛОСОФИИ Л.П. КАРСАВИНА

Ю.В. Колесниченко

Международный центр образования и туризма «Спутник», Москва, Российская Федерация

В статье дан абрис специфической методологии познания личностного бытия, разработанной Львом Платоновичем Карсавиным, одним из самых значимых русских философов XX в. Раскрыта суть основополагающего понятия концепции — «симфонической личности», а также понятий «субъект» и «конкретное бытие». Исследование материалов источниковой базы с использованием исторического, герменевтического, синхронического, диахронического методов исследования явилось необходимым условием познания целостности изучаемого объекта, позволило преодолеть ошибочную практику онтологического разграничения объекта и субъекта в акте познания. Результатом исследовательской работы стал, в частности, вывод об уникальной эвристической ценности концепта «симфоническая личность». Выводы, полученные в результате проделанной работы, легли в основу подготовки спецкурса «Философия личности Л.П. Карсавина».

Ключевые слова: конкретное бытие; симфоническая личность; парадигмальный излом; субстанциональность; Л.П. Карсавин

Ссылка при цитировании: Колесниченко Ю.В. Концепция «симфонической личности» в философии Л.П. Карсавина // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 83–88. DOI: 10.18721/JHSS.8209

THE CONCEPT OF A "SYMPHONIC PERSONALITY" IN THE PHILOSOPHY OF L.P. KARSAVIN

Yu.V. Kolesnichenko

Center of education and tourism "Sputnik", Moscow, Russian Federation

The article is an outline of a specific methodology of Lev Karsavin's theory of Person. Explication of the essence of the key concept "Symphonic litchnost" as well as of "subject" and of "actual Being" takes place in the article. Being based on historical data, accomplished with historical, hermeneutical, ideographical, nomothetical research methods the study offered an opportunity to avoid a miserable practice of an object-subject split in an act of cognition. The conclusion of the study was to define Karsavin's study of "symphonic litchnost" as a unique epistemological concept of one of the key Russian philosophers of the XXth century. Scientific results withdrawn from the undertaken study became a foundation of the special course of lectures "Lev Karsavin's Philosophy".

Keywords: specific being; symphonic personality; paradigmatic fracture; substantiality; L.P. Karsavin

Citation: Yu.V. Kolesnichenko, The concept of a "symphonic personality" in the philosophy of L.P. Karsavin, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 83–88. DOI: 10.18721/JHSS.8209

Введение. Начиная рассмотрение концепции «симфонической личности» одного из ключевых мыслителей русской философской традиции — Льва Платоновича Карсавина, необходимо подчеркнуть, что понятие личности являлось центрирующим понятием отечественной философской мысли периода 20–30-х гг. XX столетия в целом. Данный концепт, по-разному интерпретируемый в работах современников Карсавина, отличается, тем не менее, определенным набором неизменных параметров, позволяющих говорить о его уникальности. Понятие личности фундирует собой объективное бытие, заменяя последнее на более адекватное современному, «квантованному» пониманию природы носителя субстанциональных свойств. Взаимодополнительность методов диалектики, феноменологии и герменевтики в построении теории личности 20–30-х гг. XX в. является необходимым условием познания ее концептуальной целостности и позволяет преодолеть ошибочную практику онтологического разграничения объекта и субъекта в акте познания, его диалектическое снятие в бытие «сОбъективное», предполагающее непротиворечивое и нераздельное сосуществование объекта и субъекта в одной феноменально понятой бытийной плоскости, а именно в бытии конкретном [1].

Кризис парадигмальных оснований знания межвоенного периода (1919–1939 гг.) делает необходимым перепрофилирование фундаментальных позиций философской науки с учетом естественно-научных открытий, принципиально изменяющих вектор развития метафизического знания в целом. Психологические открытия З. Фрейда (прежде всего теория психоанализа) и новые физические реалии, описанные в работах М. Планка (постоянная Планка), В. Гейзенберга (принцип неопределенности), Н. Бора (принцип дополнительности), а также А. Эйнштейна (постулаты специальной теории относительности), сыграли определяющую роль в формировании новой парадигмы философского знания того времени, в том числе и в России. Так, можно обнаружить изоморфизм диалектико-феноменологических построений А.Ф. Лосева, понятия момента-качества Л.П. Карсавина системе определений новых физических феноменов в теории относительности Эйнштейна, а именно кванта

как понятия, отражающего неразрывное логическое единство субстанциональной частицы и ее делящейся величины, понятой как непрерывный периодический процесс.

Изменяется угол зрения в философии: теперь наблюдается очевидное замещение онтологоцентризма рассмотрением тех же вопросов, но с точки зрения абсолютной онтогносеологической ценности самого человека. Ценностным в философии, в бытии становится, таким образом, личностное бытие.

Развитие психологического знания периода Интербеллум происходит в направлении углубленного постижения мира личности, точнее, мира «изнутри» самой личности, мира, как он есть, глазами самой личности. Такая методологическая позиция индивидуального персонифицированного сознания, бытия и его генезиса, в его традиционном (условно-гегелевском) философском представлении, основывается на иных онтологических принципах, нежели изучение процесса человеческого «делания», т. е. личностного, социально значимого здесь-бытия.

Личность в метапсихологическом преломлении, выходящем уже за пределы собственно психологической трактовки понятия в область философии, — это способность к *волеию*, выражение самой воли, воля направленного социального действия. Это имманентная воля к свободе (понятой как внутреннее качество личности, а не внешнее ее проявление). В любом случае личность сопряжена со своей свободой и именно через нее определяется концептуально, а не только политически и идеологически.

Гуманитарную мысль в 20–30-е гг. XX столетия интересует исключительно «человеческое» измерение во всех его проявлениях. Науки о духе — лингвистика, искусство, философия, психология, социология, юриспруденция — становятся науками о личности. Вся многопрофильная история любого из научных направлений человеческого творчества этого исторического периода — попытка вычленить свой собственный предмет из «новой метафизики», т. е. психологии. Опыт многопрофильных теоретических (и практических — в области искусства, например) построений тех лет — борьба за самостоятельность собственного предмета, возможность получения понятийного суверенитета. Психология, взятая не как самостоятельная научная деятельность, а как метатеоретическое

знание, есть парадигмальная тотальность нового времени: Л.П. Карсавин, М.М. Бахтин, Р.О. Якобсон (Пражский кружок), Э. Гуссерль. *Самость* (Я, или соловьевское «чтойность», или фихтевское *Ichheit*) есть уже та область метафизического, в которой З. Фрейд считал себя некомпетентным как ученый. *Самость* — продукт метапсихологической рефлексии, переводящей специальное психологическое научное понятие «личность» в область промежуточных абстрактных категорий. Я, или самость, есть, таким образом, промежуточное понятие между философским и психологическим понятием «личность». Оно не носит и не может носить в себе субстанционального, метафизического, т. е. сугубо философского, смысла. Самость — философское название для понятия «Я», системообразующей категории экзистенциальной философии. Это термин для обозначения Я как «для-себя-Я», как «только-и-прежде-всего-Я». Личность же — это понятие, обозначающее основное (родовое) свойство человеческого бытия — его социальность. Это стяживающее (термин Л.П. Карсавина, заимствованный им у Н. Кузанского) качество субстанционального свойства, применяемое в неэгоистической, неатомарной философии индивида. Личность — понятие, отражающее не «что»-, но «как»-бытие в широком смысле. Это «как»-бытие есть всегда живая бытийность личности, ибо только личность обеспечивает этому «как» максимальную бытийную наполненность.

Таким образом, поиск экзистенциального смысла человеческого существования, сопряженного с выходом в свое над-бытие (Божественный Абсолют), как необходимая составляющая процесса философского осмысления действительности перестает существовать уже в середине XX в. На смену приходит поиск иной тотальности, существующей исключительно в плоскости личного (т. е. философия покидает сферу Абсолюта, Божественного), с возможностью выхода в не-бытие, в транс-бытие, в другое, не покидая формы человеческой экзистенции. Уже не Бог, не Абсолют качествует, ипостасирует, олицетворяется в человеке (а также и в различных формах в социообразованиях), но сам человек.

Не будет преувеличением сказать, что личность в XX в. являлась полидисциплинарным

понятием, максимально «геистальтным», синтетическим, равновесно определявшим фундаментальные значения таких дисциплин, как философия, психология, литературоведение, методология познания, поэзия и т. д.

В свернутом виде именно в понятии личности для русской философии тех лет выражен алгоритм наличного бытия. Личность, как божественная ипостась, в новом историко-философском контексте становится понятием гносеологии, воплощаемым, безусловно, в социальном, индивидуальном, симфоническом и других контекстах. Личность — это инвариант бытия, всегда тождественный сам себе именно в субстанциональной основе по-новому понятию конкретного бытия. Говоря о теме личности в отечественной философской традиции XX в., таким образом, невозможно не определить ее основное качество как онтогносеологическое [2].

Очевидно, что русская философская традиция XX в., носившая ярко выраженный «соловьёвоцентристский» характер, базировала свои концептуальные определения с опорой на теорию всеединства и главенства метафизики против философской традиции метода. Вспомним классификацию Г.Г. Шпета, делившего все умозрительные концепции по направлениям «положительной» (метафизической) и «отрицательной» (методологической) философии.

Ю.Б. Мелих справедливо замечает, что тематизация идеи триединства-всеединства, связанная с представлением о личности, впервые осуществляется еще Вл. Соловьёвым и развивается в дальнейшем С. Булгаковым, Е. Трубецким, Н. Бердяевым, С. Франком. Но если работы Соловьёва и Булгакова в первую очередь раскрывают строение Космоса, идею Софии, премудрости Божией, то Карсавин пытается мыслить личность творящую и являющую собой культурно-историческую реальность (т. е. конкретное бытие. — Ю. К.) [3, с. 117].

Понятие «симфоническая личность» было разработано Л.П. Карсавиным в его фундаментальном труде «О личности» (1929). Данное понятие явилось термином для обозначения всякого результата «качествования».

Уже на первых страницах своего труда, написанного в традициях средневековой схоластики, Карсавин отмечает, что мы можем предварительно определить личность как самосредоточение и самораскрытие бытия в осо-

бом его образе, из коего и с коим бытие соотносит иные свои образы. Иные образы бытия сущностно связаны с личностью, приобретают свою определенность через самоопределение личности. С онтогносеологической точки зрения чрезвычайно важно отметить, что «акту познания предшествует первичное единство, или первичная слиянность инобытия и личности» [4, с. 30].

Согласно Карсавину, это «двуединство личности с бытием» само должно быть личностью, даже в том случае, если инобытие — не личность, а мертвое тело. По Карсавину, в моментах-качествах целого не может содержаться чего-либо, не содержащегося субстанционально в самом единстве этого целого. Говоря о сущностных проявлениях личности, философ говорит о моментах-качествах конкретного бытия. Для нас принципиально важным с парадигмальной точки зрения является тот факт, что у Карсавина «квантованным» становится даже его метаязык. Его теоретическая «личность» проявляется своими моментами-аспектами. Это и есть по сути, не только по форме, кванты новой философии. Живые, дышащие моменты-движения, субъекты-действия, субстанциональность-деятельность.

Личность — синоним единства, активная «стяженность» элементов объективного целого. Карсавин определяет личность как одушевленную субстанцию ограниченных свойств (субстанцией неограниченных свойств является Бог). Эта концепция онтологична по своей сути и диалектична по методологической направленности. Окружающему миру, в том числе и «миру» материальных объектов, приписываются личностные качества, но качества, преобразованные в систему строго иерархического соподчинения общественных структур. Материальный объект всегда участвует в акте познания уже как «личность», как нечто, именно в акте познания приобретающее качества активно-личностные. Именно эти качества и позволяют объекту быть в принципе познанным.

Объект, который интенционально стремится к состоянию симфоничности, т. е. является моментом слияния человеческого и вещного бытия в акте познания, называется симфонической личностью.

Таким образом, симфоническая личность — это познаваемый тварный мир, полу-

чающий свою бытийность именно посредством человеческой (индивидуальной) личности. Типические личностные проявления, носящие в обычном понимании строго аксиологический (ценностный) и потому сугубо социальный характер, приобретают в евразийской теории «симфонической личности» онтологические свойства бытия. Понятие симфонической личности «играет роль символа высшего единства бытия в его „пространственно-временных качествах“». Карсавинский персонализм... предельно универсален... он просто не знает никаких пределов. Всеединство в онтологии русского мыслителя, безусловно, первично, но и оно само личностно, и в этом отношении всё есть личность» [5, с. 624].

К теме симфонической личности относится гносеологическая проблема возможности и необходимости знания. Личность несовершенна, и причина этого заключается в самой ее тварности, принадлежности тварному миру. Личность выступает здесь уже в роли субъекта (субъект есть действующее, конкретное, наличное субстанциональное начало, но не есть сама субстанция). Знание же, по Карсавину, относится к области чистой субстанциональности. Возможность превращения личности из потенциальной в актуальную осуществляется в знании. Последнее, согласно Карсавину, есть сущностное, предельное самопостижение личности. Именно через познавательный акт происходит действительное соединение личности с окружающим миром [6].

Сама философия Карсавина, в своих основных постулатах, носит глубоко религиозный характер. Более того, в ней нет, по форме, разделения собственно религиозного и онтологического. Карсавин часто использует в философских по стилю и специфической проблемной заостренности произведениях не моральную, а семантическую сторону христианского понятийного аппарата. Выражаясь европейским академическим языком, философия Карсавина экзистенциальна по характеру философской рефлексии, по сути философско-религиозного переживания. Термины христианского учения используются для обозначения экзистенциального состояния бытия и не-бытия. Причем не-бытие у Карсавина есть дурная бесконечность, несовершенная смерть личности, иными словами, не-бытие также личностно по своему опре-

деляющему качеству. Так, в работе «О личности» он задает вопрос: «Возможен ли мир без личного своего бытия?» И отвечает на него следующим образом: «Единый в своем времени и пространстве мир осуществляет свое личное бытие, по крайней мере, в человечестве...» [4, с. 98].

Результаты исследования. Концепция «симфонической личности» снимает, таким образом, проблему принципиального противопоставления объекта субъекту, поскольку единство личности и бытия утверждает личностные характеристики неодухотворенных элементов этого единства. Личностная основа бытия делает возможным познание (в широком, онтическом, смысле) всех элементов познавательного синтеза, т. е. «существует симфоническая личность всего мира» [3, с. 219]. Самопознание, в карсавинской трактовке, выступает как основа для восхождения твари к Богу через постижение себя и своей сути и — в силу своеобразно трактуемого понятия личности — для активного переустройства мира национального бытия.

Следует сделать важное терминологическое уточнение: персонология в русской философии не есть собственно персонология, но личностная онтология, феноменология личного ответственного бытия.

Русская философия сущностно субстанциональна. Безличная, внесубстанциональная философия немыслима в соловьевской традиции русской мысли. Наличие субстанциональности в системе любого концептуального построения есть условие существования русского философского бытия вообще. Но индивид как

таковой не центрирует (и не способен центрировать) на себе бытие, равно как не центрируют его субъект или метапсихологическое Я, или персона. Только личность (производное от лика, от Божьего лика) — стяживающий центр морально ответственного бытия. (Напомним, что у Вл. Соловьёва личность есть «второе абсолютное» именно в указанном смысле.)

Наивысшей стадией «симфоничности» (Карсавин) мира является *социальная личность*. Подобно индивидуальной, социально-симфоническая личность имеет телесно-духовную структуру, т. е. определенную субстанциональную пространственно-временную протяженность, что обеспечивает саму возможность ее сущностного самопознания. Наиболее важными являются социальные личности самой широкой функциональной полноты (семья, народ, государство). Проблема свободы — это также один из аспектов карсавинской теории «симфонической личности». Свободное целеполагающее, целенаправленное действие личности (различной социальной полноты) собственно и есть симфоническая личность.

Заключение. Онтологическая теория Карсавина — одна из наиболее полно разработанных, законченных теоретических концепций личностного бытия. Она есть частный случай отечественной религиозной философии переходных парадигмальных форм 20–30-х гг. XX столетия. Данная ветвь онтофеноменологического знания характеризуется активным поиском нового Абсолюта, нового типа живой, конкретной субстанциональности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесниченко Ю.В. Личность как бытие: концепция личности в ранних философских работах М.М. Бахтина // Вестн. ПСТГУ. Сер. Богословие. Философия. 2011. № 4 (36). С. 65–82.
2. Колесниченко Ю.В. Особенности философии личности в русской мысли 20–30-х гг. XX столетия // Вестн. МГОУ. Сер. Философские науки. 2017. № 1. С. 90–95. DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-90-95.
3. Мелих Ю.Б. Персонализм Льва Карсавина и европейская философия. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
4. Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М.: Ренессанс, 1992.
5. Сербиненко В.В., Гребешев И.В. Русская метафизика XIX–XX веков. М.: Руниверс, 2016.
6. Колесниченко Ю.В. Личность в евразийстве. М.: Альфа-М, 2008.

КОЛЕСНИЧЕНКО Юлия Викторовна — Международный центр образования и туризма «Спутник»; midk2008@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

- [1] Yu.V. Kolesnichenko, [Personality as being: the concept of personality in early philosophical works of M.M. Bakhtin], Vestnik PSTGU. Bogoslovie. Filosofiya, 4 (36) (2011) 65–82.
- [2] Yu.V. Kolesnichenko, [Peculiarities of Philosophy of the Personality in Russian Thought of the 20s–30s of the 20th century], Vestnik MGOU. Philosophical Sciences, 1 (2017) 90–95. DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-90-95.
- [3] Yu.B. Melikh, Personalizm L'va Karsavina i yevropeyskaya filosofiya [Personalism of Lev Karsavin and European philosophy], Progress-Traditsiya, Moscow, 2003.
- [4] L.P. Karsavin, [Religious and philosophical writings], of vol. 1, Renaissance, Moscow, 1992.
- [5] V.V. Serbinenko. I.V. Grebeshev, Russkaya metafizika XIX–XX vekov [Russian metaphysics of the 19th and 20th centuries], Runivers, Moscow, 2016.
- [6] Yu.V. Kolesnichenko, Lichnost' v yevraziystve [Personality in Eurasianism], Alfa-M, Moscow, 2008.

KOLESNICHENKO Yuliya V. — center of education and tourism “Sputnik”; midk2008@yandex.ru

Received 27.01.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8210

УДК 372.881.111.1

ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЦИЗМОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Н.В. Белина, З.А. Киселёва, С.Л. Божик

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена вопросам изучения современных заимствований в русском языке из английского, знакомства с англицизмами с целью расширения словарного запаса и кругозора студентов. Показаны современные тенденции в языке, рассмотрены различные виды англицизмов и их группы. Особое внимание уделено отбору современных текстов для работы на занятии и составлению лексических упражнений, стимулирующих интерес к изучаемой теме и мотивирующих к дальнейшему изучению современного английского языка. Исследуются лингвистические и экстралингвистические причины заимствования лексических единиц, даны примеры заимствованных англицизмов. Освещены вопросы освоения заимствованных англицизмов в вузовской практике. Выделены три группы англицизмов согласно критерию освоенности. Лингводидактические аспекты изучения англицизмов на занятиях по иностранному языку рассмотрены на примерах текстов и лексических упражнений.

Ключевые слова: заимствования; англицизмы и их типы; модная лексика; актуальные тексты; лексические упражнения; расширение кругозора

Ссылка при цитировании: Белина Н.В., Киселёва З.А., Божик С.Л. Изучение современных англицизмов на занятиях по иностранному языку в вузе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 89–98. DOI: 10.18721/JHSS.8210

STUDY OF MODERN ANGLICISMS IN UNIVERSITY ENGLISH CLASSES

N.V. Belina, Z.A. Kiseleva, S.L. Bozhik

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to studying modern borrowings from the English language adopted in the Russian language. Anglicisms are studied for the purpose of expanding the students' vocabulary and range of interests. Special attention is paid to the selection of contemporary texts for class work and making up lexical exercises, which stimulate interest in the subject and motivate further learning of modern English. The article

examines linguistic and extralinguistic reasons for borrowings and gives many examples of borrowed anglicisms. It also covers the issues of learning loanwords in university classes, introduces three groups of anglicisms according to the criterion of mastery and presents linguo-didactic aspects of studying anglicisms in foreign language classes, with texts and lexical exercises as examples.

Keywords: borrowings; types of anglicisms; modern vocabulary; actual texts; lexical exercises; outlook extension

Citation: N.V. Belina, Z.A. Kiseleva, S.L. Bozhik, Study of modern anglicisms in university English classes, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 89–98. DOI: 10.18721/JHSS.8210

Введение. Современный студент — это человек, шагающий в ногу со временем. Он хорошо ориентируется в компьютерных технологиях, прекрасно разбирается в разнообразных гаджетах, легко общается в социальных сетях. И непременно владеет «модной» лексикой, заимствованной из английского языка. Но всегда ли правильно и точно современный студент использует новомодную лексику? Знаком ли он с оригиналами заимствований? Что знает о происхождении «модных» слов и словосочетаний?

Современные заимствования из другого языка — это не только обычное языковое явление, но и дань моде, желание нового поколения быть в тренде, не отставать от ускорившегося темпа жизни и сложившихся жизненных реалий. Потребность в заимствованиях возрастает в связи с растущей взаимосвязанностью и взаимозависимостью стран и народов, расширением связей в области экономики, политики, культуры, науки, образования. И, конечно же, в связи с растущей глобализацией, процессом сближения и роста наций и государств мира — процессом всемирной экономической, политической, культурной интеграции и унификации.

Язык, как и человеческое общество, изменяется с течением времени. Возникновение слова и его жизнь в языке связаны с историей самого языка как частью жизни народа-носителя, с развитием его материальной и духовной культуры, природными условиями его обитания, его социальным развитием, контактами с другими народами. Одним из естественных процессов изменения лексико-семантической системы любого языка является заимствование лексических единиц, и на земле нет языка, совершенно свободного от иноязычного

влияния. Заимствованиями считаются такие языковые единицы, которые переходят из языка-донора в язык-реципиент в результате экономических, политических и культурных связей народов, ассимилируются в воспринимающем языке (оформляются по правилам и средствами этого языка) и, как правило, фиксируются в словарях [1].

Несомненно, язык является живым организмом, и, как любому организму, ему необходимо совершенствоваться и развиваться, в том числе и лексически. Это развитие происходит благодаря заимствованию из другой лексики новых слов, фразеологических оборотов и сочетаний. Употребление в современном мире англицизмов является закономерным процессом, который связан с прогрессом во всех сферах жизни общества. В наш безудержный век обилие новых, современных идей, вещей, технологий требует быстрого названия, лексика различных слоев и сфер жизни во всем мире стремится к интернационализации [2].

Лингвистические и экстралингвистические причины заимствования. Примеры заимствованных англицизмов. Выделяют две основные группы причин заимствования лексических единиц: лингвистические и экстралингвистические. К лингвистическим причинам заимствования относятся следующие:

- необходимость заполнения в принимающем языке семантических пустот, связанных с отсутствием самого явления (так, по мере развития банковской деятельности в России в речи россиян закрепились такие понятия, как «банкомат», «кредитная карта», «брокер», «дисконт», «транзакция» и т. д.);

- отсутствие более точного наименования в родном языке, невозможность более полно и точно выразить какое-либо понятие;

- стремление к экономии речевых усилий и языковых средств: англицизмы позволяют выразить мысль короче, максимально сжать информацию, обеспечивая краткость, удобство и ясность;

- расширение синонимичного ряда: англицизмы помогают разнообразить языковые средства, избежать повторов в речи;

- необходимость развести или специализировать понятия.

К экстралингвистическим причинам заимствования можно отнести глобализацию экономики, моду на заимствования, престиж употребления определенных единиц и т. д. [3].

Англицизм — это слово или оборот речи в языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения. Часто англицизмы используются для точной передачи информации в текстах, предназначенных для узких специалистов [4].

Существуют различные виды англицизмов:

- прямые заимствования (*спорт, уик-энд*);
- иноязычные термины (*саммит, спикер, сканер, хит, сингл*);

- кальки — слова иноязычного происхождения, употребляемые с сохранением их фонетического и графического облика (*меню, клуб, вирус*);

- гибриды — заимствования, образующиеся путем присоединения к иностранной основе русских приставки, суффикса и окончания (например, *креативный*);

- экзотизмы — обозначения нерусской действительности, употребляющиеся в основном для придания речи местного колорита при описании чужеземных нравов, обычаев, традиций (*лорд, чипсы, хот-дог*);

- композиты — слова, состоящие из двух элементов, образующих одно сложное слово (*шоп-тур, мини-шоп*);

- профессионализмы — англицизмы, употребляющиеся в различных сферах деятельности человека: политике, бизнесе, компьютерных технологиях, спорте и т. д. (*аудитор, модем, керлинг*) [5].

Например, благодаря Интернету появились следующие англицизмы: *пост* (post) — запись, сообщение в Интернете, на форумах или

в комментариях; *лайк* (like) — положительная оценка, когда что-то нравится; *селфи* (selfie) — фотографирование самого себя на смартфон или планшет и автопортрет, выложенный в социальные сети; *онлайн* (online) — подключенный к сети Интернет, находящийся в сети; *оффлайн* (offline) — не в сети, не в Интернете; *юзер* (user) — пользователь компьютера; *браузер* (browser) — программа для просмотра веб-страниц; *линк* (link) — ссылка, активное соединение с другой веб-страницей; *трафик* (traffic) — информационный поток в сети, объем информации, передаваемой через компьютерную сеть за определенный период времени; *контент* (content) — любое информационно значимое наполнение сетевого ресурса; *блогер* (blogger) — человек, ведущий блог, автор сетевого дневника, а также человек, пишущий тексты на новостном сайте; *репост* (repost) — повторная публикация какого-либо сообщения в социальной сети, копирование записи себе на страницу.

Вопросы освоения заимствованных англицизмов в вузовской практике. Согласно критерию освоенности/неосвоенности выделяются три группы англицизмов: освоенные, полуосвоенные и неосвоенные. Освоенные англицизмы — это заимствования, ассимилированные в русском языке фонетически, графически, грамматически, словообразовательно и семантически (например, *маркетинг, блокбастер, триллер* и др.). Для них характерны частотность употребления, социальная значимость, долговременность существования, долгосрочный потенциал существования в речи, непринадлежность к сленгу, полифункциональность. Полуосвоенные англицизмы — это заимствования, которые вошли в русский язык недавно, они неизвестны широкому кругу русскоязычных людей (*селебрити, хэдлинер, хэджантинг* и др.). К неосвоенным англицизмам относятся заимствования, находящиеся в процессе вхождения в русский язык (*велнес, тревелинг* и др.) [6].

За последние несколько лет в русском языке появился целый пласт «новых» слов, обозначающих вполне привычные понятия. Попав в русский язык, заимствования претерпели изменения. Изначально, попадая в речь, они сохраняли свой графический и грамматический образ, но с течением времени приобрели русскую графическую форму (например, *фриланс*,

лайк). Затем на уже измененные слова повлияла грамматика русского языка, создав производные от этих слов (например, заниматься фрилансом, лайкнуть и т. д.) [7].

Многие современные понятия в настоящее время превращаются в тренды. Слово «тренд» (trend) означает «актуальная тенденция, заметное движение в развитии чего-либо; то, что пользуется популярностью». Оно тоже является англицизмом. Трендами стали и здоровый образ жизни, и экологичность, и стремление к успеху. К примеру, тренд современной науки – это нанотехнологии. Тренд современного образования – социальные медиа. Понятие «велнес» (wellness) тоже современный тренд. Это практически непереводаемое на русский язык слово постигла участь любого вызывающего массовый интерес понятия. Его начали активно эксплуатировать маркетологи в рекламных материалах и публикациях. Этот термин означает «быть здоровым во всех отношениях, стремиться к благополучию во всех сферах своей жизни». Дословно переводится как «хорошее самочувствие или благополучие». Сегодня велнес включает в себя и профилактические меры, и методы оздоровления, доступные каждому. По сути это свод необходимых практик по сохранению здоровья для здоровых людей: должен быть баланс физического здоровья, психической стабильности и духовного роста; питанием должна служить здоровая, вкусная пища, пробуждающая эстетические чувства, соответствующая состоянию и потребностям организма на данном этапе; приветствуются разумные тренировки, здоровый внешний вид, умение выстраивать свою жизнь без стрессов и стремление жить в достатке [8].

Всем ли знаком модный термин «велнес»? Сможет ли студент правильно перевести и понять предложение, встретив в тексте подобное незнакомое слово? А сколько слов такого рода встречается в рекламных и публицистических текстах и в Интернете, звучит с экранов телевизоров и кинотеатров?

Современные студенты часто используют в своей родной речи различного рода англицизмы: *фэшн, лук, репост, свитшот, коуч, веб-камера, флэшмоб, вип, дедлайн, колл-центр, дресс-код, фейк, шоу-рум, сникеры, драйв, пиар, чат, тьюнинг, шоумен* и др. Употребление таких слов является модным, престижным, приветствуется

в молодежной среде. Но молодые люди не всегда знают правильное значение употребляемых ими слов. Часто они не уверены, как пишется первоисточник, и совершенно ничего не знают о его происхождении. Неправильно понимая значение «модных» слов, учащиеся могут испытывать трудности при переводе англоязычных текстов и неточно интерпретировать какие-то понятия. Поэтому на занятиях по английскому языку в ходе чтения текстов преподавателю следует обращать внимание студентов на оригиналы современных англицизмов, объяснять их истинное значение, а также предлагать учащимся разнообразные задания и упражнения на закрепление такого рода лексики. В результате учащиеся смогут пополнить свой словарный запас в области современного английского языка, узнают, откуда появились известные и неизвестные им заимствования, и расширят кругозор в разных областях знания.

Лингводидактические аспекты изучения англицизмов на занятиях по иностранному языку: тексты и лексические упражнения. Следует отметить, что в последнее время в вузах всё меньше внимания уделяется общеобразовательной цели обучения, призванной расширять кругозор, повышать общую культуру учащихся, предоставлять им знания о жизни и об окружающем мире. Практика показывает, что современные студенты имеют недостаточно широкий кругозор и лексический запас, это проявляется при выполнении разных творческих заданий и упражнений на занятиях по английскому языку.

Становится актуальным изучение современных заимствований из английского языка, включая знакомство с их оригиналами. В этой связи особенно важны подбор современных текстов для работы на занятии и составление интересных лексических упражнений, которые помогут вызвать интерес к изучаемой теме и мотивировать к дальнейшему изучению современного английского языка.

Тексты должны носить проблемный характер, быть оригинальными, познавательными, отражающими современные реалии, интересными для молодежи.

В преподавании иностранного языка в неязыковом вузе часто используются тексты различных жанров газетно-публицистического

стиля. Специфика информации в рамках данного стиля определяется ее предназначенностью для широкой аудитории. В публицистическом стиле имеется большой выбор лингвистических, композиционных и социокультурных особенностей. Так, в лингвистическом плане именно данный стиль оперативно регистрирует возникновение новых слов и выражений, заимствования и специфические сокращения, изобилует интернационализмами [9].

При работе с аутентичным публицистическим текстом на занятии по английскому языку (под аутентичным текстом мы понимаем тексты, заимствованные из коммуникативной практики носителей языка, отражающие естественные ситуации повседневного общения и являющиеся образцом живой разговорной речи) учащимся обязательно встретится современная лексика, вошедшая в их родной язык. Аутентичный текст готовит учащихся к практике устного общения на иностранном языке. За счет насыщенности фактами иной культуры он повышает мотивацию вообще и интерес к слову с культурным компонентом значения в частности. Аутентичный контекст способствует развитию языковой догадки и чувства языка, стимулирует познавательную активность учащихся [10].

Студенты Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого чаще всего работают с аутентичными текстами в ходе подготовки к домашнему чтению. Преподаватели стараются подобрать для учащихся интересные, познавательные тексты, опираясь на изучаемый материал, представленный в учебнике. В *Приложениях* к статье в качестве примера приведен текст об увлечении покупками, в котором присутствуют оригиналы многих заимствованных слов.

В этом тексте рассказывается о том, почему возникает непреодолимая тяга к покупкам и как справиться с этой пагубной привычкой. Читая его, студенты сталкиваются с такими заимствованиями, как *шопинг* (shopping), *шопоголизм* (shopaholism), *селебрити* (celebrity), *герлфренд* (girlfriend). Можно предложить учащимся выписать все встречающиеся в тексте англицизмы, перевести их и попробовать объяснить, в одинаковом ли значении то или иное слово заимствовано в родной язык из языка-оригинала. Так, английское слово «shopping» означает «хо-

дить по магазинам, делать покупки» (в родном языке оно означает то же самое — «посещение магазинов с целью покупки товаров»), слово «shopaholism» — «зависимость от покупок, необдуманное совершение покупок». Слово «селебрити» вошло в русский язык недавно и переводится как «знаменитость» (оно употребляется в основном по отношению к людям, часто упоминающимся в СМИ). Заимствование «герлфренд» переводится как «подружка, возлюбленная» и используется наряду с похожим заимствованием мужского рода — бойфренд (boyfriend).

В аутентичных текстах встречаются уже привычные и широко распространенные (освоенные) в речи англицизмы, такие как *хобби* (hobby) — «увлечение или любимое занятие на досуге» или *имейл* (e-mail) — от словосочетания «electronic mail» — «электронная почта, электронное письмо, электронное сообщение». Можно встретить в них термины, например: *пинг-понг* (ping-pong), или настольный теннис (происхождение этого англицизма и вовсе необычное, звукоподражательное — от ударов мяча о стол); *бестселлер* (bestseller) — «наиболее продаваемая книга»; *блокбастер* (blockbuster) — «очень популярный и успешный продукт в киноиндустрии»; *спонсор* (sponsor) — «человек или организация, которые оказывают финансовую поддержку физическим и юридическим лицам»; *дайвинг* (diving) — «подводное плавание со специальным снаряжением»; *уик-энд* (weekend) — «выходные»; *саммит* (summit) — «переговоры на высшем уровне»; *слоган* (slogan) — «легко запоминающийся рекламный текст»; *Интернет* (Internet) — всемирная компьютерная система и другие англицизмы.

В используемых на занятиях по английскому языку аутентичных текстах можно встретить и много полуосвоенных англицизмов, т. е. не слишком распространенных, вошедших в русский язык недавно, например: *кокпит* (cockpit) — «кабина самолета»; *шопер* (shopper) — «консультант по одежде», своего рода имиджмейкер; *смузи* (smoothie) — «сладкий густой фруктовый или овощной напиток с добавлением сока»; *тревеливинг* (traveliving) — «жизнь в путешествии, возможность путешествовать без четких планов и расписаний, без суеты и спешки, почувствовать себя местным жителем в каждом посещаемом месте и увидеть мир та-

ким, какой он есть на самом деле»; *даунишфтинг* (downshifting) — «сознательный отказ от карьеры, выбор менее престижной и оплачиваемой работы, желание жить ради себя или своей семьи» (изначально это слово относилось к автомобильным терминам и означало «переключение автомобиля на более низкую передачу»); *бэкекинг* (backpacking) — «вид путешествия и в то же время стиль жизни, предполагающий самостоятельные экономные путешествия, свободу передвижения, желание побывать в нераскрученных с туристической точки зрения местах», это альтернатива стандартному туризму, чем-то напоминает популярный в нашей стране туристский поход.

Слово «вау» (wow), относящееся к иноязычным вкраплениям и позволяющее выразить эмоциональное состояние, имеет лексический эквивалент, но стилистически от него отличается: «вау» может быть переведено как «Ого! Ух, ты! Ничего себе!» Еще один не всем знакомый англицизм — *стоповер* (stopover) — «транзитная остановка», т. е. промежуточная остановка в пути, которая длится более суток. Стоповер помогает с пользой провести время в городе транзита: прогуляться по городу и познакомиться с его достопримечательностями.

Конечно же, в аутентичных текстах встречаются и неосвоенные англицизмы, слова, которые находятся в процессе вхождения в русский язык, например: *хоумситтер* (homesitter) — «сторож-смотритель дома или квартиры», специально нанятый человек, который в ваше отсутствие за определенную плату живет у вас дома и присматривает за вашим домом и домашним хозяйством; *трендсеттер* (trendsetter) — своего рода законодатель мод, «инноватор, хорошо улавливающий новые идеи и первым внедряющий их в массовое использование». Абсолютно новый термин — «стэйкейшн» (staycation или stay-at-home vacation) — «отпуск, когда вы никуда не едете, а проводите его дома или недалеко от дома, изучая уже знакомые окрестности и наслаждаясь уже знакомыми достопримечательностями». Как правило, такое проведение отпуска связано с отсутствием денег на поездку в другое место.

Чтобы познакомить студентов с модной лексикой, заимствованной родным языком, преподаватель может составить для них интересные упражнения, которые пополнят сло-

варный запас и помогут учащимся узнать как можно больше оригиналов современных заимствований (примеры упражнений см. в *Приложениях* к статье).

Например, в упражнении 1 по теме «Travel» студентам предлагается соотнести слова в левой колонке с их русскими значениями в правой колонке; в упражнении 2 — найти синонимы; в упражнении 3 — сделать множественный выбор; в упражнении 4 — написать англицизмы по-английски и дать их определения по-русски или по-английски; в упражнении 5 — составить список англицизмов, относящихся к какой-либо конкретной области, написать эти слова в оригинале и дать определения некоторых из приведенных слов.

Одной из сильных сторон разработанных упражнений является то, что они не требуют никакой дополнительной подготовки от студентов, преподаватель может использовать как весь комплекс материалов, так и отдельно взятые задания в группах от начального до продвинутого уровня владения английским языком.

Подводя итог проведенного анализа оригиналов англицизмов с целью полного раскрытия вопроса работы с этим явлением, хотелось бы отметить, что, несмотря на неизбежность процесса заимствования из других языков, среди ученых до сих пор ведется полемика об их необходимости в речи народа-носителя: одни полагают, что это естественный процесс, другие считают, что чрезмерное употребление иностранных слов приводит к засорению речи. Безусловно, данное мнение справедливо. Так, например, человеку неподготовленному, не владеющему иностранным языком, смысл текста, где автор в избытке использует такие слова, как лайк, селфи, юзер, трафик, коуч, флэшмоб, свитшот, хэндмэйд, бренд, рафтинг, шопинг, велнес и другие заимствования, будет не полностью понятен. В последнее время публицистические журналы, газеты, интернет-издания, авторы новостных передач не заботятся о том, понимает ли их читатель или слушатель, и в погоне за трендом, желая звучать современно, используют в своей лексике чрезмерное количество иностранных заимствований, в частности из английского языка [11].

Такие действия вызывают обратную реакцию у лингвистов. Современные противники заимствования лексических единиц, делая ис-

ключение для исторических иноязычных слов, выступают против каких-либо заимствований, требуют искоренить их [12].

Выводы. Как уже отмечалось, язык — это живой организм, он, как губка, берет то, что ему необходимо, и избавляется от уже ненужных и не функционирующих элементов. Можно привести интересный пример. Эпоха правления Петра I в лингвистике также ознаменовалась как период больших заимствований. В то время говорили не «победа», а «виктория», не «удовольствие», а «плезир», не «путешествие», а «вояж», не «вежливость», а «политес» [11]. В лексиконе современного человека мы вряд ли услышим такие замещения. Следовательно, слова не выдержали испытания временем и больше не функционируют в языке.

На наш взгляд, вопрос о заимствованиях состоит не в том, хороши они или нет, а в том, насколько их смысл правильно донесен до слушателя или читателя. Отсутствие такого объяснения приводит к автоматическому использованию слов, без полного их понимания. В этом состоит задача педагога и преподавателя, в особенности преподавателя иностранного языка высшей школы, где контингент учащихся — взрослые молодые люди: предоставить возможность студентам разобраться и понять, к чему они апеллируют и что на самом деле имеют в виду, используя то или иное «модное» слово/словосочетание в своей речи.

Таким образом, процесс заимствования в языке — это процесс естественный и неизбежный, это результат культурных, социальных, экономических изменений и международного сотрудничества. Заимствованная лексика пополняет словарный запас родного языка, описывает новые явления, помогает более полно и точно выразить какое-либо понятие.

Задача преподавателей иностранного языка — использовать самим и научить студентов использовать такие языковые явления грамотно и с пониманием. Работа, направленная на изучение оригиналов современных англицизмов на занятиях по английскому языку в приведенных ниже, а также в аналогичных упражнениях и текстах, не только поможет студентам звучать модно, современно, быть в тренде происходящих событий, но и расширит их кругозор, повысит культурный уровень.

Приложения

Текст

Страсть к покупкам

“Shopaholism” is a recognized addiction along with, for example alcoholism. Sometimes the desire to copy celebrity lifestyles leads people to excessive spending. So-called WAGS — football players’ wives and girlfriends shock ordinary people with their spending habits...

Why do we love shopping so much? Shopping helps to reduce stress levels. People shop to reward or comfort themselves [13].

If your wardrobe is full of clothes or shoes you’ve never worn, you may have a shopping addiction. Many people go shopping when they’re in a bad mood. What happens when your shopping habits get out of control?

Упражнение 1

Match the words in the left-hand column with their Russian definitions in the right-hand column:

1. downshifting (дауншифтинг)	а) жизнь в постоянном, самостоятельном путешествии, кочевой образ жизни на современный лад; готовность уехать с постоянного места жительства ради долгих, неспешных путешествий и увидеть мир таким, какой он есть на самом деле
2. traveliving (тревеливинг)	б) путешествие с рюкзаком; это своего рода стиль жизни, предполагающий самостоятельные экономные путешествия, свободу передвижения и желание побывать в нераскрученных с туристической точки зрения местах
3. backpacking (бекпекинг)	с) образ жизни, который выражается в сознательном отказе от карьеры, в стремлении жить ради семьи, обрести смысл жизни, оздоровиться физически и духовно, сменить обстановку, вести более простую жизнь где-нибудь вдали от цивилизации
4. hitchhiking (хитчхайкинг)	д) присмотр за домом/квартирой и домашним хозяйством с проживанием в период временного отсутствия хозяев; предполагает путешествие в другой город/деревню или страну и пребывание там какое-то время, пока хозяева находятся в отъезде
5. homesitting (хоумситтинг)	е) путешествие автостопом (бесплатное пользование попутными машинами)
Answers (ответы): 1с; 2а; 3б; 4е; 5д	

Упражнение 2

Find Russian synonyms for the following words /

Найдите русские синонимы к следующим словам:

1. lifehack (лайфхак)
2. freelancer (фрилансер)
3. biopic (байопик)
4. promotion (промоушн)
5. deadline (дедлайн)
6. boss (boss)
7. тьютор (tutor)
8. пати (party)
9. менеджер (manager)

Answers (ответы):

1. совет, прием, способ
2. внештатный сотрудник
3. фильм-биография
4. продвижение
5. крайний срок
6. начальник
7. наставник, личный куратор учащегося
8. вечеринка, тусовка
9. управленец, руководитель

Упражнение 3

Choose the correct variant / Выберите правильный вариант:

1. *startup* (стартап)
 - а) новый бизнес/проект, только что созданная компания, находящаяся на начальной стадии развития
 - б) начальная школа
 - с) инновации в области косметологии
2. *surfing* (серфинг)
 - а) путешествие на лодке
 - б) катание по волнам на специальных досках
 - с) катание с горки
3. *crowdfunding* (краудфандинг)
 - а) финансирование инновационных проектов богатыми спонсорами
 - б) создание финансового отдела
 - с) народное финансирование проектов и идей, сбор денежных средств на добровольных началах, как правило, через Интернет.
4. *smoothie* (смузи)
 - а) мягкое мороженое
 - б) густой напиток из смешанных в блендере или миксере ягод, фруктов или овощей с добавлением сока
 - с) безалкогольный газированный напиток

5. *jetlag* (джетлаг)

- а) синдром смены часового пояса, изменение привычного хроноритма
- б) отдых в другом климате
- с) долгий перелет

6. *cleaning* (клининг)

- а) уборка в квартире собственными силами
- б) очищение организма
- с) профессиональная уборка, которую делают специализированные компании

7. *casting* (кастинг)

- а) прослушивание, пробы, отбор претендентов на роль/конкурс/ в шоу
- б) принадлежность к определенному сословию
- с) спортивные соревнования

Answers (ответы):

1а; 2б; 3с; 4б; 5а; 6с; 7а.

Упражнение 4

Write the following anglicisms in English and give their definitions in Russian or in English.

Рафтинг, хедхантинг, ньюсмейкер, хедлайнер, мейнстрим, геймер, спонсор, прайм-тайм, риелтор, провайдер, секонд-хенд, коворкинг, прайс-лист, маркетинг, холдинг, бестселлер, гаджет, дисплей, рейтинг, кемпинг.

Example:

Мейнстрим — mainstream — мода на определенные вещи, поведение; преобладающее направление в какой-либо области; тенденции, популярные в обществе.

Прайм-тайм — prime-time — самое удобное, лучшее время, когда у экранов собирается наибольшая аудитория.

Упражнение 5

Make a list of anglicisms relating to any particular area and write all these words in the original. Give Russian definitions of some of the words:

1. Anglicisms relating to the fashion industry:
 - трендсеттер — trendsetter (тот, кто устанавливает направление, тенденцию в моде)
 - бренд — brand
 - дресс-код — dress-code
 - сэйл — sale
 - имидж — image
 - тренчкот — trench coat (плащ-дождевик)
 - лейбл — label

хэндмейд — handmade
фэшн шоу — fashion show
2. Anglicisms relating to sport:
скейтборд — skateboard
рафтинг — rafting
керлинг — curling
фристайл — freestyle
фитнесс — fitness

виндсерфинг — windsurfing
армрестлинг — arm wrestling
плей-офф — playoff (олимпийская система — в спортивных соревнованиях — система розыгрыша, при которой участник соревнования выбывает из турнира сразу после проигрыша)
овертайм — overtime (дополнительное время, назначаемое для определения победителя)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко С.А. Англицизмы в современном русском языке: что и зачем заимствуется // Изв. Иркут. гос. экон. акад. 2012. № 2. С. 232–235.
2. Горощко О.Н., Труфанова В.П. Заимствование англицизмов в современном русском языке // Наука и современность. 2014. № 29. С. 221–226.
3. Балакина Ю.В., Висилицкая Е.М. Англоязычные заимствования экономической тематики в вербальном лексиконе русской языковой личности в период глобализации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 29–34.
4. Косенко Е.И. К вопросу об англицизмах в современном русском языке // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2015. № 4, т. 1. С. 137–140.
5. Домченко Е.А. Заимствования как процесс изменения языка // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 1209–1212.
6. Дьяков А.И., Золотарева Е.А. Адаптационная модель англицизмов // Науч. исслед.: от теории к практике: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 3 (9). Чебоксары: Изд-во ЦНС «Интерактив плюс», 2016. 348 с. С. 245–255.
7. Чеклецова Е.И. Современные заимствования из английского языка в речи представителей молодежной культуры // Урал. филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2015. Вып. 1. С. 175–182.
8. Коттина А. Быть здоровым во всех отношениях. Здоровье в тренде // Женские секреты. 2016. № 7-8. С. 11–12.
9. Андронкина Н.М. Обучение немецкому языку как специальности на материале текстов публицистического жанра «интервью» // Традиции и инновации в методике обучения иностран. яз. СПб.: Каро, 2007. 286 с. С. 52–69.
10. Трубицына О.И. Использование юмористических текстов на уроке немецкого языка в средней школе // Традиции и инновации в методике обучения иностран. яз. СПб.: Каро, 2007. 286 с. С. 204–218.
11. Плюсы и минусы заимствования. URL: <http://www.hintfox.com> (дата обращения: 19.01.2017).
12. Причины и последствия заимствования иностранных слов для развития русского языка. URL: <http://www.km.ru> (дата обращения: 19.01.2017).
13. Are you in need of some retail therapy? // Moneywise. 2007. № 9. С. 12–13.

БЕЛИНА Наталья Викторовна — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; tdf3@mail.ru

КИСЕЛЁВА Зоя Арсеновна — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; zoia@rambler.ru

БОЖИК Святослава Любомировна — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; svyatoslava@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 24.01.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

- [1] S.A. Boyko, [Loanwords in modern Russian: what is borrowed and why], News of Irkutsk State Economic Academy, 2 (2012) 232–235.
- [2] O.N. Goroshko, V.P. Trufanova, [Borrowing of anglicisms in Modern Russian], Science and modernity, 29 (2014) 221–226.

[3] Yu.V. Balakina, E.M. Visilitskaya, [English-language loanwords of economic topics in the verbal lexicon of the Russian language personality in the period of globalization], Bulletin of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication, 2 (2014) 29–34.

[4] E.I. Kosenko, [Issues of anglicisms in modern Russian], Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 4 (1) (2015) 137–140.

[5] E.A. Domchenko, [Loanwords as a matter of language change], Young Scientist, 10 (2016) 1209–1212.

[6] A.I. Dyakov, E.A. Zolotareva, [Adaptation model of Anglicisms], in: Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konf. [“Scientific research from theory to practice”. Proc. of the Intern. scientific and practical conf.], no. 3 (9), TsNS «Interaktiv plus» Publ., Cheboksary, 2016, pp. 245–255.

[7] E.I. Chekletsova, [Modern loanwords from the English language in the speech of representatives of youth culture], Urals Philological Bulletin. Language. System. Personality: the linguistics of the creative, 1 (2015) 175–182.

[8] A. Kottina, [Be healthy in all respects. Health in trend], Women’s secrets, 7-8 (2016) 11–12.

[9] N.M. Andronkina, [Learning the German language as a specialty on the material of the texts of the journalistic genre “interview”], in: Traditsii i innovatsii v metodike obucheniya inostrannym yazykam [Traditions and innovations in the teaching of foreign languages], Karo, St. Petersburg, 2007, pp. 52–69.

[10] O.I. Trubitsyna, [Use of humorous texts in a German language lesson in high school], in: Traditsii i innovatsii v metodike obucheniya inostrannym yazykam [Traditions and innovations in the teaching of foreign languages], Karo, St. Petersburg, 2007, pp. 204–218.

[11] [Pros and cons of linguistic borrowing]. Available at: <http://www.hintfox.com> (accessed 19.01.2017).

[12] [The causes and consequences of borrowing foreign words for the development of the Russian language]. Available at: <http://www.km.ru> (accessed 19.01.2017).

[13] Are you in need of some retail therapy? Money-wise, 9 (2007) 12–13.

BELINA Natal’ya V. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; tdf3@mail.ru

KISELEVA Zoya A. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; zoya@rambler.ru

BOZHIK Svyatoslava L. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; svyatoslava@yahoo.com

Received 24.01.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8211
УДК 378.034

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ ЧУВСТВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ

А.В. Гаврилова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Появление в жизни студентов современных электронных устройств (гаджетов), с одной стороны, упрощает получение ими информации, а с другой — осложняет работу преподавателя, так как теперь определить степень самостоятельности написания учащимися тестов и контрольных работ стало очень нелегко. Цель настоящего исследования — выявить способы формирования у студентов чувства ответственности за добросовестное выполнение тестовых заданий. Путем анкетирования преподавателей была определена степень их обеспокоенности проблемой списывания. Оно показало, что больше всех обеспокоены этим преподаватели иностранного языка. Анкетирование студентов позволило узнать их отношение к списыванию, его причины и способы, а воспитательные беседы — выявить мотивы отказа от недобросовестного выполнения заданий. Большинство студентов считают списывание ответа у товарища, пользование Интернетом во время тестирования и контрольных работ нормальным явлением. Основным мотивом отказа от списывания оказалась перспектива выйти из вуза неквалифицированным специалистом. Исследование позволило сделать следующий вывод: со списыванием можно и нужно бороться, например путем проведения со студентами воспитательных бесед по формированию у них чувства ответственности.

Ключевые слова: иноязычное обучение; тестирование; электронные устройства; списывание; ответственность; воспитательная работа

Ссылка при цитировании: Гаврилова А.В. Формирование у студентов чувства ответственности за добросовестное выполнение тестовых заданий // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 99—106. DOI: 10.18721/JHSS.8211

CREATING THE SENSE OF RESPONSIBILITY IN STUDENTS AS A MEANS OF PREVENTING CHEATING

A.V. Gavrilova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Different modern electronic gadgets, on the one hand, help students in their life and study to get information. On the other hand, these gadgets make it difficult for professors to get true results of tests and exams as it is impossible to guarantee that students do them without any help. The study got the following results: foreign language teachers show the most concern for the cheating problem; students' survey shows that most students

cheat in exams using electronic gadgets and they are not ashamed of that. It means they do not correlate cheating and responsibility. Educational talks revealed the main reason for rejecting cheating: students are afraid of being unqualified specialists after graduating. Cheating could be beaten only by forming the sense of inner responsibility in the student's mind.

Keywords: foreign language teaching; testing; gadgets; cheating; sense of responsibility; educational work

Citation: A.V. Gavrilova, Creating the sense of responsibility in students as a means of preventing cheating, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 99–106. DOI: 10.18721/JHSS.8211

В современном обществе происходит размывание этических понятий и нравственных категорий. Последствия этого явления наблюдаются во всех сферах жизни — в семье, образовательных учреждениях, социальной сфере. Как полагает Д.Н. Глухов, отсутствие у молодежи понятий «что хорошо, а что плохо» можно объяснить тем, что она получает много информации деструктивного характера из средств массовой информации. В передачах и программах основное внимание часто уделяется развлечению, а воспитательный потенциал не используется [1, с. 408]. В вузе это проявляется в безответственном выполнении студентами тестов и контрольных работ, проще говоря, в списывании. По мнению Е.Д. Шмелевой, «широкое распространение академического мошенничества, а также преобладание терпимого к нему отношения среди студентов вузов влечет за собой множество негативных последствий, как для всей системы высшего образования, так и для индивидуального образовательного опыта студентов» [2, с. 85]. Всё это в итоге ведет к снижению уровня компетентности выпускников, а следовательно, и к снижению рейтинга образовательных учреждений.

Как отмечает Е.С. Малков, списывание — это «действительно серьезная проблема — списывающий ученик/студент получает оценку выше, нежели он заслуживает, что приводит к снижению конкуренции в образовании, подрыву стимулов к обучению и в конечном счете к неэффективному функционированию образовательной системы» [3, с. 1]. Именно поэтому вуз должен быть местом, где происходит не только обучение, но и воспитание молодых людей посредством сотрудничества с преподавателями. Положительный пример преподава-

телей, а также целенаправленная воспитательная работа могут сыграть существенную роль в формировании у студентов чувства ответственности.

Учебный процесс в вузе в течение семестра можно условно разделить на два неравнозначных периода: первый — это сотрудничество преподавателей и студентов в процессе передачи знаний (обучения), а второй — период зачетов и экзаменов (проверка полученных знаний). Если в первом периоде наблюдается гармоничное единение участников процесса обучения, то во втором периоде преподаватели и студенты оказываются, образно говоря, «по разные стороны баррикады». Цель студента — сдать тесты, зачеты, экзамены любой ценой, преподавателю же важно получить объективный результат.

С проблемой списывания преподаватели сталкивались всегда, но в настоящее время, при стремительном росте числа самых разнообразных электронных устройств, она становится практически неразрешимой. Этой проблемой озабочены и иностранные преподаватели, работающие в российских вузах по контракту. А. Милкус в статье «Дожили! Отчисление за списывание — теперь выдающееся событие?» приводит пример отчисления двух студентов из Высшей школы экономики за подлог во время сдачи экзаменов. Поражает в этой статье реакция одного из студентов на случившееся: «Университет — не церковная школа, студентов тут учат не морали, а жизни, и дают необходимые для этой жизни знания. Отчисление умного студента за аморальное поведение — глупость, честные люди в России в экономической сфере не работают или работают, но ничего никогда не добьются» [4]. И с подобным мнением согласны многие студенты.

Е.Д. Шмелева в своем исследовании приводит такие данные: только 12 % студентов не толерантны к списыванию и всего 2 % считают наказание за это справедливым [2, с. 85]. Иностранцы преподаватели, сталкиваясь с этим явлением, поражены масштабами списывания в российских вузах. Н. Мартин, преподаватель из Шотландии, отмечает, что в британском вузе списывание для студентов неприемлемо. Там за это грозит наказание, вплоть до отчисления, без права апелляции и продолжения учебы в другом вузе [5].

Как мы видим, списывание — это следствие безответственного поведения студентов. По мнению В.П. Прядина, причиной отказа индивида выполнять ответственные действия может быть и недостаточная сформированность ответственности как внутренней необходимости. Нужно уделять больше внимания формированию у него чувства ответственности¹. М.В. Борцова определяет *ответственность* как «интегральное свойство личности, проявляющееся в осознанном, инициативном, самостоятельном поведении, которое служит основанием личности, механизмом организации жизнедеятельности человека, во многом определяющим его успешность» [6, с. 5]. В этой трактовке ключевое выражение — «самостоятельное поведение». В трактовке К. Муздыбаева, ответственность — это один из показателей зрелости личности, и процесс формирования всесторонне развитой личности будет неполным, если в нем нет места развитию чувства долга и ответственности [7]. Поскольку проблема списывания существует, можно сделать вывод, что у студентов либо не сформировано чувство ответственности, либо они не осознают, что списывание является безнравственным поступком, по сути, обманом.

Для достижения поставленной цели, т. е. формирования чувства ответственности, следует понимать, какие чувства необходимо затронуть, чтобы добиться успеха. По словам В.А. Сухомлинского, «воспитание подростка — как детей, так и взрослых — совершается только тогда, когда есть самовоспитание. А самовоспитание — это человеческое достоинство

в действии, это могучий поток, который движет колесо человеческого достоинства. Настоящее мастерство воспитания подростка — дать ему возможность самому подумать, как воспитывать себя, как стать лучше, как бороться за самого себя, преодолевая трудности, переживая радость победы» [8, с. 49]. Самовоспитание основывается на любви к себе и самоуважении. «Без уважения к себе нет моральной чистоты и духовного богатства личности» [Там же. С. 32]. Очевидно, что необходимо воспитывать у студентов чувство самоуважения, донести до их сознания, что списывание — это проявление неуважения не только к преподавателю, но и к себе. Идеи В.А. Сухомлинского поддерживают Р.Л. Солсо и М.Н. Маклин, которые считают, что существенное значение имеет внутренняя ответственность личности за поведение и мысли, т. е. самоконтроль, самооценка, самоуправление [9, с. 295].

Проведенное нами исследование в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого должно было решить следующие задачи: 1) выявить отношение преподавателей к проблеме списывания; 2) определить, сколько (в процентах) студентов списывают и пользуются электронными устройствами в процессе написания контрольных работ и сдачи экзаменов, какая часть учащихся считают себя ответственными людьми; 3) выявить мотивы, которые побудили бы их отказаться от списывания.

Преподавателям разных кафедр Политехнического университета было предложено заполнить анкету (см. *Приложения* к статье). В исследовании приняли участие 38 человек: 7 преподавателей математики, 11 преподавателей физики и 20 преподавателей иностранного языка. Их ответы на два самых важных, с нашей точки зрения, вопроса следующие: списывание считают проблемой 86 % преподавателей математики, 54 % преподавателей физики и 95 % преподавателей иностранного языка; связывают списывание с несформированным чувством ответственности соответственно 71, 54 и 80 % опрошенных.

Результаты анкетирования показывают, что большинство преподавателей озабочены проблемой списывания. Они также согласны с утверждением, что списывание является результатом несформированного чувства ответст-

¹ Прядин В.П. Ответственность как системное качество личности. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. 209 с.

венности. Самую высокую заинтересованность и озабоченность проблемой продемонстрировали преподаватели иностранного языка. В силу особенностей обучения иностранному языку самой распространенной формой контроля является тестирование, и здесь остро стоит проблема несамостоятельного написания тестов. Они создаются преподавателями в соответствии с программой обучения и регулярно обновляются. Однако не первый год складывается такая ситуация: в первой половине тестовой недели преподаватели получают достаточно объективную картину знаний, а во второй ее половине результаты работ далеки от реальной ситуации в группе. Объяснение этого явления очень простое: ответы к тестам студенты находят в социальных сетях.

Следует отметить, что количество принявших участие в опросе преподавателей математики и физики (соответственно 7 и 11, а на кафедры было выдано по 20 анкет) показывает нежелание их сотрудничать и низкую социальную активность. Но если преподаватель демонстрирует незаинтересованное отношение к процессу воспитания студентов, то неудивительно, что и студенты относятся к учебе формально. Роль преподавателя в формировании ответственности студента невозможно переоценить. Ю.В. Шафигуллина считает, что профессиональная деятельность преподавателя обеспечивает положительный результат в формировании у студентов чувства ответственности. По ее мнению, преподаватель должен: уметь заинтересовать студентов своим предметом, обладать высокой эрудицией и владеть методическими приемами; проявлять самодисциплину и обязательность; строго, но справедливо оценивать знания студентов; проявлять личные гуманные качества, выражая готовность помочь студентам в возможных затруднениях [10, с. 229]. К сожалению, руководство вузов не уделяет должного внимания воспитанию учащихся. Вся деятельность преподавателя направлена на учебный процесс, на научную и методическую работу, результаты же педагогической и воспитательной деятельности никак не учитываются.

Распространение «вируса» списывания наблюдается в 1-м семестре у студентов 1-го курса. Приведем самый яркий пример одной из групп (аналогичная ситуация, хотя и не такая вопиющая, складывается во многих группах).

Результаты промежуточного теста (октябрь) прошлого года в группе из 22 человек были следующие: 13 — «неудовлетворительно», 8 — «удовлетворительно», и 1 — «хорошо». Эти результаты объективно отражают низкий уровень знания иностранного языка у студентов в данной группе. Итоговый тест (декабрь) в этой же группе: 20 — «отлично» и 2 — «хорошо». Результаты совершенно не отражают истинное положение дел, хотя никто не списывал с электронных или других носителей (преподаватель неотрывно следил за ходом выполнения теста). Создается впечатление, что студенты просто выучили ответы наизусть. Ответы к тестам, выложенные в Интернете каким-нибудь отличником или человеком, добывшим их нечестным путем, становятся общедоступными. Устный опрос показал, что большинство студентов, получивших положительные оценки за тест, не способны даже понять задание. Можно сделать неутешительный вывод из этого наблюдения: к концу 1-го семестра обучения в вузе студенты «на отлично» осваивают систему списывания.

Таким образом, борьба со списыванием привычными средствами контроля, а именно путем изымания у учащихся мобильных телефонов и гаджетов, не эффективна. Необходимо изменить сознание студентов, показать, что списывание — это отражение их безответственности, проявление неуважения к себе и к преподавателю, побудить студентов сознательно относиться к учебе как к основному виду их деятельности на данном этапе жизни. И эта задача тоже возлагается на преподавателя, поскольку, по мнению Е.Д. Шмелевой, «преподаватели играют существенную роль в формировании образовательной среды, благоприятной или неблагоприятной для академического мошенничества, задавая „правила игры“, а также степень обязательности их исполнения» [2, с. 88].

Вторая задача исследования состояла в выявлении истинного положения дел со списыванием, и для ее решения был проведен анонимный опрос среди студентов, в котором приняли участие 187 учащихся 1-го и 2-го курсов ИКНТ, ИФНиТ и ИПММ. Им было предложено заполнить анкету (см. *Приложения* к статье).

Нас особенно интересовали ответы студентов на вопросы, непосредственно относящиеся к проблеме списывания и осознания

ими своей ответственности. Результаты ответов следующие:

- с утверждением «Мне стыдно, когда я списываю у соседа» не согласны 51 % опрошенных, а 28 % отметили «Не уверен»;
- на утверждение «Перед экзаменом или тестом я заранее готовлю шпаргалки» положительный ответ дали 37 %; «Не уверен» отметили 28 %;
- «Я списываю при выполнении контрольных работ и тестов, так как мне важно просто сдать сессию» — соответственно 43 и 32 %;
- «Общение с товарищами во время написания контрольных работ с помощью электронных устройств очень помогает» — соответственно 32 и 28 %;
- «Я часто пользуюсь Интернетом во время написания тестов и контрольных работ» — соответственно 20 и 40 %;
- «Цель учебы в университете — получить диплом, знания получу на практике» — соответственно 16 и 48 %;
- «Я считаю себя ответственным человеком» — соответственно 59 и 20 %.

Обратим внимание на следующее: большой процент ответов «Не уверен» говорит о том, что студенты даже при анонимном опросе боятся признаться самим себе, что совершают неблагоприятные поступки. Представляется оправданным для получения более полной картины суммировать проценты ответов «Да» и «Нет» и ответов «Не уверен». Опрос показал, что студенты активно используют электронные устройства и Интернет при написании тестов и сдаче экзаменов, а также что у них не сформировано нравственное понятие ответственности: 51 % (79 %) при списывании не испытывают чувство стыда, в то же время ответственными себя считают 59 % (79 %) респондентов. Очевидно, что для большинства студентов «ответственность» — это абстрактная категория, не имеющая никакого отношения к списыванию при обучении в университете. Полученные нами данные согласуются с результатами масштабного исследования, проведенного кафедрой социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации: индифферентную и одобряющую позицию по отношению к списыванию высказали 74 % опрошенных, факт распространенности списывания на экзаменах подтверждают 59 % студентов [11, с. 11].

На третьем этапе исследования мы стремились выявить мотивы, которые побудили бы студентов отказаться от списывания, и обратить их внимание на такие нравственные категории, как сознательность, ответственность, саморазвитие и самовоспитание, самоуважение, уважение преподавателя и интеллектуальной собственности товарищей по группе, сокурсников. Из предлагаемых В.А. Сластёниным методов для осуществления образовательно-воспитательных задач мы выбрали методы, наиболее подходящие для решения нашей задачи по формированию чувства ответственности, а именно методы формирования сознания в целостном педагогическом процессе (рассказ, объяснение, беседа, лекция, учебная дискуссия, диспут, работа с литературой, метод примеров) [12]. На этом этапе преподаватель в каждой студенческой группе перед началом написания теста проводил беседу-опрос. Учащимся было предложено выбрать тот из мотивов, который больше всего повлиял бы на решение не списывать во время выполнения контрольных работ и сдачи экзаменов, и свой выбор отметить на опросном листе цифрой 1, 2 или 3.

Первый мотив — присвоение (воровство) интеллектуальной собственности. Любая самостоятельная работа является вашим интеллектуальным достижением или достижением вашего товарища. Написав работу самостоятельно, вы можете гордиться своими успехами или понять (в случае неуспешного написания), какие пробелы имеются у вас в этой области знаний, и впоследствии восполнить их. Списывая у товарища, вы «присваиваете» себе его интеллектуальное достижение (проще говоря — воруете) и не получаете объективной оценки своих знаний.

Второй мотив — это в ближайшей перспективе негативная реакция со стороны преподавателя. Любой преподаватель примерно на 90 % знает способности и возможности каждого студента. И если студент, который объективно плохо знает предмет, вдруг напишет тест на «отлично», у преподавателя возникнут подозрения по поводу честности его написания и, чтобы подтвердить положительную оценку учащегося, он может провести устный опрос и выявить подлинный уровень знаний.

Третий мотив — проблемы в дальней перспективе. Результаты контрольных работ, во

время которых студент списывал у товарища или пользовался электронными устройствами, искажают истинную картину его компетенции. В итоге из стен вуза выйдет неквалифицированный специалист, который в процессе работы может допустить производственные ошибки, могущие в некоторых областях промышленности привести к катастрофам и человеческим жертвам. Такой «специалист» не будет иметь карьерного роста и, следовательно, достойного материального вознаграждения.

Для анализа предпочтений студентов при выборе указанных мотивов был опрошен 151 человек. Статистические данные по выбору студентами мотивов для честной работы во время тестирования следующие:

- «присвоение интеллектуальной собственности» – 35 %;
- «негативная реакция со стороны преподавателя» – 14 %;
- «возможность стать неквалифицированным специалистом» – 77 %.

Как видно из результатов проведенного опроса, для большинства студентов основным мотивом является опасение выйти из стен вуза неквалифицированным специалистом (сумма процентов превышает 100 %, так как некоторые учащиеся отметили не один, а два мотива). Эти данные можно использовать при подготовке воспитательных бесед и других мероприятий по формированию у студентов чувства ответственности.

Исследование показало, что в вуз поступают молодые люди, у большинства из которых недостаточно сформировано чувство ответственности, и эту задачу нужно решать преподавателям вуза. Можно надеяться, что усилия дадут положительные результаты, поскольку, с точки зрения Л.И. Божович, ответственность, как и волевые качества, не дана от рождения, а проходит этап активного становления в ситуациях, требующих ее проявления. Способностью предвидеть конечный результат действий и поступков, брать на себя ответственность и руководить своими действиями обладают далеко не все зрелые, сформировавшиеся личности [13, с. 211].

Поскольку исследование было проведено с участием ограниченного контингента студентов 1-го и 2-го курсов ИКНТ, ИФНиТ и ИПММ, мы не можем экстраполировать эти результаты

на всех студентов университета. Однако, исходя из них, мы считаем целесообразным рекомендовать в рамках борьбы со списыванием принятие определенных мер на всех уровнях университетской жизни.

На уровне университета необходимо рассмотреть вопрос о возможности подписания студентами договора об ответственности за пользование чужой интеллектуальной собственностью (списывание у товарища) и обман преподавателей при выполнении тестов, контрольных работ, а также при сдаче экзаменов. Отметим, что подобные договоры общеприняты в некоторых колледжах США, например в колледже Св. Олафа в Миннеаполисе (штат Миннесота). При поступлении в этот колледж студенты подписывают договор, согласно которому обязуются не нарушать правила проведения контрольных работ и экзаменов, а также сообщать администрации колледжа о нечестной работе своих товарищей². Если последнее обязательство едва ли можно применить в российских вузах, то сам договор, в принципе, является, на наш взгляд, весьма актуальным.

На уровне кафедр необходимо поддерживать преподавателей, борющихся со следствием безответственного отношения к учебе, т. е. со списыванием, и выступающих за честное представление результатов любых проверочных работ. Самим преподавателям нужно формировать у студентов чувство ответственности путем воспитательной работы.

Приложения

Анкета (для преподавателей)

Ваш возраст...

Стаж работы в вузе...

Дисциплина, которую Вы преподаете...

1. Считаете ли Вы списывание студентами проблемой? (Да / Нет)

2. Какие из перечисленных мер борьбы со списыванием Вы применяете? (Отметить)

- Прошу студентов перед тестом/экзаменом положить мобильные телефоны на отдельный стол.

² Сиванич Дж., Попова Н.В., Вессарт О.В. Соединенные Штаты Америки: прошлое и современность. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 383 с.

- Прошу студентов перед тестом/экзаменом оставлять сумки/портфели в стороне и садиться за стол только с листком бумаги и ручкой.

- Во время проведения теста/экзамена никуда не отлучаюсь и зорко слежу за работой студентов.

- Перед проведением теста/экзамена провожу разъяснительную беседу о необходимости самостоятельного выполнения задания.

- Другое (*Поделитесь, пожалуйста, своими методами борьбы со списыванием*).

3. Считаете ли Вы эти методы эффективными? (Да / Нет)

4. Считаете ли Вы, что проблема списывания напрямую связана с несформированным чувством ответственности? (Да / Нет)

5. По мере обучения студентов (от младших курсов к старшим) проблема списывания увеличивается (т. е. списывают больше и изощреннее) или уменьшается?

6. По Вашему мнению, студенты каких институтов/факультетов списывают чаще?

7. Можете ли Вы объяснить, почему?

Анкета (для студентов)

Пол...

Возраст...

Пожалуйста, прочитайте внимательно утверждения и определите, насколько Вы с ними согласны (варианты ответов: «Да», если утверждение соответствует действительности; «Нет», если Вы с ним не согласны; «Не уверен», если не можете определиться с ответом)

1. Мои отметки в школе часто больше зависели от случайных обстоятельств (например, от настроения учителя), чем от моих собственных усилий. ...

2. Я часто чувствую, что мало влияю на то, что происходит со мной. ...

3. Думаю, что случай или судьба не играют важной роли в моей жизни. ...

4. При выполнении контрольных работ и тестов я полагаюсь только на свои знания. ...

5. В нашей группе списывать у соседа не принято. ...

6. Мне стыдно, когда я списываю у соседа. ...

7. Я не считаю, что списывание зазорно. ...

8. Перед экзаменом или тестом я заранее готовлю шпаргалки. ...

9. Мои отметки в школе больше всего зависели от моих усилий и степени подготовленности. ...

10. Если при написании теста я вижу, что у соседа не такой ответ, как у меня, то я зачеркиваю свой ответ и доверяю мнению соседа. ...

11. Человек, который не смог добиться успеха в своей работе, скорее всего не проявил достаточно усилий. ...

12. Я списываю при выполнении контрольных работ и тестов, так как мне важно просто сдать сессию. ...

13. В неприятностях и неудачах, которые были в моей жизни, чаще был виноват не я, а другие люди. ...

14. Успех является результатом упорной работы и мало зависит от случая или везения. ...

15. Общение с товарищами во время написания контрольных работ с помощью электронных устройств очень помогает. ...

16. Я часто пользуюсь Интернетом во время написания тестов и контрольных работ. ...

17. Я всегда предпочитаю принять решение и действовать самостоятельно, а не надеяться на помощь других людей или везение. ...

18. «Надо иметь мужество, чтобы пользоваться своими мозгами». ...

19. Цель учебы в университете — получить диплом, знания получу на практике. ...

20. Я считаю себя ответственным человеком. ...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухов Д.Н. Проблемы воспитания ответственности у современной молодежи // Молодой ученый. 2015. № 16. С. 408–410.

2. Шмелева Е.Д. Плагиат и списывание в российских вузах: роль образовательной среды и индивидуальные характеристики студента // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 84–109.

3. Малков Е.С. Списывать — нехорошо, но только не в России. URL: <https://iq.hse.ru/news/177671066.html> (дата обращения: 12.10.2016).

4. Милкус А. «Дожили! Отчисление за списывание — теперь выдающееся событие?» URL: <http://www.examen.ru/news-and-articles/news/dozhili!-otchislenie-za-spisyivanie-teper-vydayushheesyasobyitie> (дата обращения: 12.10.2016).

5. Мартин Н. Шпаргалки и смартфоны: списывание на экзаменах неизлечимо? URL: http://www.bbc.com/russian/blogs/2015/06/150624_blog_strana_russia_exams_cheating (дата обращения: 12.10.2016).

6. Борцова М.В. Факторы становления начальных форм ответственности личности: теоретический аспект: моногр. Славянск-на-Кубани: Изд-во СГПИ, 2007. 125 с.

7. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983. 240 с.

8. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. М.: Молодая гвардия, 1971. 336 с.

9. Солсо Р.Л., Маклин М.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 480 с.

10. Шафигуллина Ю.В. Роль преподавателя современного вуза в формировании социальной ответственности студенчества // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 113. С. 225–233.

11. Силласте Г.Г. Списывание в студенческой среде: позиции преподавателей и студентов (по результатам социол. экспресс-исслед.). 2012 г. URL: <http://www.fa.ru/chair/socio/research/Documents/> (дата обращения: 07.04.2017).

12. Слостенин В.А. Педагогика. М.: Школа-Пресс, 1997. 333 с.

13. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Психологическое исследование. М.: Просвещение, 1968. 464 с.

ГАВРИЛОВА Анна Вадимовна — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; gavanna2002@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

[1] D.N. Glukhov, [Problems of forming responsibility in modern young people], *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 16 (2015) 408–410.

[2] E.D. Shmeleva, [Plagiat and cheating in Russian universities: the importance of educational environment and student's personality], *Voprosy obrazovaniya*, 1 (2016) 84–109.

[3] E.S. Malkov, [Cheating is bad, but not in Russia]. Available at: <https://iq.hse.ru/news/177671066.html> (accessed 12.10.2016).

[4] A. Milkus, «Dozhili! Otchisleniye za spisyvaniye — teper' vydayushcheyesya sobytiye?». Available at: <http://www.examen.ru/news-and-articles/news/dozhili!-otchislenie-za-spisyivanie-teper-vydayushhe-esa-sobyitie> (accessed 12.10.2016).

[5] N. Martin, [Trots and smartphones: cheating at exams is incurable?]. Available at: http://www.bbc.com/russian/blogs/2015/06/150624_blog_strana_russia_exams_cheating (accessed 12.10.2016).

[6] M.V. Bortsova, *Faktory stanovleniya nachalnykh form otvetstvennosti lichnosti: teoreticheskiy aspekt* [Factors of formation of initial forms of person's re-

sponsibility: theoretical study, monograph], SGPI Publ., Slavyansk-na-Kubani, 2007.

[7] K. Muzdybayev, *Psikhologiya otvetstvennosti* [Psychology of responsibility], Nauka, Leningrad, 1983.

[8] V.A. Sukhomlinskiy, *Rozhdeniye grazhdanina* [Citizen Formation], Molodaya gvardiya, Moscow, 1971.

[9] R.L. Solso, M.N. Maklin, *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology], Praym-YeVROZNAK, St. Petersburg, 2006.

[10] Yu.V. Shafigullina, [Teachers' mission in modern universities in forming students' social responsibility], *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, 113 (2009) 225–233.

[11] G.G. Sillaste, [Studenys' cheating: teachers' and students' attitude to the problem (sociological express research)], 2012. Available at: <http://www.fa.ru/chair/socio/research/Documents/> (accessed 07.04.2017).

[12] V.A. Slastenin, *Pedagogika* [Pedagogy], Shkola-Press, Moscow, 1997.

[13] L.I. Bozhovich, *Lichnost' i yeye formirovaniye v detskom vozraste. Psikhologicheskoye issledovaniye* [Formation of personality at the early age], Prosveshcheniye, Moscow, 1968.

GAVERILOVA Anna V. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; gavanna2002@mail.ru

Received 12.01.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8212

УДК 378Е70

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

А.В. Рубцова, Н.И. Алмазова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена актуальной проблеме развития профессионально ориентированного иноязычного образования в системе российской высшей школы. Рассматриваются концептуальные основы профессионально ориентированного иноязычного образования, определяющие приоритетную стратегию совершенствования системы иноязычной подготовки в вузе. На основе анализа основных направлений развития профессионально ориентированного иноязычного образования выявлены возможности повышения эффективности иноязычной профессионально-коммуникативной подготовки студентов. К этим направлениям относятся: теория и практика обучения иностранному языку для специальных целей, интегрированного обучения содержанию предмета и иностранному языку, контекстный подход к обучению иностранному языку, профессиональная и продуктивная лингводидактика. Синтез некоторых компонентов представленных подходов и их разумное сочетание и использование в учебном процессе способны обеспечить эффективную коммуникативную подготовку студентов. При этом стратегическая направленность развития профессионально ориентированного иноязычного образования будет определяться качественно иной методологической основой, положительно влияющей на конкурентоспособность высшего российского образования в глобальном образовательном пространстве.

Ключевые слова: профессионально ориентированное иноязычное образование; подход; лингводидактика; качество иноязычного образования; высшая школа; стратегия

Ссылка при цитировании: Рубцова А.В., Алмазова Н.И. Стратегия развития профессионально ориентированного иноязычного образования в высшей школе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 107–114. DOI: 10.18721/JHSS.8212

STRATEGY FOR DEVELOPING PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGES EDUCATION IN TERTIARY EDUCATION

A.V. Rubtsova, N.I. Almazova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article analyzes some important problems of learning foreign languages for the specific purposes in Russian tertiary education. The authors identify the conceptual foundations of the professionally oriented foreign languages education integrating the basic educational approaches used in Russia and foreign countries. The purpose of this paper is to determine the priority strategy for improving the system of foreign languages training in universities. Based on the analysis of the main trends in the development of professionally oriented foreign language education, the authors describe the possibilities for increasing the efficiency of foreign-language professional and communicative training of students. For example, the authors focus on the theory and practice of teaching foreign languages for specific purposes, content- and language-integrated learning, contextual approach to teaching foreign languages, professional and productive linguodidactics. As a result, the authors come up with some recommendations for improving the quality of foreign language training of students. Synthesizing certain components of the approaches presented and reasonably combining them in the educational process can provide effective communication training for students. At the same time, the strategic orientation of the development of professionally oriented foreign language education is determined by a qualitatively different methodological foundation that has a positive effect on the competitiveness of higher education in the global educational space.

Keywords: professionally oriented foreign languages education; approach; linguodidactics; quality of foreign languages education; higher school; strategy

Citation: A.V. Rubtsova, N.I. Almazova, Strategy for developing professionally oriented foreign languages education in tertiary education, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 107–114. DOI: 10.18721/JHSS.8212

Антропоцентрические парадигмальные изменения, происходящие сегодня в отечественном образовании, обусловлены переходом на новую концепцию компетентностного подхода. В связи с этим все компоненты содержания образования подчиняются идее реализации комплекса профессионально значимых компетентностей, содержащихся в ФГОС ВПО третьего поколения. Отсюда возникает особое значение каждой дисциплины в смысле формирования личности профессионала. В том числе обучение иностранному языку (ИЯ) должно являться одним из средств и элементов учебной среды, обеспечивающей формирование профессиональной компетентности обучаемых.

Достижение обозначенных высоких образовательных результатов связано с определением стратегического развития профессионально

ориентированной иноязычной подготовки в вузе и глубоким методологическим анализом основных подходов к обучению ИЯ.

Современное профессионально ориентированное иноязычное образование фактически основано на нескольких подходах к обучению ИЯ, к которым относятся крупные зарубежные направления интегрированного междисциплинарного обучения ИЯ, получившие достаточно широкое применение и распространение: «Language for specific purposes» (LSP) и Content and Language Integrated Learning (CLIL).

Исследование «языка для специальных целей» началось в 60–70-е гг. XX в. Основателями этого направления считаются Дж.М. Свейлс, Л. Селинкер, Л.П. Тримбл, П. Стревенс и др. (J.M. Swales, 1971; L. Selinker & L.P. Trimble, 1976; P. Strevens, 1969). Т. Хатчинсон и А. Уотерс (1987)

впервые комплексно описали концепцию «Английский язык для специальных целей» и объяснили социально-экономические причины появления этого направления.

Следует отметить, что сегодня теоретическое развитие концепции LSP происходит по двум основным направлениям: лингвистическому и лингводидактическому.

Лингвистическое направление развития теории LSP основано на изучении речевых произведений в процессе общения людей в устном и письменном дискурсе в форме текстов. В лингвистике термин «LSP» имеет разные толкования, что приводит к определенной терминологической несогласованности: «язык для специальных целей» соотносят с понятиями «подъязык», «функциональный стиль», «жанр», «регистр» и т. д. Это связано с тем, что 1960-е гг. LSP противопоставляли языку для общих целей. В современной лингвистике LSP приобрел статус подсистемы естественного языка, что устранило данное противопоставление и привело к обоснованию схожести языков для специальных и общих целей.

Лексическим материалом LSP могут быть слова литературного языка, заимствования, сленг, цифровые символы и т. д. Морфологические и синтаксические характеристики LSP также не имеют принципиальных отличий от аналогичных в языке для общих целей. Текстовые жанры LSP связывают со специализированными текстами (финансовый отчет, технико-экономическое обоснование, деловое письмо и т. д.), что позволило исследователям выделять различные уровни языка текста LSP (языки технических, фундаментальных, гуманитарных наук, язык материального производства и т. д.).

Интенсивное развитие компьютерных технологий повлияло на интерес лингвистов к текстовым структурам LSP, что повлекло за собой появление исследований LSP в рамках корпусной лингвистики. Лингвистические аспекты LSP исследуются также в области контрастивной лингвистики, лексикологии, социолингвистики, теории перевода, психолингвистики.

Лингводидактический аспект LSP является предметом большого количества исследований в области методики преподавания ИЯ. Методология LSP в его наиболее распространенной версии ESP впервые была изложена в 1987 г. Т. Хатчинсоном и А. Уотерсом [1, с. 184]. Раз-

витие лингводидактического направления концепции ESP было продолжено Т. Дадли-Эвансом и М.Д. Сент-Джоном, которые разработали следующие основные положения:

- ESP рассматривается прежде всего как подход, в фокусе которого находятся не лингвистические, а лингводидактические аспекты обучения ИЯ;

- построение профессионально ориентированных курсов обучения ИЯ специалистов основывается на анализе личностных потребностей обучающихся;

- ESP направлен на формирование грамматических навыков, необходимых для определенных ситуативных контекстов, и не предусматривает изучение грамматических форм, которые уже известны обучающимся на базовом уровне;

- ESP характеризуется как язык, ограниченный ситуациями профессионального общения, в рамках которых строится специальный профессионально ориентированный курс;

- курс ESP может быть специально разработанным для конкретных дисциплин;

- программы ESP чаще всего разрабатываются для студентов среднего или продвинутого уровней владения ИЯ, но могут разрабатываться и для студентов начального уровня языковой подготовки;

- ESP соотносится с содержанием профильных дисциплин [2, с. 5].

Отметим, что оценивание уровня развития ИЯ по программам ESP проводится в целом на основе тех же методических приемов, что и в обучении английскому языку для общих целей. Преподаватель ESP выступает своего рода посредником, проводником знаний об изучаемых языке, жанре, дискурсе и терминологии, ему отводится роль методиста, куратора, консультанта, советника, эксперта. При этом преподаватель должен уметь проводить анализ потребностей учащихся, понимать методологию обучения и иметь базовое представление о профильной дисциплине.

В последнее десятилетие в европейской практике преподавания ИЯ произошло смещение акцентов в сторону предметно ориентированного обучения ИЯ, что привело к разработке интегрированного обучения содержанию предмета и ИЯ (Content and Language Integrated Learning – CLIL). Широко применяемый се-

годня в Западной Европе подход CLIL объединяет изучение предметной дисциплины и ИЯ и используется в качестве инструмента усвоения предметного знания. Данный подход является отражением политики Евросоюза, пропагандирующего билингвальное обучение как способ конвергенции стран Европы.

Основная идея CLIL основана на теории усвоения языка С. Крашена и заключается в том, что особым образом методически скоординированное обучение предметной дисциплины и ИЯ (в ряде случаев на ИЯ) способствует не только успешному усвоению обоих предметов, но и в значительной степени развивает когнитивные навыки обучающихся за счет установления разнообразных нейронных связей в головном мозге [3, с. 100–118]. Проведенные в большом количестве эксперименты доказали эффективность данного подхода, что привело к его стремительному распространению в школьном обучении в странах Евросоюза, Азии и Латинской Америки. Подход также успешно применяется в ряде европейских университетов.

В основу базовой концепции CLIL заложены так называемые «4 С»: «content» — содержание предметной дисциплины; «communication» — устная и письменная коммуникация по специальности; «cognition» — познание, т. е. развитие познавательных способностей учащихся в процессе изучения языка и специального предмета; «culture» — культурологический компонент образовательного процесса, обуславливающий формирование у обучающихся ответственности за глобальное и локальное гражданское общество.

Основоположники CLIL Д. Койл, Ф. Худ, Д. Марш выделяют следующие целеполагающие принципы развития учебного процесса:

1. Аутентичность (использование в учебном процессе аутентичных учебных материалов и моделирование ситуаций, отражающих реальную жизнь).

2. Многозадачность, которая выражается в том, что учебный процесс должен быть сконцентрирован на нескольких направлениях: освоение предметного содержания, развитие когнитивных навыков; развитие навыков презентации и дискуссии; развитие языковых навыков; формирование умений сотрудничества между обучающимися в режиме групповой работы и пр.

3. Активное обучение, которое позволяет обучаемым быть личностно вовлеченными

в процесс обучения как на стадии подготовки проекта, так и на стадии презентации.

4. Безопасная среда обучения, которая обеспечивается путем создания дружелюбной обстановки и равных условий для всех обучаемых, что отвечает важному психолого-педагогическому положению о создании комфортной для обучающихся обстановки на занятиях по ИЯ [4].

5. Методическая поддержка, основанная на концепции «зоны ближайшего развития» по Л.С. Выготскому и Дж. Брунеру (необходимость создания учебных опор, постепенно устраняемых по мере приобретения обучающимся автономии учебных действий) [5].

Обучение ИЯ на основе CLIL не предусматривает входных требований к языковым навыкам учащихся; программы CLIL не имеют возрастных ограничений, что делает их адаптируемыми к различным учебным контекстам. При этом овладение обучающимися ИЯ не является приоритетной задачей CLIL. Язык — это не цель, а средство формирования предметной и иноязычной компетенций обучаемых.

В основу данного подхода заложено понимание интегративности образовательного процесса, которая может осуществляться по-разному, например путем включения изучения ИЯ в программу обучения специальному предмету (математике, истории, географии и др.). Предметное содержание может использоваться на занятиях по ИЯ посредством сотрудничества преподавателя ИЯ с преподавателем специального предмета [4].

Рассматриваются три основные модели CLIL: 1) soft CLIL, так называемый language-led, когда основное внимание акцентируется на лингвистических особенностях специального контекста; 2) hard CLIL, так называемый subject-led (предметно ориентированный), когда почти 50 % учебного плана предметов по специальности изучается на ИЯ; 3) модель, занимающая промежуточное положение; используется, когда некоторые модульные программы по специальности изучаются на ИЯ (partial immersion — частичное погружение).

Не менее важно и то, что одной из главных целей обучения в рамках CLIL является когнитивное развитие обучающихся, основанное на формировании мыслительных операций в контексте широко известной таксономии целей

обучения Б. Блума [6]. Они подразделяются на простейшие мыслительные навыки (low order thinking skills) — запоминание, классификация, определение объекта и др. — и мыслительные навыки высокого порядка (high order thinking skills) — прогноз, рассуждение, креативное мышление, синтез, оценка, построение гипотезы и т. д.

Несомненно, данный подход имеет целый ряд преимуществ, однако, согласно основным требованиям CLIL, преподаватель-предметник, осуществляющий обучение, должен обладать высокоразвитой иноязычной компетенцией. Это условие реализации данного подхода усложняет его адаптацию в российских учебных заведениях, потому что преподавателей-предметников, владеющих ИЯ на высоком уровне, конечно, недостаточно, а их массовая языковая подготовка требует разработки и внедрения системного подхода в педагогическое образование.

Отметим, что в отечественной педагогической науке активным образом ведется разработка профессионально ориентированного направления в иноязычном образовании. Особое место занимает широко распространенный контекстный метод, разработанный А.А. Вербицким [7]. В рамках данного метода производится моделирование предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности специалиста. Усвоение обучаемым абстрактных знаний как знаковых систем происходит параллельно с практическим осуществлением будущей профессиональной деятельности.

Можно отметить, что контекстное обучение предполагает последовательное моделирование предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности студентов. Данный подход к обучению смещает акценты с пассивного «потребления» отдельной профессиональной информации и готовых знаний на формирование у студентов готовности и способности осуществлять профессиональную деятельность.

Попытки осветить контекстный подход в обучении иностранным языкам были приняты Г.К. Борозенец, М.И. Мамолевой, Ю.В. Панковым, Л.И. Буровой, Е.В. Кабановой, О.А. Григоренко и др.

Основная функция контекстного подхода к обучению ИЯ — это создание условий для транс-

формации учебно-познавательной деятельности в профессионально-коммуникативную, таким образом моделируя образовательную среду, чтобы максимально приблизить ее по форме и содержанию к профессиональной.

В контекстном обучении ИЯ предполагается использование «профессиональных и производственных контекстов» или ситуаций, которые создают проблемность в обучении ИЯ: осуществляется разработка проектов по тематике, ограниченной направлением подготовки; используются активные методы решения ситуативно-коммуникативных задач, разыгрывание ролей, деловые игры и пр.

В современных условиях обучения ИЯ в вузе контекстный подход используется достаточно широко. Как правило, к основным типам обучающих технологий контекстного подхода в иноязычном образовании относят: кейс-технологии (А.Е. Ниязова, Н.В. Нестерова, А.Н. Утехина), технологию социально-контекстного образования (О.Н. Мачехина), трениговую технологию, технологию развивающего, адаптивного, программированного, проблемного обучения, технологию активизации познавательной деятельности и пр.

В области лингводидактики особого внимания заслуживает активно разрабатываемое сегодня направление «профессиональная лингводидактика» (А.К. Крупченко, А.Н. Кузнецов). Данное направление определяется как отрасль лингводидактики, направленная на разработку методологии профессионально ориентированного обучения ИЯ. В целом профессиональная лингводидактика исследует закономерности и принципы взаимодействия изучающего ИЯ и обучающего [8].

Как справедливо полагает А.К. Крупченко, объектами профессиональной лингводидактики обоснованно выступают явления профессионально ориентированного обучения ИЯ, а также результаты познания как в языковой, так и в специальной области. Эти образовательные достижения фиксируются в определенной знаковой форме. Это могут быть программы, учебники, лингводидактические модели формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции и т. п. В целом профессиональная лингводидактика объектом своего исследования рассматривает весь процесс обучения специалистов ИЯ в контексте не-

прерывности профессионального образования. При этом предметом профессиональной лингводидактики является формирование лингво-профессиональной обучающей среды [8].

Необходимо, на наш взгляд, также отметить развитие инновационного направления в отечественной лингводидактике *продуктивная лингводидактика*, которая как методологический аспект теории обучения ИЯ включает в себя психолого-педагогические, философско-аксиологические и методико-технологические основания¹.

Содержание концепта «продуктивность» в соотношении с основополагающими категориями теории и практики продуктивного образования понимается нами как обеспечение четкой ориентированности образования на реальный, конкретный, конечный продукт, самостоятельно полученный изучающим ИЯ в процессе учебной и практической деятельности.

Продуктивность трактуется как совокупность методологических показателей эффективного управления иноязычным образованием, которое понимается как процесс становления и развития личности, способной к самообразованию и самоопределению в процессе профессионально ориентированного обучения ИЯ.

В этой связи разработанный нами продуктивный подход в профессионально ориентированном иноязычном образовании (А.В. Рубцова, Ю.В. Ерёмин, Н.И. Алмазова) определяется как концептуальная основа развития системы продуктивных лингводидактических технологий, которые позволяют осуществлять эффективное проектирование учебного процесса. При этом конкретные практические цели обучения ИЯ включают становление и развитие личности обучаемого, формирование его способности к самообразованию и саморазвитию, что обеспечивает профессиональный и коммуникативно достаточный уровень языковой подготовки студентов [9].

В практическом плане внедрение в учебный процесс системы продуктивных лингводидактических технологий соответствует общему направлению реформирования иноязычного образования, предполагающему единство целей и методов развивающего обучения. К та-

ким технологиям мы относим технологии: автономного продуктивно-модульного обучения ИЯ, продуктивных лингвокогнитивных задач, модульного обучения продуктивному филологическому чтению на ИЯ.

Отметим, что психолого-педагогической основой системы продуктивных лингводидактических технологий является концепция «современных образовательных технологий в обучении ИЯ». В русле данной концепции в качестве субъекта образовательного процесса выступает прежде всего обучающийся вне зависимости от возраста, социального статуса и педагогических условий. Это положение обуславливает использование разработанных преподавателем различных корректирующих процедур, средств мониторинга и самоконтроля за ходом и результатами учебного процесса.

Данные положения дают возможность наиболее полно реализовывать гуманистическую образовательную парадигму на различных ступенях обучения ИЯ, что способствует особой концентрации внимания на соответствующих аспектах психологии, социологии творчества, философии образования и педагогики.

Итак, продуктивная лингводидактическая технология понимается нами как комплексная модель воспитывающего иноязычного образования, осуществляемого в режиме самоконтроля и самоуправления с опорой на мотивационно-эмпатическую и творческую составляющие на основе рефлексивного анализа и самооценки, обеспечивающая создание личностного иноязычного речевого продукта обучаемого как средства самоопределения и саморазвития.

Инновационность продуктивной лингводидактической технологии выражается в творческом индивидуальном результате учебной деятельности, что позволяет изучающему ИЯ раскрыть свой творческий потенциал, по-новому преломляя полученные иноязычные знания. Продуктивный характер учебного процесса при этом выражается в направленности на конкретный образовательный продукт и обуславливает следующую методологию овладения ИЯ:

- реализация целеполагания в процессе овладения ИЯ;
- определение процессуальной стороны учебно-познавательной деятельности (средства, формы и способы продуктивного освоения ИЯ);

¹ Рубцова А.В. Основы продуктивной лингводидактики. СПб., 2017.

- проектирование личностного иноязычного образовательного продукта,
- осуществление рефлексии и самооценки;
- реализация самоподдержки достигнутого уровня владения ИЯ и пр.

Представленные методологические основы развития иноязычного образования в высшей школе в целом способствуют формированию умения обучающегося осознанно использовать механизм овладения ИЯ. Другими словами, речь идет о формировании личностного представления о ситуациях и целях профессионально ориентированной коммуникации, видах и умениях иноязычной речевой деятельности, стратегиях общения, что определяет показатели и критерии оценки уровня владения ИЯ. При этом изучающий ИЯ становится способным определять личные потребности в области овладения ИЯ и использования его на основе анализа своего реального практического опыта, а также в образовательной, профессиональной и других сферах деятельности.

В целом можно отметить, что продуктивные лингводидактические технологии, с одной стороны, обеспечивают осуществление инновационных процессов в современном иноязычном образовании, а с другой стороны, по сути представляют собой основу инновационной педагогической деятельности, которая определяет развитие обновленной стратегии реализации профессионально ориентированного иноязычного образования, сущностную модернизацию учебно-воспитательного процесса с целью повышения качества профессионально-

коммуникативной подготовки выпускников российских вузов.

Таким образом, понимание и анализ проблем в области профессионально ориентированного иноязычного образования, несомненно, позволяют так или иначе определять наиболее оптимальные пути развития языковой и образовательной политики, главной целью которой является повышение качества российского высшего образования.

Современная образовательная стратегия в области высшего профессионального образования обуславливает изменение языковой политики, определяющей целеполагание профессионально ориентированного иноязычного образования, в основе которого заложена идея формирования устойчивых знаний в области иноязычного профессионального и академического дискурса, что само по себе является базовым универсальным навыком. Совершенно очевидно, что в современном глобальном образовательном пространстве качество языкового университетского образования является не только критерием личного успеха обучаемого, но и фактором, влияющим на экономическое и социальное развитие государства и общества. Соответственно очевидна и необходимость модернизации системы языковой подготовки в области высшего образования на основе современных, профессионально-интегративных подходов в условиях стремительного развития глобального образовательного пространства, в котором система российского образования должна быть конкурентоспособной и стабильно занимать лидирующие позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hutchinson T., Waters A. "English for specific purposes / A learning centered approach". Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
2. Dudley-Evans T., St John M.J. Developments in English for specific purposes (A multi-disciplinary approach). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
3. Krashen S. Principles and practice in second language acquisition. Oxford: Pergamon Press, 1982.
4. Coyle D., Hood P., Marsh D. CLIL Content and language integrated learning. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
5. Bruner J.S. The ontogenesis of speech acts // J. of Child Language. 1975. No. 2. Pp. 1–10.
6. Bloom B., Mesia B., Krathwohl D. Taxonomy of educational objectives (two vols: the affective domain and the cognitive domain). N. Y.: David McKay, 1956.
7. Вербицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение: моногр. М.: Изд-во Исслед. центра проблем качества подготовки специалистов, 1999. 75 с.
8. Крупченко А.К., Кузнецов А.Н. Основы профессиональной лингводидактики: моногр. М.: Академия, 2015. 232 с.
9. Алмазова Н.И., Еремин Ю.В., Рубцова А.В. Productive linguodidactic technology as an innovative approach to the problem of foreign language training efficiency in high school // Russian linguistic Bulletin. 2016. No. 3 (7). С. 50–54. DOI: 10.18454/RULB.7.38.

РУБЦОВА Анна Владимировна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; annarub2011@yandex.ru

АЛМАЗОВА Надежда Ивановна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; almazovanadia1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.03.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

REFERENCES

- [1] T. Hutchinson, A. Waters, "English for specific purposes / A learning centered approach", Cambridge Univ. Press, Cambridge, 1987.
- [2] T. Dudley-Evans, M.J. St John, Developments in English for specific purposes (A multi-disciplinary approach), Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2011.
- [3] S. Krashen, Principles and practice in second language acquisition, Pergamon Press, Oxford, 1982.
- [4] D. Coyle, P. Hood, D. Marsh, CLIL Content and language integrated learning, Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2010.
- [5] J.S. Bruner, The ontogenesis of speech acts, Journal of Child Language, 2 (1975) 1–10.
- [6] B. Bloom, B. Mesia, D. Krathwohl, Taxonomy of educational objectives (two vols: the affective domain and the cognitive domain), David McKay Publ., New York, 1956.
- [7] A.A. Verbitskiy, Novaya obrazovatel'naya paradigma i kontekstnoye obucheniye [New educational paradigm and contextual learning. Monograph], Scientific center of specialist qualitative training Publ., Moscow, 1999.
- [8] A.K. Krupchenko, A.N. Kuznetsov, Osnovy professional'noy lingvodidaktiki [Basics of professional linguodidactics. Monograph], Academy Publ., Moscow, 2015.
- [9] N.I. Almazova, Yu.V. Eremin, A.V. Rubtsova, Productive linguodidactic technology as an innovative approach to the problem of foreign language training efficiency in high school, Russian linguistic Bulletin, 3 (7) (2016) 50–54. DOI: 10.18454/RULB.7.38.

RUBTSOVA Anna V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; annarub2011@yandex.ru

ALMAZOVA Nadezhda I. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; almazovanadia1@yandex.ru

Received 19.03.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

DOI: 10.18721/JHSS.8213

УДК 1-14

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ А.В. СОЛДАТОВА (К 70-летию со дня рождения)

О.Д. Шипунова, Д.И. Кузнецов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Александр Васильевич Солдатов — известный российский философ и религиовед, специалист в области философской теории бытия, исследователь проблем глобализации, диалога дисциплин, национальной безопасности, философских проблем естествознания — родился 9 июня 1947 г. В 1970 г. окончил философский, а в 1973 г. — физический факультет и аспирантуру в Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова. С 1990 г. по настоящее время он работает в Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете. Ныне А.В. Солдатов — профессор, заведующий кафедрой социологии и философии факультета естественно-научного и гуманитарного образования, декан Высшего гуманитарного колледжа СПбГМТУ. Одновременно он является профессором кафедры ЮНЕСКО института международных связей Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Имя советского и российского философа и религиоведа получило широкую известность во всем мире. А.В. Солдатов — член Британского научного и религиозного форума, Европейского общества по изучению науки и теологии, Международного общества по изучению времени. В России и за рубежом опубликовано более 150 работ исследователя, среди них 12 монографий и учебников. Высокое педагогическое мастерство и заслуги А.В. Солдатова перед наукой отмечены почетными грамотами и благодарностями Министерства образования и науки РФ, губернатора Санкт-Петербурга, ректора СПбГМТУ. Он награжден медалью «Ветеран труда», знаками «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» и «Заслуженный деятель науки Дагестана».

Ключевые слова: А.В. Солдатов; творческий путь; биография; деятель науки; философ; религиовед

Ссылка при цитировании: Шипунова О.Д., Кузнецов Д.И. Творческий путь заслуженного деятеля науки Российской Федерации А.В. Солдатова (К 70-летию со дня рождения) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 115–118. DOI: 10.18721/JHSS.8213

THE CREATIVE PATH OF THE HONORED WORKER OF SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION ALEXANDER V. SOLDATOV (The 70th anniversary of birth)

O.D. Shipunova, D.I. Kuznetsov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Alexander Soldatov is a well-known Russian philosopher and theologian, the specialist in the field of philosophical theory of being, the researcher of globalization, interdisciplinary dialogue, national security problems, philosophical problems of natural science. He was born on June 9th of 1947. In 1970 he graduated from the philosophical faculty, in 1973 — the faculty of physics and postgraduate studies at Zhdanov Leningrad State University. From 1990 to the present time, A.V. Soldatov has been working in State Marine Technical University (SPbSMTU) as the professor, the head of Sociology and Philosophy Department of Natural Sciences and Humanities Faculty, the Dean of Graduate College of Humanities of SPbSMTU. At the same time, he is the professor at the UNESCO Department of Institute of International Relations of Herzen University. The name of this Soviet and Russian philosopher and theologian has become widely known all over the world. A.V. Soldatov is the member of the British scientific and religious forum, the European society for the study of science and theology, the International Society for the study of Time. There are more than 150 works of this researcher published in Russia and abroad, among them are 12 monographs and textbooks. High pedagogical skills of A.V. Soldatov and his merits for science have received commendations from the Ministry of education and science of the Russian Federation, the Governor of St. Petersburg, rector of SPbSMTU. He was awarded the medal of the Veteran of Labor, signs of the Honored Science Worker of the Russian Federation and the Honored Science Worker of Dagestan.

Keywords: Soldatov A.V.; career; biography; scientist; philosopher; theologian

Citation: O.D. Shipunova, D.I. Kuznetsov, The creative path of the honored worker of science of the Russian Federation Alexander V. Soldatov (The 70th anniversary of birth), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (2) (2017) 115–118. DOI: 10.18721/JHSS.8213

9 июня 2017 г. исполняется 70 лет доктору философских наук, профессору Александру Васильевичу Солдатову, известному российскому философу и религиоведу, исследователю проблем глобализации, диалога дисциплин, национальной безопасности, философских проблем естествознания. В 1970 г. он окончил философский, а в 1973 г. — физический факультет и аспирантуру в Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова, в том же году пришел на кафедру диалектического материализма ЛГУ, где был ассистентом, затем доцентом. Свой путь в науку молодой ученый начал с исследований в области философской теории

бытия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук («Понятия пространства и времени в структуре естественно-научной теории») была защищена им в 1974 г., но она и сейчас имеет большое значение для исследователей.

Путь А.В. Солдатова в науке логичен и последователен. У него всегда есть план, задача, методика ее реализации. Основательность, серьезность, дисциплина проявляются во всем, что он делает. Талантливый ученый с широким научным кругозором, способностью исторического предвидения, Александр Васильевич любит и умеет много работать.

В зарубежной командировке (в 1983–1984 гг. А.В. Солдатов работал на Кубе) он также плодотворно трудился. Преподавая философию в Университете Сантьяго-де-Куба, занимался важным и ответственным делом — готовил национальные научные и педагогические кадры для Острова Свободы. Молодой ученый разработал концепцию преподавания философии в этом университете, планы, лекционные курсы. Результаты его работы — написанные программы, конспекты лекций, испаноязычный учебник по философии. Сегодня этот вуз хорошо известен во всем мире благодаря своим разработкам, международным симпозиумам, выпускникам, которые получили научные степени и продолжают дело учителей.

Большое значение имеют написанные А.В. Солдатовым докторская диссертация «Проблема мироздания в науке и культуре» (1990) и монография на эту же тему, изданная в 1991 г.

С 1990 г. по настоящее время А.В. Солдатов трудится в Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете. Он профессор, заведующий кафедрой социологии и философии факультета естественно-научного и гуманитарного образования, декан Высшего гуманитарного колледжа СПбГМТУ. Одновременно является профессором кафедры ЮНЕСКО института международных связей Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Где бы ни работал А.В. Солдатов, он всегда остается мыслителем. Можно долго перечислять написанные ученым статьи, учебные и справочные пособия. В России и за рубежом опубликовано более 150 работ исследователя, среди них 12 монографий и учебников. Труды ученого получили широкое признание, они хорошо известны в нашей стране и часто используются в исследовательской и преподавательской деятельности. За последние 15 лет в ведущих издательствах России под редакцией Солдатова вышли в свет учебные пособия по философии для гуманитарных и технических факультетов, для юридических вузов. Все эти книги актуальны, они активно переиздаются и востребованы студентами. Уже пять переизданий выдержал базовый учебник для высших учебных заведений по религиоведению, написанный сотрудниками кафедры под научным руководством А.В. Солдатова. Этот уникаль-

ный труд объемом 800 страниц помогает осуществлять инициативы по реформированию образовательных программ в высшей и средней школе России в сфере религиоведения.

По инициативе А.В. Солдатова и при его непосредственном участии в Санкт-Петербурге создан и активно функционирует Международный фонд изучения проблем науки и богословия им. П.А. Флоренского. Проводимые под эгидой фонда научные симпозиумы привлекают ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области философии, социологии, истории, теологии. В 1995 г. была открыта Санкт-Петербургская академия истории науки и техники, президентом и учредителем (вместе с В.Л. Александровым и С.В. Соболевой) которой является А.В. Солдатов. Под его руководством в 2004 г. был организован Межвузовский центр по образованию в области истории и философии науки и техники, имеющий главной задачей организацию взаимодействия представителей образовательной и производственной сферы.

А.В. Солдатов — талантливый ученый, прекрасный организатор, опытный педагог. И светлый, обаятельный, дружелюбный человек. Он не только сам смог реализовать собственный научный и педагогический потенциал, но и сумел научить этому своих воспитанников.

Имя мыслителя широко известно в России и за рубежом. А.В. Солдатов является членом Британского научного и религиозного форума, он избран членом Европейского общества по изучению науки и теологии, Международного общества по изучению времени.

Вклад ученого в науку и многолетний труд в сфере образования высоко оценен Правительством России. А.В. Солдатов неоднократно отмечался почетными грамотами и благодарностями Министерства образования и науки РФ, губернатора Санкт-Петербурга, он награжден медалью «Ветеран труда», знаками «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» и «Заслуженный деятель науки Дагестана».

Уважаемый Александр Васильевич!

По случаю юбилея примите поздравления от Ваших коллег по гуманитарному цеху! Опытный и талантливый организатор, человек разносторонних знаний, Вы принадлежите к тем гражданам России, которые активно участвуют в решении социальных программ страны. Посвящая свой

труд развитию философских, теологических и педагогических традиций, Вы работаете на благо Будущего. Пусть и в дальнейшем дело, которому Вы служите, приносит Вам радость. Желаем Вам доброго здоровья, творческих успехов, хоро-

ших учеников, новых достижений, энергии и осуществления всех планов!

*Дмитрий Кузнецов,
главный редактор журнала
«НТВ. Гуманитарные и общественные науки»*

ШИПУНОВА Ольга Дмитриевна — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; o_shipunova@mail.ru

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Иванович — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; dkuznec@list.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2017 г., принята к публикации 11.05.2017 г.

SHIPUNOVA Olga D. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; o_shipunova@mail.ru

KUZNETSOV Dmitriy I. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; dkuznec@list.ru

Received 11.04.2017, accepted 11.05.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

Том 8, № 2, 2017

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Лицензия ЛР № 020593 от 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 17.07.2017 г. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 14,75. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru